ДБ-300
К-6Н
Кони, А.Е.
Ф. П. Гаазъ, изд. 3.
Спб, 1904.

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ГААЗЪ

Біографическій очеркъ

— А. Ф. КОНИ. —

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

(Обвинительныя рѣчи. Руководящія напутствія присяжнымъ. Кассаціонныя заключенія). 1868—1888 гг. Изданіе третье. 1896 г. Цѣна **3** р. **50** к.

ЗА ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.

(Судебныя рѣчи. Воспоминанія и сообщенія. Юридическія замѣтки). Изданіе второе. Цѣна **3** р. **50** к.

Складъ вышеозначенныхъ изданій въ книжномъ магазинѣ «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ГААЗЪ.

Біографическій очеркъ съ портретомъ. Второе изданіе. Цѣна **50** к., съ перес. **70** к. Изданіе А. Ф. Маркса, въ СПБ.

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 т., 8458 стран. in 8⁰, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильн. памятника. Цѣна 12 томамъ 18 р., съ перес. 21 р.; въ перепл.—24 р., съ перес. 27 р. Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ (только безъ перепл.) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 6 т., 3562 стр. in 8⁰, съ критико-біографич. очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполнен. геліогравюрой. Цѣна 9 р., съ перес. 10 р.; въ 5-ти красив. коленкор. переплетахъ—12 р., съ перес. 13 р. 25 к.

Головинъ, К. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“ въ 12 томахъ съ портретомъ автора. Изданіе отпечатано на хорошей бумагѣ и содержитъ 4730 стр. in 8⁰, СПБ. 1903 г. Цѣна 12 томамъ 15 р., съ перес. 16 р. 50 к., въ 7 переплетахъ 18 р. 50 к., съ перес. 20 р. Тома продаются и отдѣльно (но только безъ переплетовъ) по 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Случевскій, К. К. „СОЧИНЕНІЯ“, съ портретомъ и автографомъ автора, исполн. геліогравюрой. Изящное изданіе in 8⁰, въ 6 т. Цѣна 8 р., съ перес. 8 р. 75 к.; въ перепл. 11 р., съ перес. 12 р.

Чеховъ, Антонъ. „СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“. Томы: I, II, III, IV, V, VI, VIII и IX—„Разсказы“; т. VII — „Пьесы“; т. X — „Островъ Сахалинъ“. (Изъ путевыхъ записокъ). Изящно изданныя книги, отпечатанныя на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ 8-ю д. л. СПБ. 1900—902 гг. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ красивомъ коленкор. переплетѣ — по 2 р., съ перес.—по 2 р. 30 к.

Лѣсковъ, Н. С. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“, 2-ое изданіе въ 12-ти томахъ, съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ 5 портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, LVI+6646 стр., въ 8 д. л. Цѣна 15 р., съ перес. 17 р.; въ 12-ти переплетахъ 20 р., съ перес. 22 р. 50 к.

Данилевскій, Г. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“. 9-ое изданіе въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изящное изданіе, отпечатанное на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р.; въ 7 перепл. 13 р., съ перес. 14 р.

Боборыкинъ, П. Д. „СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“, въ 12-ти т., съ портретомъ и автографомъ, гравир. у Брокгауза, 4153 стран. in 8⁰. Цѣна 4 р., съ перес. 5 р.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 50 к.

Фетъ, А. А. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ“ подъ ред. Б. В. Никольскаго, въ 3-хъ т., съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронологич. и алфавитн. указателями и съ прилож. вступительн. статей Н. Н. Страхова и Б. В. Никольскаго. Изящное изданіе въ 8 д. л., 1754 стр. СПБ. 1901 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 25 к. Цѣна роскошн. изданія, на слоновой бумагѣ 10 р., съ перес. 11 р.; въ переплетѣ 13 р., съ перес. 14 р.

Полонскій, Я. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ“, въ 5-ти том., 2415 стр., вновь пересмотр. и очень значительно дополненное съ прилож. двухъ портр. Я. П. Полонскаго, гравиров. на стали Брокгаузомъ. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.; въ перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 25 к.

Шекспиръ. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“; въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Въ 8-ми т. in 8⁰, 3688 стр. Съ обширною вступительною статьею: „Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ“, біографич. очеркомъ, обстоятельными историко-критическими этюдами къ каждому произведенію и многочисленными (3.097) объяснительными примѣчаніями. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р.; въ 4-хъ перепл. 12 р., съ перес. 13 р.

Майковъ, А. Н. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“, новое 7-е изданіе въ 4-хъ томахъ, съ автографомъ и 2 портретами А. Н. Майкова, гравирован. на стали Ф. А. Брокгаузомъ. Изящное изданіе, XXVI+2284 стр., въ 8-ю д. л. СПБ. 1901 г. Цѣна за всѣ 4 тома 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.; въ перепл. 6 р., съ перес. 6 р. 75 к. Для лицъ, имѣющихъ предыдущія трехтомныя изданія, новый дополнит. IV томъ продается отдѣльно по цѣнѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Собранія сочиненій РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ: 1) А. С. Грибоѣдова, 2) А. И. Полежаева, 3) Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, 4) И. И. Козлова, 5) А. В. Кольцова, 6) М. В. Ломоносова, 7) Д. И. Фонвизина, — составленныя по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, тщательно провѣренныя по источникамъ, отчасти дополненныя и изданныя подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ, гравирован. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ и Дейнингеромъ въ Мюнхенѣ. Цѣна за одинъ экземпляръ каждаго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій—1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ коленкор. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 80 к. Для любителей изящныхъ изданій сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова) отпечатаны на лучшей голландской слоновой бумагѣ,—по цѣнѣ за экземпл.: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; а въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Fedor Hass.

DB
300
K64

А. Ѳ. КОНИ.

Ѳедоръ Петровичъ ГААЗЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Съ портретомъ, 4 факсимиле Ѳ. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рисунками

Е. П. Самокишъ-Судковской.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Дозволено цензурою СПБ. 5 марта 1904 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

4/90936

Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса, Измайловскій просп., № 29.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРОФЕССОРУ

ЛЕОНАРДУ ЛЕОПОЛЬДОВИЧУ

ГИРШМАНУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ первому изданію.

Лѣтомъ 1890 года, въ Петербургѣ состоялся четвертый международный тюремный конгрессъ, связанный съ чествованіемъ памяти знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда, умершаго въ Россіи въ 1790 году. Предполагая произнести при открытіи засѣданій конгресса рѣчь о заслугахъ Говарда, авторъ предлагаемаго очерка занялся собираніемъ свѣдѣній о русскихъ его послѣдователяхъ. Нездоровье воспрепятствовало осуществленію этого предположенія,—но между свѣдѣніями о тѣхъ, кто шелъ у насъ по стопамъ Говарда, пришлось встрѣтиться съ данными, относящимися къ дѣятельности главнаго врача московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 по 1853 годъ—доктора Ѳедора Петровича Гааза.

Чѣмъ дальше шло ознакомленіе съ разбросанными по различнымъ изданіямъ замѣтками и воспоминаніями о Гаазѣ, тѣмъ ярче и привлекательнѣе выступала, въ своей величавой простотѣ, его совсѣмъ забытая въ настоящее время личность, въ нѣкоторой степени даже заслоняя собою образъ Говарда. Разборъ обширнаго архивнаго

матеріала по дѣламъ и журналамъ Попечительнаго о тюрьмахъ Общества, разсмотрѣніе рукописей, писемъ и сочиненій Гааза и сношенія съ людьми, лично его знавшими или слышавшими о немъ отъ его друзей или близкихъ знакомыхъ,—дали возможность подробно изучить сердечную глубину и нравственную высоту этого человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его трудовой, всецѣло отданной на служеніе человѣчеству жизни.

Результатомъ этого изученія былъ, въ 1892 году, рядъ публичныхъ чтеній о Гаазѣ, въ пользу голодающихъ. Содержаніе этихъ чтеній, обработанное и дополненное новыми свѣдѣніями, составляетъ предметъ настоящаго очерка. Онъ все-таки далеко не полонъ. Быть можетъ, однако, появленіе его въ печати вызоветъ къ жизни новыя воспоминанія о человѣкѣ, имя и дѣятельность котораго *не должны* быть оставляемы на жертву забвенію.

Принося искреннюю благодарность всѣмъ подѣлившимся съ нимъ своими свѣдѣніями о Гаазѣ и въ особенности врачу Александровской больницы въ Москвѣ С. В. Пучкову, авторъ посвящаетъ свой трудъ профессору харьковскаго университета и директору глазной его клиники Леонарду Леопольдовичу Гиршману.

Каждый, кому довелось встрѣтиться на жизненномъ пути съ докторомъ Гиршманомъ и передъ кѣмъ прошелъ чистый и человѣколюбивый образъ этого слуги и друга страждущихъ, пойметъ чувство, внушившее мысль посвятить именно ему очеркъ жизни Гааза, который, къ слову сказать, былъ тоже по своей спеціальности врачемъ глазныхъ болѣзней. Для тѣхъ же, кому не знакомо имя профессора Гиршмана, пусть послужатъ объясненіемъ посвященія заключительныя слова адреса студентовъ-медиковъ, поднесеннаго ему въ день тридцатипятилѣтія его дѣятельности, 24 сентября 1895 года:

«Учитель, научи насъ трудной наукѣ среди людей остаться человѣкомъ,—научи насъ въ больномъ видѣть своего брата безъ различія религіи и общественнаго положенія,—научи насъ любить правду, предъ ней одной преклоняться. Отдаваясь всей душой мгновеннымъ порывамъ къ добру, мы часто быстро падаемъ духомъ. Научи же насъ, гдѣ черпать ту силу, чтобы до преклонныхъ лѣтъ сохранить чистоту

и свѣжесть идеаловъ, чтобы жизнь, пригибая наше тѣло къ землѣ, не сгибала, не старила нашего духа.

«Учи же насъ еще многіе и многіе годы, дорогой учитель,—отдавая свои силы и помыслы служенію больному брату, не извлекать корысти изъ несчастья ближняго, не дѣлать ремесла изъ священнаго призванія нашего!»

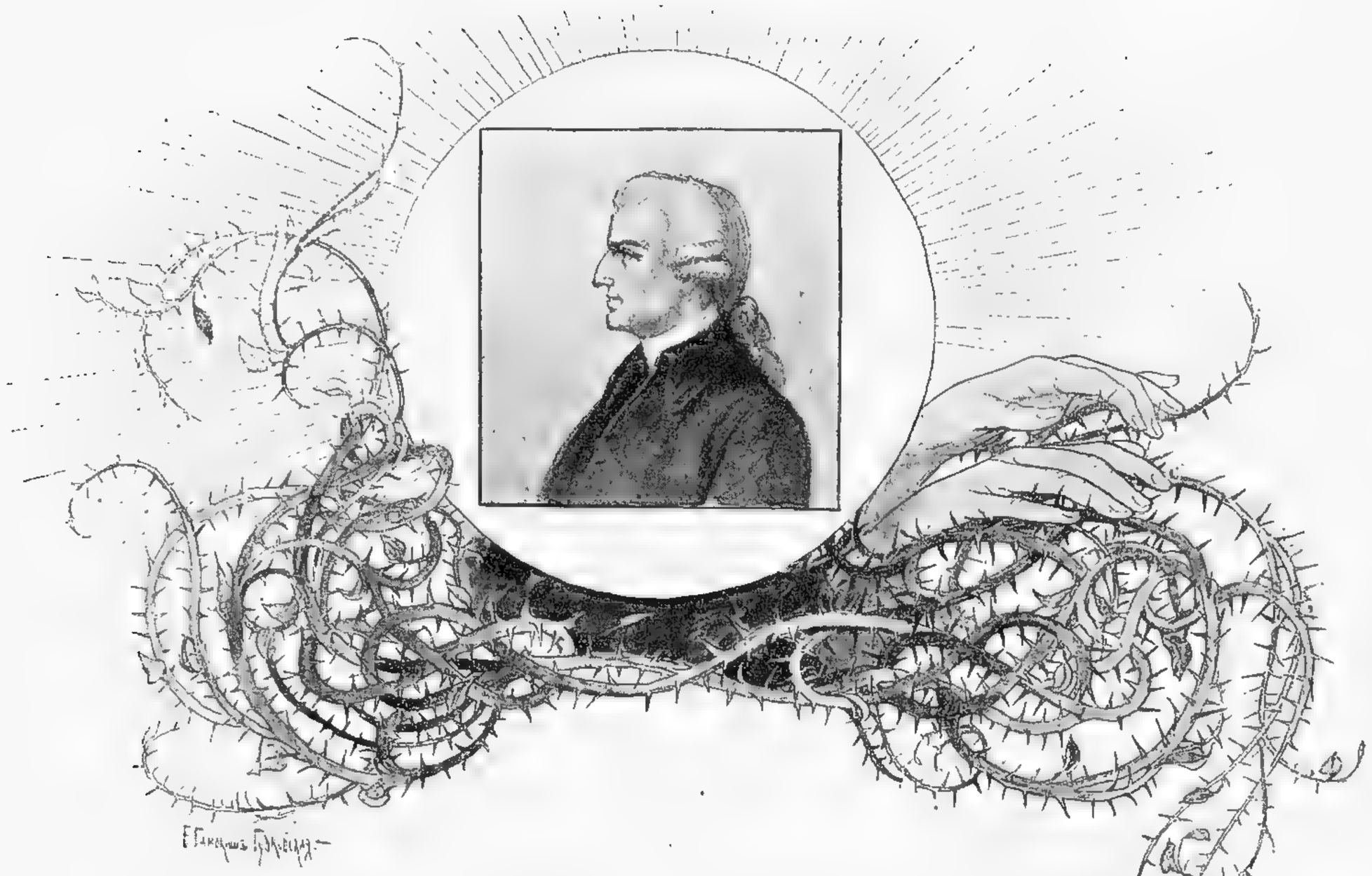
1896 г.
С.-Петербургъ.

I.

3-го іюня 1890 года, въ Петербургѣ, съ особою торжественностью, былъ открытъ четвертый международный тюремный конгрессъ.

Вступительная рѣчь В. Д. Спасовича была посвящена Говарду. Въ ней заслуги «великаго человѣколюбца» и его права на безсмертную славу были очерчены ярко и выпукло—и, безъ сомнѣнія, все многочисленное и блестящее собраніе тюрьмовѣдовъ и государственныхъ людей мысленно преклонилось предъ образомъ человѣка, который, по выраженію Бентама, нѣсколько видоизмѣненному ораторомъ, «he lived an apostle and died à hèro»—жилъ какъ апостолъ и умеръ какъ герой.

И дѣйствительно, Говардъ вполнѣ достоинъ этой славы и воздданной ему чести. Онъ завѣщалъ потомству свое имя и свое дѣло. Написанное на скромномъ памятникѣ въ Херсони, гдѣ внезапно окончилъ свои дни этотъ подвижникъ добра и справедливости, его имя имѣетъ право быть начертаннымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, знакомаго съ исторіей европейской культуры и гражданственности. Дѣло Говарда—было дѣло великое, богатое благотворными послѣдствіями. Онъ положилъ начало *тюремному знанію;* онъ первый—и въ печати, и въ законодательствѣ своей родины — потребовалъ, настойчиво и убѣжденно, на ряду со справедливою суровостью закона по отношенію къ преступленію—состраданія къ человѣку, указывая на строгое отличіе кары отъ муки. Съ порога XIX-го вѣка, его личность и труды проливаютъ чистый свѣтъ разумной и глубокой критики тюремныхъ порядковъ, и въ этой критикѣ лежитъ корень всѣхъ дальнѣйшихъ тюремныхъ преобразованій.



«Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—но дѣла великаго человѣка суть памятникъ, поставленный имъ своему народу». Есть, однако, такіе избранники судьбы, которые своею дѣятельностью ставятъ памятникъ не одному какому-либо народу, а всему человѣчеству. Къ числу такихъ—отмѣченныхъ Богомъ людей—принадлежалъ и Говардъ. Но, отдавая ему всю справедливость, преклоняясь предъ его трудомъ, одушевленнымъ одною идеею и наполнившимъ, «ohne Hast, ohne Rast», всю его жизнь, надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что онъ былъ, въ своей работѣ, поставленъ въ благопріятныя условія... Въ его распоряженіи была свободная печать его родины, сослужившая ему вѣрную и честную службу;—парламентъ съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивалъ доклады, основанные на его выводахъ и наблюденіяхъ;—европейскія правительства давали ему всѣ средства для собиранія матеріаловъ,— и за исключеніемъ короткаго времени, проведеннаго во французскомъ плѣну, онъ былъ всюду ува-

жаемымъ гостемъ, предъ которымъ гостепріимно были открыты двери дворцовъ и предупредительно распахивались ворота тюремъ. Наконецъ, самая почва для его дѣятельности была отчасти подготовлена. Правительство и общественное мнѣніе Англіи давно уже интересовались состояніемъ тюремъ. Еще въ 1701—1702 гг., по порученію парламента, докторъ Брай, предсѣдатель комитета распространенія христіанскаго ученія, произвелъ подробное изслѣдованіе тюремныхъ помѣщеній въ Ньюгетѣ. Описаніе того, что онъ нашелъ, поражаетъ возмутительными подробностями. Не говоря уже о колодкахъ, орудіяхъ пытки и о моренiи голодомъ, какъ довольно обычныхъ средствахъ «вразумленія» арестантовъ, достаточно указать, что для «смиренія» строптивыхъ, ихъ запирали въ тѣсное и душное помѣщеніе вмѣстѣ съ трупами умершихъ и оставляли ихъ въ такомъ сосѣдствѣ по шести и болѣе дней... Въ 1728—29 годахъ парламентъ назначилъ особую комиссію для изученія состоянія тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ. Такимъ образомъ, несмотря на случайность этихъ изслѣдованій, узкость ихъ задачи и ограниченность ихъ района, почва для болѣе широкой дѣятельности Говарда подготовлялась сама собою.

Но главное условіе успѣшности трудовъ Говарда и ихъ широкаго приложенія состояло въ томъ, что его поддерживала волна общественнаго настроенія. Она несла и поднимала его на своемъ хребтѣ— и въ своей проповѣди состраданія и уваженія къ человѣку онъ не былъ одинокъ... Время, когда жилъ и дѣйствовалъ Говардъ, было ознаменовано особымъ подъемомъ духа. Христіанство, требовавшее, чтобы каждый «узналъ подобнаго себѣ — въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ»... выдвинуло на первый планъ человѣческую личность, независимо отъ ея бытовыхъ и племенныхъ свойствъ. Эта личность явилась разлагающимъ элементомъ всего строя древняго міра, въ которомъ группа полноправныхъ гражданъ господствовала надъ массою безправныхъ рабовъ, полу-людей, полу-вещей. Средніе вѣка снова опутали эту личность, втиснули ее въ различные союзы, придавили гнетущимъ авторитетомъ западной церкви. Реформація была отвѣтомъ на послѣдній гнетъ, пробившимъ путь ко внутренней свободѣ духа. Но достоинство человѣка, права его личности, все, принадлежащее, незави-

симо отъ внѣшнихъ условій, человѣку, какъ таковому, все, что̀ можно было бы назвать «das ewig Menschliche»,—часто ставилось ни во что и подвергалось грубому и ненужному поруганію.

Въ защиту человѣческой личности, въ осуществленіе истинно-христіанскаго отношенія къ падшему, больному, неопытному и беззащитному—выступилъ въ половинѣ XVIII в. цѣлый рядъ практическихъ мыслителей. Дружно, съ разныхъ сторонъ, но одушевленные однимъ чувствомъ, принялись они за работу—живописуя, взывая, указывая и поучая. Общество, а затѣмъ и законодательство прислушались къ ихъ проповѣди, уразумѣли ее и тронулись ею. И теперь во многихъ областяхъ дѣятельности и знанія, гдѣ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, изученіе лучшихъ сторонъ этихъ знаній и дѣятельности заставляетъ обратиться съ благодарнымъ чувствомъ къ ихъ первоисточнику,—къ великимъ именамъ половины XVIII-го столѣтія. Въ это именно время занималась яркая заря новаго отношенія къ человѣку и къ его нравственному достоинству. Достаточно вспомнить, что въ одинъ и тотъ же краткій періодъ времени—Беккарія, въ своей удивительной книгѣ «о преступленіяхъ и наказаніяхъ», образнымъ, страстнымъ и вмѣстѣ изящнымъ языкомъ клеймилъ жестокость и мучительство, въѣвшіяся, какъ ржавчина, въ желѣзо уголовнаго закона; — Филанджіери въ восьми томахъ своей «Scienza della legislatione», со всѣмъ блескомъ молодого и богатаго

знаніемъ ума, рисовалъ недостатки уголовнаго правосудія и указывалъ необходимые для ихъ исправленія въ духѣ человѣчности пути и способы;—Песталоцци своими глубокими и вдумчивыми наблюденіями, проникнутыми вѣрою въ духовныя силы человѣка, клалъ основаніе началамъ педагогіи, какъ науки, а не искусства дрессировки,—и, наконецъ, Пинель, незабвенный Пинель, въ мрачныхъ стѣнахъ Бисетра и Сальпетріера снималъ кандалы и колодки съ несчастныхъ сумасшедшихъ и доказывалъ, въ своемъ чудесномъ трактатѣ «Sur l'aliénation mentale», какое широкое поле для изученія и для милосердія представляетъ та область, гдѣ дотолѣ слышались лишь вызываемые побоями вопли «одержимыхъ бѣсомъ» и бряцанье цѣпей «буйныхъ». Вмѣстѣ съ этими людьми дѣйствовалъ и Говардъ, какъ одинъ изъ застрѣльщиковъ въ общей, широко раскинувшейся передовой цѣпи воиновъ...

Есть, однако, менѣе счастливо обставленные дѣятели. Они проходятъ безшумно по тернистой дорогѣ своей жизни, сѣя направо и налѣво добро и не ожидая, среди общаго равнодушія и всевозможныхъ препятствій, не только сочувствія своему труду, но даже и справедливаго къ нему отношенія. Внутренній, сокровенный голосъ направляетъ ихъ шаги, а глубоко коренящееся въ душѣ чувство наполняетъ и поддерживаетъ ихъ, давая имъ нужную силу, чтобы бодро смотрѣть въ глаза прижизненной неправдѣ и посмертному забвенію.

Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ докторъ *Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ*. Не уступая въ своемъ родѣ и на своемъ мѣстѣ Говарду, человѣкъ цѣльный и страстно-дѣятельный, восторженный представитель коренныхъ началъ человѣколюбія, онъ былъ поставленъ далеко не въ такія условія, какъ знаменитый англійскій филантропъ. *Послѣднему* достаточно было встрѣтить, провѣрить и указать зло, чтобы знать, что данный толчокъ взволнуетъ частный починъ и приведетъ въ движеніе законодательство. Ему достаточно было вспахать почву и онъ могъ быть спокоенъ за судьбу своихъ усилій: сѣятели и жнецы найдутся. Но *Гааза* окружали—косность личнаго равнодушія, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и цѣлый общественный бытъ, во многомъ противоположный его велико-

душному взгляду на человѣка. Одинъ, очень часто безъ всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодѣйствіями, онъ долженъ былъ ежедневно стоять на-стражѣ слабыхъ ростковъ своего благороднаго, требовавшаго тяжкаго и неустаннаго труда, посѣва. Умирая, *Говардъ* оставлялъ рядъ печатныхъ, всѣми признанныхъ и оцѣненныхъ трудовъ, служившихъ для него залогомъ земного безсмертія; — выпуская изъ ослабленныхъ смертельною болѣзнью рукъ дѣло всей своей жизни, *Гаазъ* не видѣлъ ни продолжателей впереди, ни прочныхъ, остающихся слѣдовъ—назади. Съ нимъ, среди равнодушнаго и преданнаго личнымъ «злобамъ дня» общества, грозило умереть и то отношеніе къ «несчастнымъ», которому были всецѣло отданы лучшія силы его души. Вотъ почему для насъ, русскихъ, его личность представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ личность Говарда. Она намъ ближе, понятнѣе... Скажемъ болѣе—отъ нея вѣетъ большимъ сердечнымъ теплом.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о жизни и дѣятельности Гааза, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе русскихъ тюремъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Какъ извѣстно, въ это время русская жизнь не отличалась здоровымъ характеромъ. Отклоненіе отъ

нормы шло въ обѣ стороны. Съ одной стороны, существовало искусственное отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ потребностей и запросовъ жизни,—развивалось безсодержательное и ничѣмъ въ живой дѣйствительности не выражавшееся масонство,—истинная религіозность смѣнялась грубымъ и подчасъ весьма подозрительнымъ, по своему источнику, мистицизмомъ,—изувѣрскія скопческія радѣнія переплетались съ «духовными восхищеніями» г-жи Крюднеръ и чувственными сходками у Татариновой,—въ литературѣ, съ ея безцѣльными забавами «Арзамаса», господствовало, послѣ зрѣлой сатиры Фонвизина, сентиментальное направленіе, и читатель продолжалъ проливать слезы надъ судьбою «бѣдной Лизы»... А съ другой стороны—мрачная фигура Аракчеева бросала свою зловѣщую тѣнь почти на всѣ сферы жизни,—военныя поселенія расползались по лицу русской земли, судъ былъ сборищемъ «купующихъ и куплюдѣющихъ», осуществленіе крѣпостного права съ его настоящими «бѣдными Лизами» пріобрѣтало особую устойчивость и безконтрольность, а тюрьмы были въ ужасающемъ состояніи.

Тюремное дѣло,—особливо, если оно находится въ связи съ ссылкою,—можетъ быть, подобно механикѣ, раздѣляемо на статику и динамику. *Статика*—тюрьма неподвижная, съ ея общими порядками, устройствомъ и осѣдлымъ населеніемъ. *Динамика*—тюрьма подвижная, со своими исключительными порядками, съ населеніемъ, постоянно смѣняющимся, съ особыми пріемами учета людей и способами дисциплины среди этого подвижного населенія. У насъ статика всегда была лучше организована, чѣмъ динамика—и городская тюрьма въ то время, о которомъ мы говоримъ, представляла все-таки менѣе тяжелую картину, чѣмъ пересыльныя тюрьмы и этапныя зданія. Но эта меньшая тяжесть, все-таки, весьма относительна. Есть краснорѣчивыя въ своей мрачности описанія тюремъ въ Петербургѣ и Москвѣ, сдѣланныя англичаниномъ Венингомъ и квакерами Алленомъ и Грелле де-Мобилье, осматривавшими ихъ по порученію императора Александра I. Изъ нихъ, между прочимъ, видно, что неоднократныя законодательныя распоряженія Екатерины II и Александра I объ улучшеніи тюремъ оставались лишь на бумагѣ, не проникая въ жизнь

даже въ столицѣ и резиденціи. Только съ восшествія на престолъ Николая Павловича эти мѣры мало-по-малу пріобрѣтаютъ реальное значеніе.

Тюрьмы Петербурга въ описываемое время—мрачныя, сырыя комнаты со сводами, почти совершенно лишенныя чистаго воздуха, очень часто съ земляннымъ или гнилымъ деревяннымъ поломъ, ниже уровня земли. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ сквозь узкія, наравнѣ съ поверхностью почвы, покрытыя грязью и плѣсенью и никогда не отворяющіяся, окна,—если же стекло въ оконной рамѣ случайно выбито, оно по годамъ не вставляется и чрезъ него вторгаются непогода и морозъ, а иногда стекаетъ и уличная грязь. Нѣтъ ни отхожихъ мѣстъ, ни устройствъ для умыванія лица и рукъ, ни кроватей, ни даже наръ. Всѣ спятъ въ-повалку на полу, подстилая свои кишащія насѣкомыми лохмотья, и вездѣ ставится на ночь традиціонная «параша». Эти помѣщенія биткомъ набиты народомъ. Въ двухъ обыкновеннаго размѣра комнатахъ тюрьмы при управѣ благочинія содержится сто человѣкъ, такъ что только небольшая ихъ часть, послѣ понятныхъ ссоръ и пререканій, можетъ ночью прилечь въ невообразимой тѣснотѣ; въ одной изъ комнатъ рабочаго дома, находящейся почти въ землѣ, длиною въ 6 саженъ, а шириною въ 3, Венингъ нашелъ 107 человѣкъ всякаго возраста, безъ какой-либо работы. Число это постоянно пополнялось, такъ какъ вслѣдствіе отравленнаго воздуха еженедѣльно приходилось уносить въ больницу болѣе десяти человѣкъ, освобождая мѣста для новыхъ сидѣльцевъ. Не лучше было и въ кордегаріи при губернскомъ правленіи, гдѣ въ комнатахъ, устроенныхъ для тѣснаго помѣщенія 50 человѣкъ, содержалось до 200 человѣкъ, не имѣвшихъ никакой возможности лечь. Въ этихъ мѣстахъ, предназначенныхъ, при ихъ учрежденіи, для возможнаго исправленія и смягченія нравовъ нарушителей закона, широко и невозбранно царили: развратъ, нагота, холодъ, голодъ и мучительство.

Развратъ—потому, что въ съѣзжихъ домахъ женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ, да и въ другихъ тюрьмахъ никакихъ серьезныхъ преградъ между мѣстами содержанія мужчинъ и женщинъ не существовало, а надзоръ за тѣми и другими возлагался на голодныхъ

гарнизонныхъ солдатъ и продажныхъ надсмотрщиковъ, получавшихъ ни съ чѣмъ не сообразное грошевое содержаніе. Люди одного пола содержались вмѣстѣ, несмотря ни на различіе возраста, ни на разность повода, по которому они лишены свободы. Дѣти, взрослые и старики сидѣли вмѣстѣ; заподозрѣнные въ преступленіи или виновные въ полицейскихъ нарушеніяхъ—вмѣстѣ съ отъявленными злодѣями, которые по годамъ, вслѣдствіе судебной волокиты, заражали нравственно все молодое и воспріимчивое, что̀ ихъ окружало. При посѣщеніи Венинга, въ рабочемъ домѣ оказались сидящими *вмѣстѣ* дѣти 11 и 12 лѣтъ, разбойники, окованные цѣпями, и 72-лѣтній Тимофей Чеоровъ, содержавшійся уже 22 года...

Въ женскихъ отдѣленіяхъ городской тюрьмы и рабочаго дома—то же самое. Распутныя женщины, нерѣдко заразительно больныя, содержались вмѣстѣ съ лишенными свободы за долги. «Бѣдная дѣвушка,—говоритъ Венингъ,—которая попадетъ въ сіе мѣсто хотя на одну ночь, должна необходимо потерять всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную; по точномъ разсмотрѣніи сихъ мѣстъ, я не могу не назвать ихъ истиннымъ разсадникомъ порока». Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ, Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать шесть человѣкъ, помѣщенныхъ «за тѣснотою», съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму уже въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ «торговой казни» и приготовляющихся идти въ ссылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ «горячками и сыпью» по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лѣчили арестантовъ, можно себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для «утишенія» крика сошедшей съ ума арестантки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку...

Всѣ содержатся *впроголодь*. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ отпускается

4/90936

на руки дежурнаго надзирателя по 15 коп. ассигнаціями на каждаго изъ заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ продовольствовалъ. Контроля нѣтъ, наблюденія тоже, и арестанты съѣзжихъ домовъ жалуются Венингу на крайній недостатокъ даваемаго имъ черстваго хлѣба. Эти 15 коп., при выпускѣ арестанта согласно установившемуся обычаю, взыскиваются съ него за каждый день содержанія. Несостоятельный къ уплатѣ задерживается въ тюрьмѣ, какъ несостоятельный должникъ. Но далеко не вездѣ существуетъ и такой способъ содержанія. Его замѣняютъ подаянія. Особенно это практикуется для арестованныхъ при полиціи. Удовлетвореніе ихъ пищею часто зависитъ отъ случая, отъ сердоболія горожанъ. Поэтому, въ тюрьмахъ XIX вѣка оказывается возможною смерть отъ обычной въ XVI вѣкѣ «гладной нужи». Такъ, въ 1810 году начальникъ полтавскаго «секвестра» доноситъ по начальству, что за малыми подаяніями колодники очень отощали, а одинъ «съ приключившейся отъ голода пухлости умре, да и остальнымъ тридцати то же слѣдовать можетъ».

Плохо прикрыто и *тѣло* «колодниковъ». Казеннаго платья не по-

лагается, а свои лохмотья скоро отказываются служить,—и тотъ же сенаторъ Озеровъ находитъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ девяносто двухъ человѣкъ *безъ всякой одежды и обуви*. А прикрыть тѣло слѣдовало бы уже потому, что въ дурно и даже вовсе не отапливаемыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ въ суровыя зимы *очень холодно*. Князь Голицынъ заявляетъ въ 1829 году, что московскій пересыльный замокъ въ невозможномъ состояніи, что въ немъ невыносимо холодно, причемъ холодъ этотъ на женской половинѣ, гдѣ меньше скученности, доходитъ до того, что матери, упросивъ надзирателей, посылаютъ по ночамъ своихъ дѣтей, безъ различія пола и возраста, отогрѣваться на мужскую половину... Въ Тамбовѣ, въ 1815 году, всѣ колодники помѣщены въ двухъ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ: тутъ и варятъ пищу, тутъ и валяются заразительные больные, тутъ же, на глазахъ всей этой нищеты и порока, родятъ женщины. Не лучше смирительный и рабочій дома, помѣщающіеся въ одной казармѣ. «Въ больницѣ,—какъ доноситъ въ 1815 году операторъ Стриневскій,—нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т.-е. *съ прошлаго столѣтія*; трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ» и т. д. Тотъ же князь Голицынъ, въ запискѣ, представленной въ 1829 г. генералъ-губернатору, называетъ состояніе московскихъ тюремъ «наводящимъ ужасъ» и подробнымъ описаніемъ подтверждаетъ справедливость своего вывода...

Содержимое въ такихъ условіяхъ разнородное тюремное населеніе, пользуясь плохимъ надзоромъ, пьянствуетъ, когда есть средства, буйствуетъ, стремится къ побѣгу, безжалостно уродуетъ себя, чтобы стереть позорныя клейма на лицѣ, вытравляя ихъ шпанскими мухами и сѣрною кислотою. При отсутствіи системы въ содержаніи и распредѣленіи арестантовъ, начальство считаетъ нужнымъ дѣйствовать на нихъ исключительно страхомъ и отягощеніемъ ихъ участи. Отсюда всякія напрасныя мучительства. Въ тѣсныя, темныя и загаженныя «секретныя» сажаютъ, въ Москвѣ, по три арестанта сразу и держатъ ихъ тамъ въ невозможной тѣснотѣ, по недѣлямъ, въ наказаніе, «какъ будто,—замѣчаетъ князь Голицынъ,—такимъ сближеніемъ съ убійцами и разбойниками можно исправить человѣка». Венингъ видѣлъ въ пе-

тербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ на шеѣ рогаткахъ, на которыхъ было по три острыхъ спицы, длиною до 8 дюймовъ, сдѣланныхъ такъ, что носительницы рогатокъ не могли ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы содержаніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль.

«Я основательныя причины имѣю думать,—замѣчаетъ Венингъ,—что нѣкоторыя изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто»... Въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ Петербурга онъ нашелъ пять очень тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ арестанты приковывались за шею цѣпью, принужденные таскать ихъ постоянно за собою.

Е. Самокишъ-Судковская —

Провинція, конечно, не отставала въ этомъ отношеніи отъ столицъ и даже превосходила ихъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ до государственнаго совѣта доходило дѣло о ярославскомъ частномъ приставѣ Болотовѣ, который въ сильную стужу держалъ арестанта Срамченко на съѣзжемъ дворѣ, прикованнымъ цѣпью къ чрезвычайно тяжелому стулу; въ то же время разсматривалось дѣло сотника Левицкаго, забившаго въ усть-медвѣдицкой тюрьмѣ арестанта Климова въ неподвижную колодку, въ коей онъ и умеръ.

Таковы были общія черты нашей тогдашней тюремной «статики». Едва ли онѣ нуждаются въ дальнѣйшей характеристикѣ. Достаточно вспомнить слова доктора Венинга: «Невозможно безъ отвращенія даже и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такихъ непристойныхъ учрежденій: здоровье и нравственность равно должны гибнуть здѣсь, какъ ни кратко будетъ время заточенія»...

Если такова была *статика*, то легко себѣ вообразить *динамику:* Народное представленіе, сказавшееся въ пѣсняхъ и поговоркахъ, не даромъ рисовало «владимірку», т. е. главный путь изъ Москвы въ

Сибирь,—какъ нѣчто мрачное и безнадежное, какъ путь горькой печали и тяжкихъ воздыханій. Низкія, сырыя, тѣсныя этапныя помѣщенія, пропитанныя грязью и испареніями десятковъ тысячъ людей, принимали въ себя на ночь партіи ссыльныхъ лишь для того, главнымъ образомъ, чтобы устранить ихъ побѣги во время отдыха, необходи-

маго для дальнѣйшаго продолженія безконечнаго пути. Объ этомъ только и была серьезная забота. По дорогѣ между этапными пунктами двигались, звеня цѣпями, сопровождаемыя пѣшкомъ и на повозкахъ обезсилѣвшими семьями, группы ссыльныхъ и каторжныхъ, подъ сильнымъ карауломъ, возможное сокращеніе численности котораго составляло всегда одну изъ серьезныхъ заботъ разныхъ вѣдомствъ. Перо наблюдателя и бытописателя, стихъ поэта и кисть живописца столько разъ изображали «владимірку», столько разъ рисовали эту

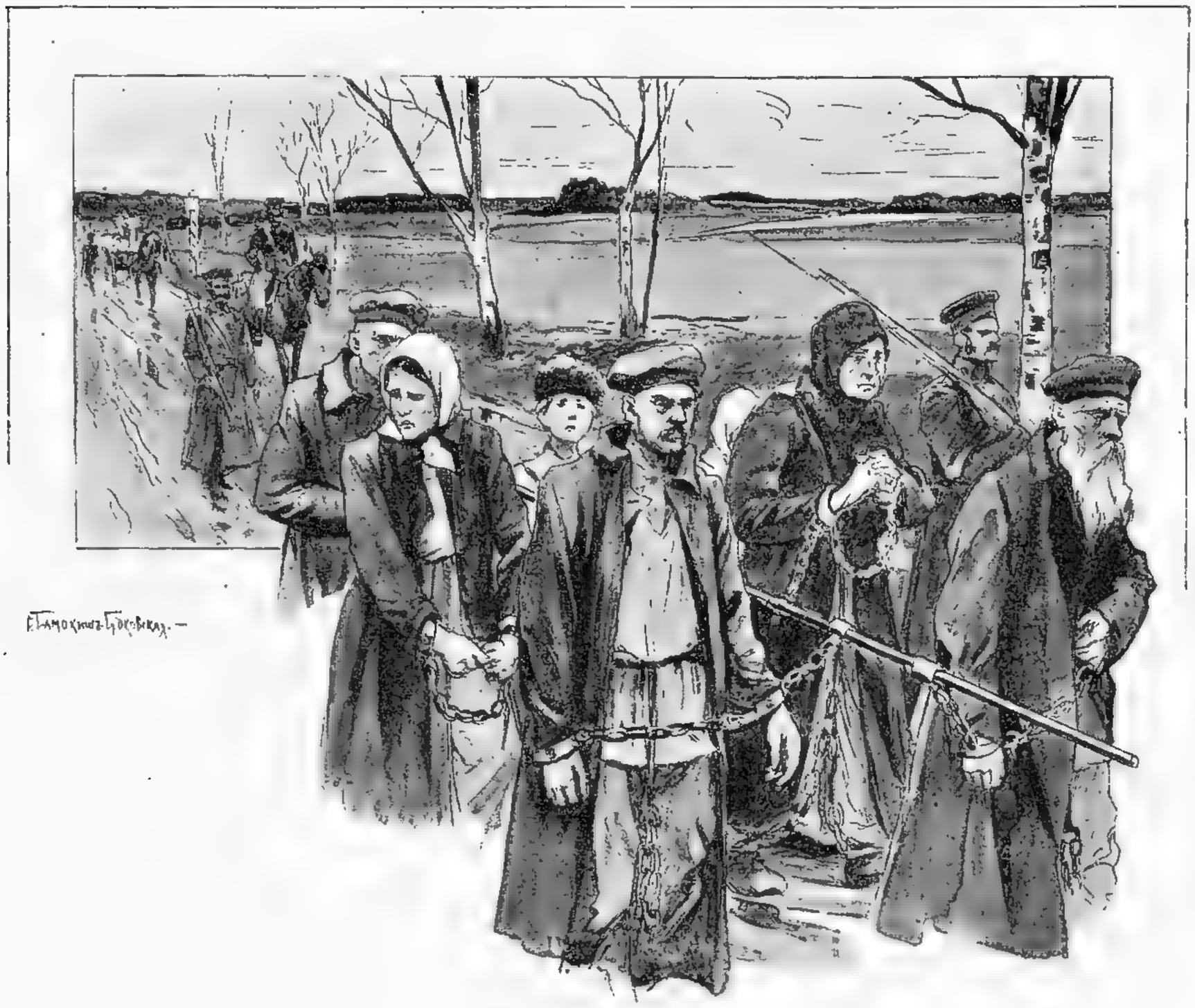
тяжкую дорогу подъ сѣрымъ небомъ, посылающимъ вьюгу и холодъ, столько разъ заставлялп невольно вспоминать слова Данта: «per me si va nella citta dolente; per me si va nel' eterno dolore; per me si va tra la perduta gente»,—что на подробностяхъ тюремной динамики двадцатыхъ годовъ останавливаться нечего. Ихъ можно себѣ представить, не боясь впасть въ преувеличеніе. Но двѣ изъ нихъ заслуживаютъ, однако, упоминанія. Обѣ относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I.

29-го января 1825 года установлено, по представленію командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ предупрежденіе побѣговъ, бритье половины головы *всѣмъ идущимъ по этапу,* безъ различія между ссыльными и каторжными, безпаспортными и пересылаемыми административно, закованными и незакованными. Подводя въ этомъ отношеніи разнообразную виновность и прикосновенность къ этапному пути подъ одну внѣшнюю мѣрку, это распоряженіе не допускало исключеній. Поэтому стали брить головы не только ссылаемымъ административно на родину или на водвореніе, но даже и идущимъ изъ западныхъ губерній арестантамъ, страдавшимъ своеобразною болѣзнью волосъ—колтуномъ. Нарушеніе свято соблюдаемаго на мѣстѣ обычая не срѣзывать колтунъ, простуда при этомъ головы, привыкшей къ болѣзненному теплу, и, быть-можетъ, какія-то неизслѣдованныя еще свойства этой болѣзни вызывали у обриваемыхъ сильнѣйшіе нервные припадки. Но ножницы и бритва были неумолимы, несмотря на то, что такихъ больныхъ ждали ледяные поцѣлуи сибирской стужи.

4-го апрѣля 1824 года, по распоряженію начальника главнаго штаба Дибича, введены были, въ видѣ опыта, особые ручные прутья для ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь чрезъ Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи, а 12 мая слѣдующаго года, вслѣдствіе представленія командира внутренней стражи графа Комаровскаго, прутъ былъ признанъ общимъ способомъ для препровожденія арестантовъ всѣхъ наименованій, кромѣ каторжныхъ, по этапу. На толстый аршинный желѣзный прутъ съ ушкомъ надѣвалось отъ восьми до десяти запястьевъ (наручней) и затѣмъ въ ушко вдѣвался

замо́къ, а въ каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключъ отъ замка́ клался, вмѣстѣ съ другими, въ висѣвшую на груди конвойнаго унтеръ-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальникомъ этапнаго пункта. Распечатывать ее въ дорогѣ не дозволялось. Нанизанные на прутъ люди—ссыльные, пересылаемые помѣщиками, утратившіе паспортъ и т. д., связанные такимъ образомъ вмѣстѣ, отправлялись въ путь рядомъ съ каторжными, которые шли въ одиночку, ибо были закованы въ ручные и ножные кандалы... Прутъ соединялъ людей, совершенно иногда различныхъ по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дѣти), росту, походкѣ, здоровью и силамъ. Не менѣе различны бывали эти соединяемые между собою и по своему нравственному складу, и по тому, что привело ихъ къ общему пруту. Прутъ убивалъ всякую индивидуальность, возможную даже въ условіяхъ этапнаго пути; онъ насильственно связывалъ людей, обыкновенно другъ другу чуждыхъ, часто ненавистныхъ. Онъ отнималъ у нихъ слабое утѣшеніе одиночества, то утѣшеніе, отсутствіе котораго такъ испугало Достоевскаго, когда, оглядѣвшись въ «Мертвомъ домѣ», онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ: «Я никогда не буду одинъ!» Неизбѣжные свидѣтели и слушатели всего, что́ дѣлаютъ и говорятъ случайные товарищи, нанизанные на прутъ ссыльные сбивались съ ноги, не поспѣвали другъ за другомъ, слабые тяготили сильныхъ, крѣпкіе негодовали на немощныхъ. Топочась около прута, наступая другъ на друга, натирая затекавшія руки наручнями, желѣзо которыхъ невыносимо накалялось подъ лучами степного солнца и ледянило зимою, причиняя раны и отморожения, ссыльные не были спускаемы съ прута и на этапномъ пунктѣ, безъ крайней къ тому нужды. Эта нужда наступала лишь, если товарищи по пруту приволокли съ собою умирающаго или тяжко больного, на котораго брань, проклятія и даже побои спутниковъ уже не дѣйствуютъ ободряющимъ образомъ. Иначе всѣ остаются на прутѣ, спятъ прикованные къ нему и при отправленіи естественной нужды каждаго присутствуютъ всѣ остальные... Можно себѣ представить, сколько поводовъ для ссоръ, для дракъ даже, подавало такое насильственное сообщество. И такъ двигались на прутѣ по Россіи и по без-

конечному сибирскому тракту много лѣтъ тысячи людей, разъединенныхъ своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся въ одномъ общемъ чувствѣ безсильнаго озлобленія и отчаянія...



II.

Картины русскаго тюремнаго быта, поражавшія Венинга и квакеровъ, изображенныя ими въ особыхъ запискахъ, написанныхъ съ твердостью и краснорѣчіемъ прямодушныхъ и свободныхъ людей, имѣли сильное вліяніе на императора Александра I. Онъ съ сочувствіемъ принялъ предложенный Венингомъ въ 1818 г. проектъ образованія въ Россіи попечительнаго о тюрьмахъ общества, и 19 іюля 1819 года такое общество было учреждено по всеподданнѣйшему докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына. Въ уставѣ общества,—первымъ президентомъ котораго былъ назначенъ тотъ же князь Голицынъ,—цѣль и содержаніе дѣятельности общества были опредѣлены—какъ нравственное исправленіе преступниковъ и улучшеніе положенія заключенныхъ. Для этого общество должно было заботиться о введеніи и устройствѣ «по удобности»—ближайшаго и постояннаго надзора надъ заключенными, размѣщенія ихъ по роду преступленій, наставленія ихъ въ правилахъ благочестія и доброй нравственности, занятія ихъ приличными упражненіями и заключенія буйствующихъ въ уединенное мѣсто. Задача эта могла, однако, достигаться лишь отчасти и, по большей части, неудовлетворительно. Широкія и цѣлесообразныя начертанія Екатерины II, изложенныя въ собственноручно ею написанномъ въ 1787 году уставѣ о тюрьмахъ, не получили осуществленія и, подобно знаменитому Наказу, остались въ области благихъ пожеланій. Александръ I, сочувствуя Венингу, тщательно исключилъ, однако, во время пребыванія на Ахенскомъ конгрессѣ, изъ его проекта все, что̀ касалось власти попечительнаго общества по внутреннему устройству тюремъ, оставивъ ихъ попрежнему въ вѣдѣніи министер-

ства полиціи, отъ котораго вполнѣ зависѣла дальнѣйшая судьба представленій общества «о всемъ замѣченномъ». Поэтому, обществу, обреченному первоначально на чисто благотворительную дѣятельность, приходилось отказываться отъ исполненія большинства своихъ задачъ, встрѣчая постоянное противодѣйствіе въ загрубѣлой рутинѣ начальства мрачныхъ и безобразно устроенныхъ остроговъ. Да и въ лицѣ своихъ президентовъ общество не всегда встрѣчало сочувственное къ себѣ отношеніе: государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, замѣнившій въ 1822 г. Голицына,—писавшій 19-го сентября 1822 года въ Грузино Аракчееву: «дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей (Настасьею Минкиною)»,—говоритъ объ обществѣ:—«мнѣ теперь новыя хлопоты чрезъ тюремное общество, не потому, чтобы дѣла онаго были столь трудны, но потому, что трудно согласить пестрое сборище высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ, такъ что иногда рѣшаешься, дабы съ ними только не совсѣмъ разладить, подписать и что-нибудь уродное...»

Чисто благотворительный характеръ комитетовъ попечительнаго общества не могъ, однако, удержаться долго. Самое понятіе о попеченіи требовало не только надзора, но и заботы объ улучшеніи,—т. е. дѣятельности созидающей. При невмѣшательствѣ комитетовъ во внутреннюю жизнь тюрьмы, благотвореніе обратилось бы въ Сизифову работу. Моральные и даже матеріальные результаты благотворительности уничтожались бы въ самомъ корнѣ подъ вліяніемъ тюремныхъ порядковъ, представлявшихъ въ сущности организованный и растлѣвающій безпорядокъ. Правительство вскорѣ это сознало. Уже въ 1827 г., на комитеты попечительнаго общества возложенъ сначала надзоръ, а потомъ и вся забота о продовольствіи арестантовъ. Это былъ лишь первый шагъ въ дѣлѣ приданія дѣятельности комитетовъ управляющаго характера, чему не мало способствовало и то, что первое время не только во главѣ, но и въ составѣ комитетовъ, стояли люди, занимавшіе высокое и вліятельное служебное положеніе, которое не пріучило ихъ къ пассивной роли соболѣзнующихъ созерцателей.

Они стремились осязательно проявить свою личность—и туманный обликъ благотворительнаго общества сталъ быстро принимать ясныя очертанія живого учрежденія съ опредѣленнымъ и весьма широкимъ кругомъ практической дѣятельности. Благодаря такому направленію, попечительное о тюрьмахъ общество выполнило свою задачу съ несомнѣнной пользою. Если условія тюремной жизни, вызывавшія негодующія слова у Венинга, отчасти отошли въ область невозвратнаго прошлаго,—если наша тюрьма, изъ мѣста напраснаго мучительства и разврата, путемъ постепенныхъ, хотя и медленныхъ улучшеній, обратилась въ свое настоящее состояніе, соотвѣтствующее тѣмъ скромнымъ средствамъ, которыми располагаетъ по отношенію къ ней государственный бюджетъ, то этому она, конечно, прежде всего обязана постоянной и цѣлесообразной работѣ тюремныхъ комитетовъ. Въ послѣдніе годы дѣятельность попечительнаго общества подвергалась у насъ частой и суровой критикѣ. Общество признавалось и было, наконецъ, признано отжившимъ свой вѣкъ учрежденіемъ, въ жизнь котораго вторглись элементы бюрократическаго производства и канцелярской отписки. Все это—особливо же послѣднее—вѣрно, и упреки, дѣлаемые обществу, въ значительной мѣрѣ справедливы. Но все-таки не надо забывать и его заслугъ. Оно—въ той формѣ, которую представляло въ послѣдніе годы своего существованія—отжило, но оно *жило*.

Въ Москвѣ учрежденіе губернскаго тюремнаго комитета было разрѣшено 24 января 1828 года, по представленію и настоянію генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Люди разныхъ партій и во всемъ противоположныхъ мнѣній сходятся въ высокой оцѣнкѣ ума и душевныхъ качествъ этого человѣка. Правнукъ воспитателя Петра Великаго, сынъ замѣчательной по своему образованію и характеру дочери графа Чернышева («la princesse Moustache»), проведшій свою юность въ Парижѣ, среди избраннаго французскаго общества, блиставшаго тѣмъ возбужденіемъ, которое предшествовало началу революціи,—слушатель въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, отважный въ бояхъ, независимый и ненуждавшійся ни въ средствахъ, ни въ службѣ,— прямодушно преданный безъ искательства,—властный безъ ненужнаго проявленія власти,—неизмѣнно вѣж-

ливый, привѣтливый и снисходительный, екатерининскій вельможа, по пріемамъ передовой человѣкъ своего времени по идеямъ,— князь Д. В. Голицынъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая и нѣжною любовью москвичей.

Онъ не могъ не откликнуться на человѣколюбивые планы Венинга, и вся первоначальная организація московскаго комитета есть дѣло его рукъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Рядъ постановленій и инструкцій написанъ имъ лично; на множествѣ журналовъ комитета и на разныхъ запискахъ, туда представленныхъ, есть масса его помѣтокъ, разсужденій, резолюцій. Онъ входилъ во все, во всѣ мелочи, излагая свои мнѣнія, предположенія и сомнѣнія прекраснымъ, точнымъ языкомъ,— красивымъ, бѣглымъ, немного женскимъ, почеркомъ. Нельзя не удивляться энергіи и умѣнію находить время для занятія новымъ дѣломъ человѣка, по условіямъ своего званія державшаго въ рукахъ бразды правленія «сердцемъ Россіи», которое въ это время, воспрянувъ послѣ наполеоновскаго погрома, билось со всею полнотою и силою обновленной жизни.

Назначенный вице-президентомъ московскаго комитета вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, Голицынъ былъ очень озабоченъ личнымъ составомъ комитета. Въ дѣлахъ послѣдняго сохранился рядъ его собственноручныхъ списковъ съ именами тѣхъ, кто, по его мнѣнію, съ пользою могъ послужить дѣлу тюремнаго преобразованія въ званіи директора. Списки эти передѣлывались, провѣрялись. Изъ врачей въ нихъ предположено было внести—знаменитаго анатома Лодера, профессоровъ Мудрова и Рейса, докторовъ Поля и *Гааза*. Послѣдній фигурировалъ во всѣхъ проектахъ и одинъ остался въ окончательномъ спискѣ. Замѣчательно, что московскій городской голова, Алексѣй Мазуринъ, «принося совершеннѣйшую благодарность за милостивое къ нему вниманіе», категорически отказался отъ званія директора и что то же самое сдѣлали купцы Лепешкинъ и Куманинъ.

29 декабря 1828 года комитетъ былъ торжественно открытъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Составленная имъ рѣчь лучше всего рисуетъ его отношеніе къ новой задачѣ и пониманіе имъ ея размѣровъ. «Давно чувствовалъ я, милостивые государи,—сказалъ онъ,—необходимость лучшаго устройства тюремныхъ заведеній въ здѣшней столицѣ посредствомъ попечительнаго комитета, уже существующаго въ Петербургѣ, но разныя обстоятельства не дозволяли мнѣ того исполнить... Съ помощью Божьею приступая нынѣ къ открытію сего комитета, я въ душѣ моей увѣренъ, что отъ соединенія взаимныхъ трудовъ и усилій нашихъ произойдутъ плоды вожделѣннѣйшіе, не только въ отношеніи къ обществу и нравственности, но и въ отношеніи къ самой религіи, и что, можетъ-быть, мы будемъ столько счастливы, что найдемъ между заключенными въ тюрьмахъ и такихъ, которые оправдаютъ нашимъ попеченіемъ объ нихъ ту великую истину, *что и злѣйшіе изъ преступниковъ никогда не безнадежны къ исправленію*»...

Но какъ бы широко ни были проникнуты человѣчностью взгляды Голицына на дѣятельность комитета, онъ одинъ, самъ по себѣ, не могъ бы еще многаго сдѣлать уже потому, что предсѣдательство въ тюремномъ комитетѣ составляло лишь одну изъ частицъ, и притомъ весьма некрупныхъ, всей совокупности его сложныхъ обязанностей. Несмотря на теплое отношеніе къ задачамъ комитета, онъ не могъ

даже предсѣдательствовать во всѣхъ его засѣданіяхъ, и его часто замѣнялъ митрополитъ Филаретъ.

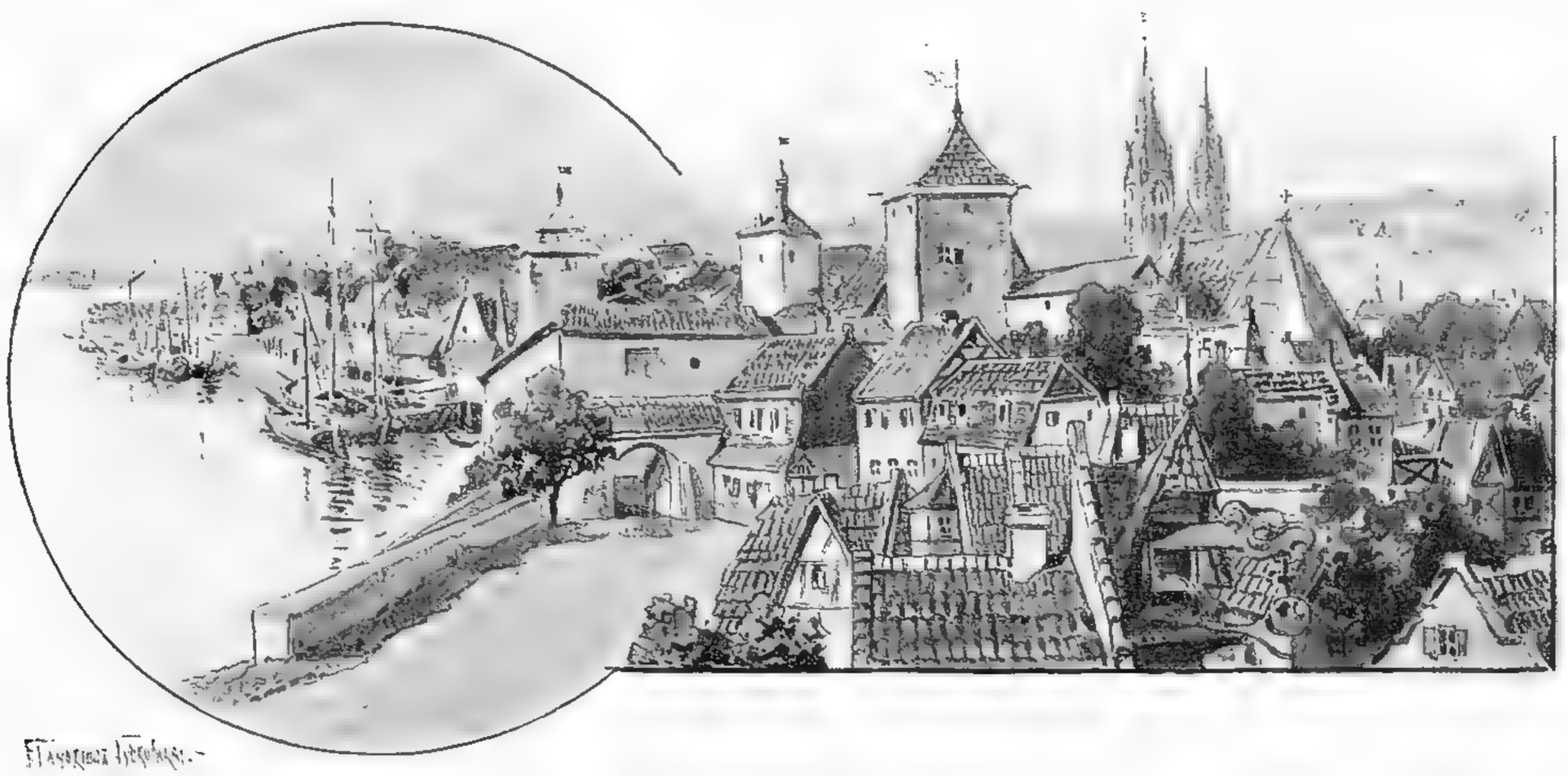
Голицынымъ былъ лишь данъ толчокъ, была указана возвышенная задача,—но задача эта могла оказаться неисполнимою и тщетною, если бы не нашелся человѣкъ, посвятившій ей свою жизнь, начавшій биться какъ сердце новаго учрежденія, давая чувствовать свои толчки во всѣхъ артеріяхъ его сложнаго организма.

Человѣкъ этотъ былъ—Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

III.

Фридрихъ Іосифъ (Ѳедоръ Петровичъ—какъ называли его всѣ въ Москвѣ) Гаазъ (Haas) родился 24 августа 1780 года близъ Кельна, въ старинномъ живописномъ городкѣ Мюнстерейфелѣ, гдѣ его отецъ былъ аптекаремъ и гдѣ поселился, переѣхавъ изъ Кельна, его дѣдъ, докторъ медицины.

Семья, въ которой провелъ свое дѣтство Гаазъ, была довольно



многочисленная, состоя изъ пяти братьевъ и трехъ сестеръ. Несмотря на скромныя средства его отца, всѣ его братья получили солидное образованіе. Двое старшихъ, окончивъ курсъ богословскихъ наукъ, приняли духовный санъ, двое младшихъ пошли на службу по судебной части. Двѣ сестры вышли замужъ, а третья—Вильгельмина, про-

жившая въ Москвѣ десять лѣтъ (1822—1832) съ братомъ, вернулась въ Кельнъ, гдѣ замѣнила осиротѣлымъ дѣтямъ одного изъ братьевъ—ихъ умершую мать. Она умерла въ 1866 году, а въ 1876 году умеръ, въ возрастѣ 86 лѣтъ, и послѣдній, младшій изъ братьевъ Гааза, занимавшій должность члена въ кельнскомъ апелляціонномъ судѣ, какъ писала намъ его племянница, Анна Гаазъ, отъ 2 ноября 1891 г. Воспитанникъ мѣстной католической церковной школы, потомъ усердный слушатель курсовъ философіи и математики въ іенскомъ университетѣ, Фридрихъ Гаазъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ особенности занимался глазными болѣзнями, подъ руководствомъ пользовавшагося тогда большою извѣстностью офтальмолога, профессора Адама Шмидта. Призванный случайно къ заболѣвшему русскому вельможѣ Рѣпнину и съ успѣхомъ его вылѣчившій, онъ, вслѣдствіе уговоровъ своего благодарнаго паціента, отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Россію и поселился, съ 1802 года, въ Москвѣ.

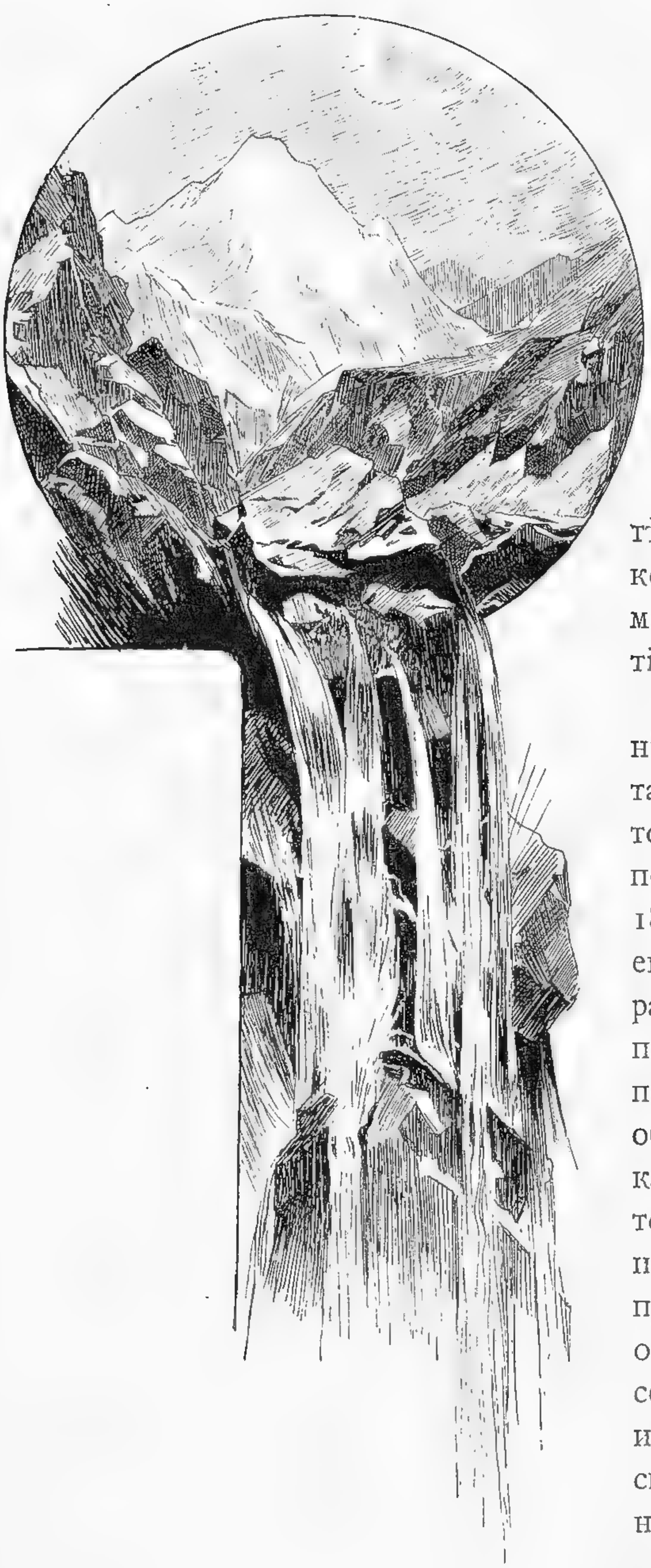
Любознательный, энергическій и способный молодой врачъ скоро освоился съ русскою столицею и пріобрѣлъ въ ней большую практику. Его приглашали на консультаціи, ему были открыты московскія больницы и богоугодныя заведенія. Обозрѣвая ихъ въ 1806 году, онъ нашелъ въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ множество совершенно безпомощныхъ больныхъ, страждущихъ глазами, и принялся, съ разрѣшенія губернатора Ланского, за ихъ безвозмездное лѣченіе. Успѣхъ этого врачеванія былъ огромный и всѣми признанный, послѣдствіемъ чего явилось настойчивое желаніе привлечь молодого и искуснаго доктора на дѣйствительную службу, такъ что уже 4 іюня 1807 г. контора Павловской больницы въ Москвѣ получила приказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «по отличному одобренію знанія и искусства доктора медицины Гааза, какъ въ лѣченіи разныхъ болѣзней, такъ и въ операціяхъ, Ея Императорское Величество (императрица Марія Ѳеодоровна) находитъ его достойнымъ быть опредѣлену въ Павловской больницѣ надъ медицинскою частью главнымъ докторомъ... и Высочайше соизволяетъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе, а его, Гааза, *заставить вступить въ сію должность немедленно*... что же касается до того, что онъ

россійскаго языка не умѣетъ, то онъ можетъ онаго выучить скоро, столько, сколько нужно будетъ по его должности, а между тѣмъ съ нашими штабъ-лѣкарями онъ можетъ изъясняться по-латынѣ»...

Вступивъ въ должность старшаго врача, Гаазъ не оставилъ своихъ заботъ о страдающихъ глазами и постоянно посѣщалъ ихъ въ различныхъ заведеніяхъ Москвы. Особенно многихъ пришлось ему лѣчить въ Екатерининскомъ богадѣленномъ домѣ, за что, по представленію Ланского, ему былъ данъ владимірскій крестъ 4-й степени, который онъ впослѣдствіи очень цѣнилъ, какъ воспоминаніе о первыхъ годахъ его дѣятельности въ Россіи.

Въ 1809 и 1810 годахъ, Гаазъ совершилъ двѣ поѣздки на Кавказъ, для ознакомленія съ тамошними минеральными водами. Выхлопотать себѣ право на эти поѣздки стоило ему не малаго труда. Вторая поѣздка была ему разрѣшена лишь въ видѣ исключенія и съ тѣмъ, что, какъ сказано въ приказѣ по больницѣ 31-го мая 1810 года, онъ «сей просьбы впредь повторять не будетъ». Но польза, принесенная этими поѣздками, была все-таки сознана и притомъ скоро, такъ какъ уже 22-го февраля 1811 г. статсъ-секретарь Молчановъ увѣдомилъ министра полиціи о производствѣ Гааза въ надворные совѣтники, вслѣдствіе обращенія государемъ особаго вниманія на отличныя способности, усердіе и труды доктора Гааза «не токмо въ исправленіи должности въ Павловской больницѣ, но и неоднократно имъ оказанные во время пребыванія при кавказскихъ цѣлительныхъ водахъ».

Описаніе своего пребыванія на Кавказѣ и предпринятыхъ тамъ работъ Гаазъ изложилъ въ превосходно изданной имъ, въ 1811 году, книгѣ: «Ma visite aux eaux d'Alexandre» (большой in 4°, 365 страницъ), составляющей нынѣ крайнюю рѣдкость, ибо большая часть ея экземпляровъ погибла при пожарѣ Москвы. Пребываніе Гааза на Кавказѣ было весьма плодотворно. Драгоцѣннѣйшіе источники, пользованіе которыми и до послѣдняго времени, благодаря бюрократической инерціи, не было поставлено въ надлежащія культурныя условія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія находились въ полномъ забросѣ и пренебреженіи. Когда, въ ноябрѣ 1800 года, генералъ-лейтенантъ Кнорринг донесилъ о мѣрахъ, которыя предприняты имъ для охраненія и огражденія



отъ горцевъ теплыхъ и кислыхъ водъ около Константиногорска, полезныхъ для излѣченія «отъ ломотныхъ и скорбутныхъ болѣзней», то онъ получилъ въ отвѣтъ рескриптъ императора Павла отъ 15-го декабря 1800 г., въ которомъ говорилось, что «издержки и вспомоществованіе со стороны войскъ, для содержанія сихъ колодцевъ надобныя, не соотвѣтствуютъ той пользѣ, которую отъ нихъ ожидать можно, тѣмъ паче, что въ государствѣ разные таковые колодцы мы имѣемъ; все сіе рѣшило меня вамъ предписать оставить сіе предпріятіе впредь до удобнаго времени»...

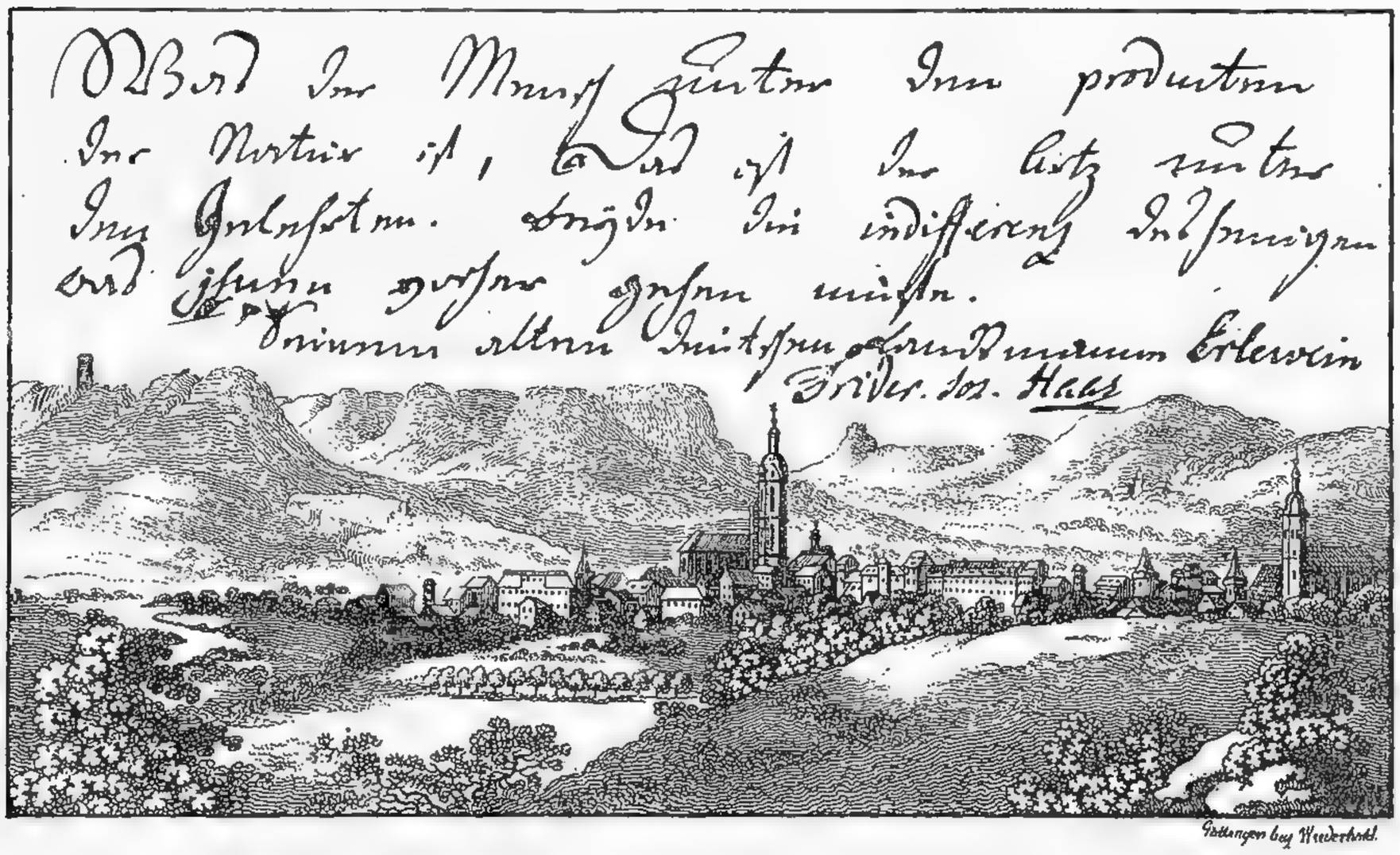
Труды Гааза по изслѣдованію и изученію этихъ водъ были столь обильны результатами, что знатокъ исторіи этихъ водъ, докторъ Святловскій, предлагаетъ даже назвать первый періодъ этой исторіи, съ 1717 по 1810 гг., *Петровско-Гаазовскимъ,* такъ какъ еще Петръ, каждый слѣдъ котораго, по выраженію поэта, «для сердца русскаго есть памятникъ священный», во время персидскаго похода приказалъ лейбъ-медику Шоберу обратить вниманіе на горячіе «бештаугорскіе ключи». Достаточно сказать, что Гаазъ не только впервые систематически и научно изслѣдовалъ и описалъ одно изъ богатыхъ природныхъ достояній Россіи, но и лично открылъ сѣрно-щелочный источникъ въ Ессентукахъ, обозначенный въ 1823 г. № 23,— и рядъ цѣлебныхъ ключей въ Желѣзноводскѣ. Профессоръ Нелюбинъ, авторъ обширнаго труда «Полное описаніе Кавказскихъ

минеральныхъ водъ» (1825 г.), считающагося доселѣ однимъ изъ выдающихся, говоритъ: «Докторъ Гаазъ, во время пребыванія своего на кавказскихъ водахъ, произвелъ въ Константиногорскѣ (нынѣ Желѣзноводскъ) химическое изслѣдованіе надъ тремя сѣрными источниками Машука... Да дозволено мнѣ будетъ съ особеннымъ уваженіемъ и признательностью упомянуть о трудахъ доктора Гааза и профессора Рейса: оба они, по всей справедливости, оказали большую услугу минеральнымъ водамъ — первый своими врачебными наблюденіями, а послѣдній — химическимъ разложеніемъ водъ; въ особенности же должно быть благодарнымъ Гаазу за принятый имъ на себя трудъ изслѣдовать, кромѣ главнаго источника, еще два сѣрныхъ ключа на Машукѣ и одинъ на Желѣзной горѣ, которые до того времени еще никѣмъ не были испытаны. Сочиненіе, изданное Гаазомъ по сему предмету, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ первымъ и лучшимъ въ своемъ родѣ».

Сдѣланное Гаазомъ описаніе водъ, содержа въ себѣ массу химическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ наблюденій, изобилуетъ живыми изображеніями природы и условій жизни на Кавказѣ. Глубокое уваженіе къ наукѣ и негодованіе на ея недостойныхъ служителей звучитъ въ книгѣ Гааза наравнѣ съ отголосками его обширнаго философскаго образованія. Частыя цитаты изъ Шеллинга и Бэкона и разнообразныя историческія ссылки свидѣтельствуютъ, что авторъ не односторонній знатокъ только своего спеціальнаго дѣла, что онъ къ тридцатымъ годамъ своей жизни уже много передумалъ и перечувствовалъ. «Aucune chose n'est médicament en elle même; toute chose peut le devenir par la manière de l'appliquer à l'organisme; tout médicament peut devenir poison dans certains états de l'organisme—et par certaines manières de l'employer»,—говорилъ онъ. «La médecine,—продолжалъ онъ далѣе,—est la science, qui recherche le rapport qui existe entre les différentes substances de la nature et entre les différents états du corps humain. La médecine est *la reine des sciences*. Elle l'est non parce que la vie, qu'elle soigne, est une chose si charmante et si chère aux hommes; elle l'est parce que la santé de l'homme est la condition sans laquelle rien ne se fait de grand et de beau dans le monde; parce que la vie en général, que la méde-

cine contemple, est la source, la fin et la règle de tout; parce que la vie; dont la médecine est la science, est l'essence même, dont toutes les autres sciences sont des attributs, des émanations, des différents reflets».

Ставя чрезвычайно высоко дѣятельность врача, Гаазъ тутъ же прибавляетъ: «mais nous répudions comme membres de cet art sacré, les personnes mercenaires, qui par une prévarication ignoble, sacrifient également le salut des malades à leur orgueil et à leur cupidité — et leur propre honneur aux caprices humiliants des malades bienportants». Свое высокое мнѣніе о званіи врача Гаазъ выразилъ, впрочемъ, еще раньше, написавъ, въ 1806 году, въ альбомъ своего товарища по университету, Эрлевейна: «Was der Mensch unter den Producten der Natur ist, das ist der Arzt unter den Gelehrten».



Не имѣя возможности, даже въ краткомъ очеркѣ, изложить интереснѣйшее содержаніе книги Гааза, мы приведемъ лишь одно мѣсто изъ нея, пріобрѣтающее особое значеніе въ виду дальнѣйшей дѣятельности автора, наполнившей всю вторую половину его жизни. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—рѣдко думаетъ и дѣйствуетъ въ гармо-

ническомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ занятъ; образъ его мыслей и дѣйствій обыкновенно опредѣляется совокупностью обстоятельствъ, отношеніе коихъ между собою и вліяніе на то, что онъ называетъ своимъ рѣшеніемъ или своею волею, ему не только неизвѣстны, но и вовсе имъ не сознаются. Признавать эту зависимость человѣка отъ обстоятельствъ—не значитъ отрицать въ немъ способность правильно судить о вещахъ, сообразно ихъ существу—или считать за ничто вообще волю человѣка. Это было бы равносильно признанію человѣка—этого чуднаго творенія—несчастнымъ автоматомъ. Но указывать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, какъ рѣдки между людьми настоящіе люди. Эта зависимость требуетъ снисходительнаго отношенія къ человѣческимъ заблужденіямъ и слабостямъ. Въ этомъ снисхожденіи, конечно, мало лестнаго для человѣчества,—но упреки и порицанія по поводу такой зависимости были бы и несправедливы, и жестоки».

Оставивши службу 1-го іюня 1812 года, онъ вновь вступилъ въ нее въ 1814 году и, будучи зачисленъ въ началѣ въ дѣйствующую армію, былъ подъ Парижемъ, а затѣмъ, выйдя по окончаніи войны въ отставку, отправился въ Мюнстерейфель, гдѣ, какъ сообщаетъ намъ племянница его, Анна Гаазъ, въ письмѣ отъ 22-го марта 1891 г., засталъ всю семью въ сборѣ у постели умирающаго отца. Старикъ былъ радостно тронутъ неожиданнымъ свиданіемъ. «Нынѣ отпущаеши, Господи, раба Твоего съ миромъ», — повторялъ онъ, благословляя сына, на рукахъ котораго и умеръ. Пребываніе на родинѣ продолжалось, однако, не долго. Гааза неудержимо тянуло въ страну, гдѣ онъ уже началъ работать на общую пользу. Онъ вернулся въ Россію—и, вполнѣ овладѣвъ русскимъ языкомъ, слился душою съ русскимъ народомъ, понявъ и полюбивъ его. Первое время онъ не поступалъ на службу, а занимался частною практикою, которая вскорѣ приняла обширные размѣры. Гаазъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ врачей Москвы. Несмотря на полное отсутствіе корысти, онъ, въ силу своего положенія, явился обладателемъ весьма хорошихъ средствъ. Его постоянно приглашали на консультаціи, съ нимъ пріѣзжали совѣтоваться издалека. Въ 1821 году, Сабанѣевъ пишетъ на Кавказъ, Ермо-

лову, уговаривая послѣдняго пріѣхать въ Москву, чтобы посовѣтоваться о своихъ недугахъ съ Гаазомъ.

Вскорѣ, однако, Гаазу снова пришлось поступить на службу. Въ вѣдѣніи московской медицинской конторы находилась запасная аптека, снабжавшая медикаментами армію въ 300 т. человѣкъ, а также 30 госпиталей и больницъ. Вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій въ ея управленіи и содержаніи, штадтъ-физикъ былъ смѣщенъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ генералъ-губернатору избрать на эту должность «достойнаго». Князь Голицынъ обратился къ Гаазу, который долго отказывался, «будучи удерживаемъ мыслью о своихъ несовершенствахъ», но наконецъ принялъ званіе штадтъ-физика, 14-го августа 1825 года, тотчасъ же дѣятельно принялся за вопросы о различныхъ преобразованіяхъ по медицинской части столицы и повелъ горячую войну съ мертвящею апатіею, которую встрѣтилъ въ своихъ сослуживцахъ по медицинской конторѣ. Новое, живое отношеніе его къ задачамъ медицинской администраціи столицы непріятно тревожило ихъ спокойствіе и колебало прочность ихъ взглядовъ и пріемовъ. Пошли пререканія, жалобы, доносы. Въ нихъ Гаазъ выставлялся неспокойнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ, утруждающимъ начальство разными вздорными проектами. По благородной привычкѣ, незабытой и до сихъ поръ, припѣвомъ ко всѣмъ на него нареканіямъ явилось его не-русское происхожденіе и то, что за нимъ не было долгихъ, непрерывныхъ лѣтъ «хожденія въ присутствіе». Повторилась обычная исторія. Сплотившіеся—въ общемъ чувствѣ ненависти и зависти къ новатору, да еще и «нѣмцу»—ничтожества одолѣли, въ концѣ-концовъ, Гааза. Отстаивая свои планы и предположенія, оправдываясь съ достоинствомъ и твердостью сознаваемой правоты, штадтъ-физикъ, однако, чрезъ годъ, долженъ былъ признать, что не въ силахъ ничего сдѣлать съ бюрократическою рутиною и недоброжелательствомъ.

Онъ предлагалъ, напримѣръ, упорядочить продажу «секретныхъ» средствъ и облегчить русскимъ изобрѣтателямъ возможность примѣненія и сбыта придуманныхъ или найденныхъ ими полезныхъ средствъ. Ему отвѣчали, что *на сей предметъ уже существуютъ надлежащія и до-*

статочныя законоположенія. Представляя полицейскія свѣдѣнія о скоропостижно умершихъ въ 1825 г. въ Москвѣ (всего въ теченіе года 176, въ томъ числѣ отъ «апоплексическаго кровомокротнаго удара вслѣдствіе грудной водяной болѣзни» два) и совершенно основательно, въ виду ряда приводимыхъ имъ примѣровъ, предполагая, что большин-

ство изъ нихъ умерло отъ несвоевременно поданной помощи и даже отъ полнаго ея отсутствія, онъ предлагалъ просить объ учрежденіи въ Москвѣ особаго врача, для наблюденія за организаціею попеченія о внезапно заболѣвшихъ, нуждающихся въ немедленной помощи,— по примѣру Гамбурга, гдѣ въ продолженіе 18 лѣтъ, начиная съ 1808 года, спасено изъ 1.794, близкихъ къ скоропостижной смерти, 1.677

человѣкъ. Контора отвѣчала ему постановленіемъ о томъ, что мѣра эта *излишня и безполезна*, ибо при каждой части города Москвы есть уже *положенный по штату лѣкарь*. Указывая, что въ 1815 году было упразднено въ Екатерининской больницѣ 50 кроватей для крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, вслѣдствіе отказа установить плату съ владѣльцевъ такихъ больныхъ по 5 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ, и что вслѣдствіе этого съ 1822 по 1825 годъ отказано въ пріемѣ 2.774 больнымъ, нѣкоторые изъ коихъ были брошены на улицѣ и тамъ скончались, Гаазъ, ссылаясь на увеличеніе средствъ приказа общественнаго здравія, просилъ контору хлопотать о возстановленіи упраздненныхъ кроватей, «будучи далекъ отъ безнадежности хотя бы и чрезъ сіе малое пособіе предуготовить помощь нѣкоторымъ изъ великаго числа страждущихъ». Ему отвѣчали лаконическою отпискою, что о представленіи его будетъ *доведено до свѣдѣнія* по принадлежности. Испуганный результатомъ оспеннаго зараженія въ Москвѣ, онъ входилъ въ контору съ подробною запискою о рядѣ практическихъ мѣръ и необходимыхъ средствъ къ успѣшному введенію оспопрививанія, встрѣчавшаго постоянныя препятствія въ апатическомъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ нему мѣстныхъ врачей и иныхъ начальствъ и въ «предразсудкахъ многихъ людей, будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаясь отъ сего какого-то поврежденія въ здоровьѣ и даже нѣкотораго худого вліянія на самую нравственность». Записка сопровождалась «прожектомъ» и различными, потребовавшими усидчиваго труда, табелями и реестрами. Ему отвѣчали постановленіемъ объ отсылкѣ записки «по принадлежности», съ присовокупленіемъ мнѣнія, что по предмету оспопрививанія *уже существуютъ надлежащія законныя постановленія*. Наконецъ, его тревожилъ нецѣлесообразный и противорѣчащій элементарнымъ понятіямъ о душевныхъ болѣзняхъ порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ, къ сожалѣнію сохранившій многія свои ненормальныя стороны и до сихъ поръ. Нужно требовать, утверждалъ онъ, предварительныхъ свѣдѣній отъ родныхъ, повѣствующихъ о жизни свидѣтельствуемаго, характерѣ и признакахъ болѣзни, нужно подвергать его предварительному испытанію чрезъ вра-

чей,—а нельзя прямо, внезапно, безъ всякихъ свѣдѣній о прошломъ, ставить человѣка «подчиненнаго или меньшаго званія» предъ «первѣйшими лицами губернскаго правительства», не рискуя смутить его, принудить къ молчанію и вообще лишить возможности сохранять свое умственное спокойствіе, тѣмъ болѣе, что и члены физиката, люди подчиненные губернатору, «сами часто бываютъ объяты къ послѣднему чувствомъ, мѣшающимъ заняться съ полнымъ вниманіемъ и свободою больнымъ, которому они, поэтому же, не внушаютъ и довѣрія». Предлагая рядъ правилъ, быть-можетъ не лишнихъ и теперь, чрезъ восемьдесятъ лѣтъ, и гарантирующихъ научность и независимость въ изслѣдованіи состоянія предполагаемыхъ сумасшедшихъ, Гаазъ просилъ медицинскую контору «взять его мнѣніе въ разсужденіе». Контора не нашла, однако, представленіе это достойнымъ «взятія въ разсужденіе», а ограничилась препровожденіемъ его гражданскому генералъ-штабъ-доктору.

Такимъ образомъ, канцелярская трясина засасывала почти каждое мнѣніе или начинаніе «безпокойнаго» штадтъ-физика, отвѣчая на нихъ своего рода указаніями—въ родѣ занесеннаго въ протоколъ замѣчанія инспектора медицинской конторы Добронравова о томъ, что «конторѣ неизвѣстно, *какими путями* достигъ, будучи *иноземцемъ*, докторъ Гаазъ чиновъ». Объяснивъ, въ официальномъ письмѣ на имя инспектора, что еще 1-го марта 1811 года императрица Марія Ѳеодоровна увѣдомила рескриптомъ главнаго директора Павловской больницы, что, «уважая искусство и рвеніе доктора Гааза, она ис-

А. Ѳ. Конп. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

просила у Императора, Любезнѣйшаго своего Сына, пожалованіе ему чина надворнаго совѣтника, въ ожиданіи, что онъ тѣмъ поощрится къ усугубленію ревностнаго своего старанія»,—Гаазъ прибавляетъ: «съ тѣхъ поръ, уже 16 лѣтъ, я посвятилъ всѣ свои силы на служеніе страждущему человѣчеству въ Россіи и если чрезъ сіе не пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ права на усыновленіе, какъ предполагаетъ г. инспекторъ, говоря, что я иноземецъ, то я буду весьма несчастливъ»...—27-го іюля 1826 года своеобразное патріотическое чувство г. Добронравова получило полное удовлетвореніе. Иноземецъ остался должность штадтъ-физика. Но его недругамъ этого было мало. Они хотѣли оставить ему прочное о себѣ воспоминаніе. Въ виду того, что въ запасной аптекѣ оказался испорченнымъ отъ сырости огромный запасъ ревеня (медикамента очень цѣннаго), Гаазъ предпринялъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, ремонтъ зданія, стоившій 1.502 р., и устроилъ при этомъ, сверхъ смѣты, блокъ для поднятія ревеня въ верхніе этажи и чуланчики при помѣщеніи служащихъ. Это послужило къ возбужденію переписки «о незаконномъ израсходованіи бывшимъ штадтъ-физикомъ Гаазомъ 1.502 р.», которая, несмотря на письменное обязательство его уплатить эту сумму изъ собственныхъ денегъ, если бы выдача не была утверждена начальствомъ, длилась, причиняя ему много волненій и непріятностей, *девятнадцать лѣтъ* и окончилась признаніемъ его дѣйствій вполнѣ правильными. Цѣль отомстить честному человѣку, уязвивъ его въ самое больное мѣсто, была достигнута.

Оставя медицинскую контору, Гаазъ снова предался частной практикѣ, отзываясь на всякую нужду въ немъ, какъ въ медикѣ. Такъ, еще въ концѣ 1826 года московскій комендантъ доносилъ генералъ-губернатору, что развившаяся съ чрезвычайною силою въ московскомъ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемическая глазная болѣзнь прекращена, лишь благодаря энергіи и знаніямъ нарочито приглашеннаго извѣстнаго спеціалиста доктора Гааза.

Въ это время ему было 47 лѣтъ; онъ постоянно носилъ костюмъ своихъ молодыхъ лѣтъ, напоминавшій прошлое столѣтіе—фракъ, бѣлое жабо и манжеты,—короткіе, до колѣнъ, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками; пудрилъ волосы и собиралъ ихъ,

сначала, сзади въ широкую косу съ чернымъ бантомъ, а затѣмъ, начавъ сильно терять волосы, сталъ носить небольшой рыжеватый парикъ;—ѣздилъ, по тогдашней модѣ, цугомъ, въ каретѣ, на четырехъ бѣлыхъ лошадяхъ. Обладая въ Москвѣ домомъ и подмосковнымъ имѣніемъ въ селѣ Тишкахъ, гдѣ онъ устроилъ суконную фабрику, Гаазъ велъ жизнь серьезнаго, обезпеченнаго и пользующагося общественнымъ уваженіемъ человѣка. Онъ много читалъ, любилъ дружескую бесѣду и состоялъ въ оживленной перепискѣ съ знаменитымъ Шеллингомъ.

Къ этому-то человѣку обратился князь Д. В. Голицынъ, набирая первый составъ московскаго попечительства о тюрьмахъ комитета. Гаазъ отвѣтилъ на приглашеніе горячимъ письмомъ, кончая его словами: «Simplement et pleinement je me tends à la vocation de membre du comité des prisons». И дѣйствительно, понявъ свое новое призваніе, онъ отдался ему вполнѣ, начавъ съ новою дѣятельностью и новую жизнь. Назначенный членомъ комитета и главнымъ врачомъ московскихъ тюремъ, и занимая съ 1830 по 1835 должность секретаря комитета, онъ приступилъ къ участію въ дѣйствіяхъ комитета съ убѣжденіемъ, что между *преступленіемъ, несчастіемъ* и *болѣзнью* есть тѣсная связь,—что трудно, а иногда и совершенно невозможно отграничить одно отъ другого и что отсюда вытекаетъ и троякаго рода отношеніе къ лишенному свободы. Необходимо *справедливое,* безъ напрасной жестокости, отношеніе къ *виновному,* дѣятельное *состраданіе* къ *несчастному* и *призрѣніе больного.* Выше было указано, что положеніе вещей при открытіи тюремныхъ комитетовъ было совершенно противоположное. За виновнымъ отрицались почти всѣ человѣческія права и потребности, больному отказывалось въ дѣйствительной помощи, несчастному—въ участіи.

Съ этимъ положеніемъ вещей вступилъ въ открытую борьбу Гаазъ и велъ ее всю жизнь. Его ничто не останавливало, не охлаждало,—ни канцелярскія придирки, затрудненія и путы, ни косые взгляды и ироническое отношеніе нѣкоторыхъ изъ предсѣдателей комитета, ни столкновенія съ сильными міра, ни гнѣвъ всемогущаго графа Закревскаго, ни даже частыя и горькія разочарованія въ людяхъ... Изъ книги, изданной послѣ его смерти (Appel aux femmes), онъ вѣщаетъ: «*торопитесь дѣлать добро!*» Слова эти были лозунгомъ всей

его дальнѣйшей жизни, каждый день которой былъ живымъ ихъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ.

Увидавъ воочію положеніе тюремнаго дѣла, войдя въ соприкосновеніе съ арестантами, Ѳедоръ Петровичъ, очевидно, испыталъ сильное душевное потрясеніе. Мужественная душа его не убоялась, однако, горькаго однообразія представившихся ему картинъ, не отвернулась отъ нихъ съ трепетомъ и безплоднымъ соболѣзнованіемъ. Съ непоколебимою любовью къ людямъ и къ правдѣ вглядѣлся онъ въ эти картины и съ упорною горячностью сталъ трудиться надъ смягченіемъ ихъ темныхъ сторонъ. Этому труду и этой любви отдалъ онъ все свое время, постепенно переставъ жить для себя. Съ открытія комитета до кончины Ѳедора Петровича, въ теченіе почти 25 лѣтъ, было всего 293 засѣданія комитета — и въ нихъ онъ отсутствовалъ только одинъ разъ, да и то мы увидимъ, по какому поводу. И въ журналѣ каждаго засѣданія, какъ въ зеркалѣ, отражается его неустанная, полная энергіи и забвенія о себѣ дѣятельность. Чѣмъ дальше шли годы, чѣмъ больше накоплялось этихъ журналовъ, тѣмъ рѣзче измѣнялись образъ и условія жизни Гааза. Быстро исчезли бѣлыя лошади и карета, съ молотка пошла, оставленная безъ «хозяйскаго глаза» и заброшенная, суконная фабрика, безслѣдно продана была недвижимость, обветшалъ оригинальный костюмъ, и когда, въ 1853 году, пришлось хоронить нѣкогда виднаго и извѣстнаго московскаго врача, обратившагося, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ смѣшного одинокаго чудака, то оказалось необходимымъ сдѣлать это на счетъ полиціи...

IV.

Обязанный по должности своей сразу имѣть дѣло и съ тюремной статикой, и съ тюремной динамикой, Гаазъ тотчасъ же прозрѣлъ, сквозь загрубѣлыя черты арестанта, нестираемый преступленіемъ образъ человѣка, образъ существа, представляющаго физическій и нравственный организмъ, которому доступно страданіе. На уменьшеніе этого двоякаго страданія онъ и направилъ свою дѣятельность.

Каждую недѣлю разъ, а иногда и два, отправлялась изъ Москвы партія ссылаемыхъ въ Сибирь. Пересыльная тюрьма была устроена въ странномъ мѣстѣ. На правомъ берегу Москвы-рѣки, противъ Дѣвичьяго поля и знаменитаго монастыря, холмистою грядою возвышаются такъ-называемыя Воробьевы горы. Почти вся Москва видна съ нихъ, со своими многочисленными церковными главами, башнями и монументальными постройками. На нихъ-то хотѣлъ императоръ Александръ I воздвигнуть храмъ Спасителю по обѣту, данному въ манифестѣ, возвѣстившемъ въ 1812 году русскому народу, что «послѣдній непріятельскій солдатъ переступилъ границу». Громадный храмъ, по проекту молодого, мистически-настроеннаго художника Витберга, долженъ былъ состоять изъ трехъ частей, связанныхъ между собою одною общею глубокою идеею. Начинаясь колоннадами отъ рѣки, храмъ образовывалъ сначала нѣчто въ родѣ полутемной колоссальной гробницы, изсѣченной въ горѣ и хранящей въ своихъ нѣдрахъ останки героевъ двѣнадцатаго года,—затѣмъ отъ этого царства смерти онъ переходилъ въ свѣтлый и богато украшенный храмъ жизни, увѣнчанный, въ свою очередь, храмомъ духа, строгимъ и прозрачнымъ, покрытымъ колоссальнымъ куполомъ. Неопытный въ жизни, довѣрчивый и непрактич-

ный Витбергъ сдѣлался жертвою злоупотребленій и хищничества окружавшихъ его техниковъ-строителей и подрядчиковъ. Постройка храма стала обходиться такъ дорого, что проектъ показался невыполнимымъ. Витбергъ былъ отданъ подъ судъ, работа на Воробьевыхъ горахъ брошена, и храмъ Спасителя возникъ гораздо позже на своемъ теперешнемъ мѣстѣ. Но отъ обширнаго предпріятія остались различныя постройки, начатыя стѣны, мастерскія, казармы для рабочихъ, кузницы и т. п. Ихъ рѣшено было утилизировать и приспособить къ устройству пересыльной тюрьмы. Такъ возникла та тюрьма на Воробьевыхъ горахъ, съ которою неразрывно связалъ свое имя Гаазъ.

Черезъ московскую пересыльную тюрьму шли арестанты, ссылаемые изъ 24 губерній, и число ихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ никогда не было менѣе 6.000 человѣкъ въ годъ. Такъ, напр., въ 1846 г. прошло черезъ московскую пересыльную тюрьму, въ Сибирь и въ другія губерніи, арестантовъ военныхъ и гражданскихъ, не считая слѣдовавшихъ «подъ присмотромъ», — 6.760 человѣкъ, въ 1848 году — 7.714, въ 1850 году — 8.205. Въ нѣкоторые годы число

пересылаемыхъ, подъ вліяніемъ особыхъ временныхъ обстоятельствъ, очень увеличивалось, и этапу приходилось работать усиленно. Такъ, изъ отчета штабъ-лѣкаря Гофмана о числѣ задержанныхъ для справокъ и по болѣзнямъ въ московской пересыльной тюрьмѣ въ 1833 году видно, что всѣхъ пересылаемыхъ въ этомъ году было 18.147 человѣкъ, изъ которыхъ *арестантовъ* 11.149 (мужчинъ — 10.423, женщинъ—726) и пересылаемыхъ *«не въ родѣ арестантовъ»* — 6.998 (мужчинъ—6.971, женщинъ—27). Вообще съ 1827 года по 1846 г. въ одну Сибирь изъ Россіи препровождено черезъ Москву 159.755 человѣкъ, на считая дѣтей, слѣдовавшихъ за родителями.

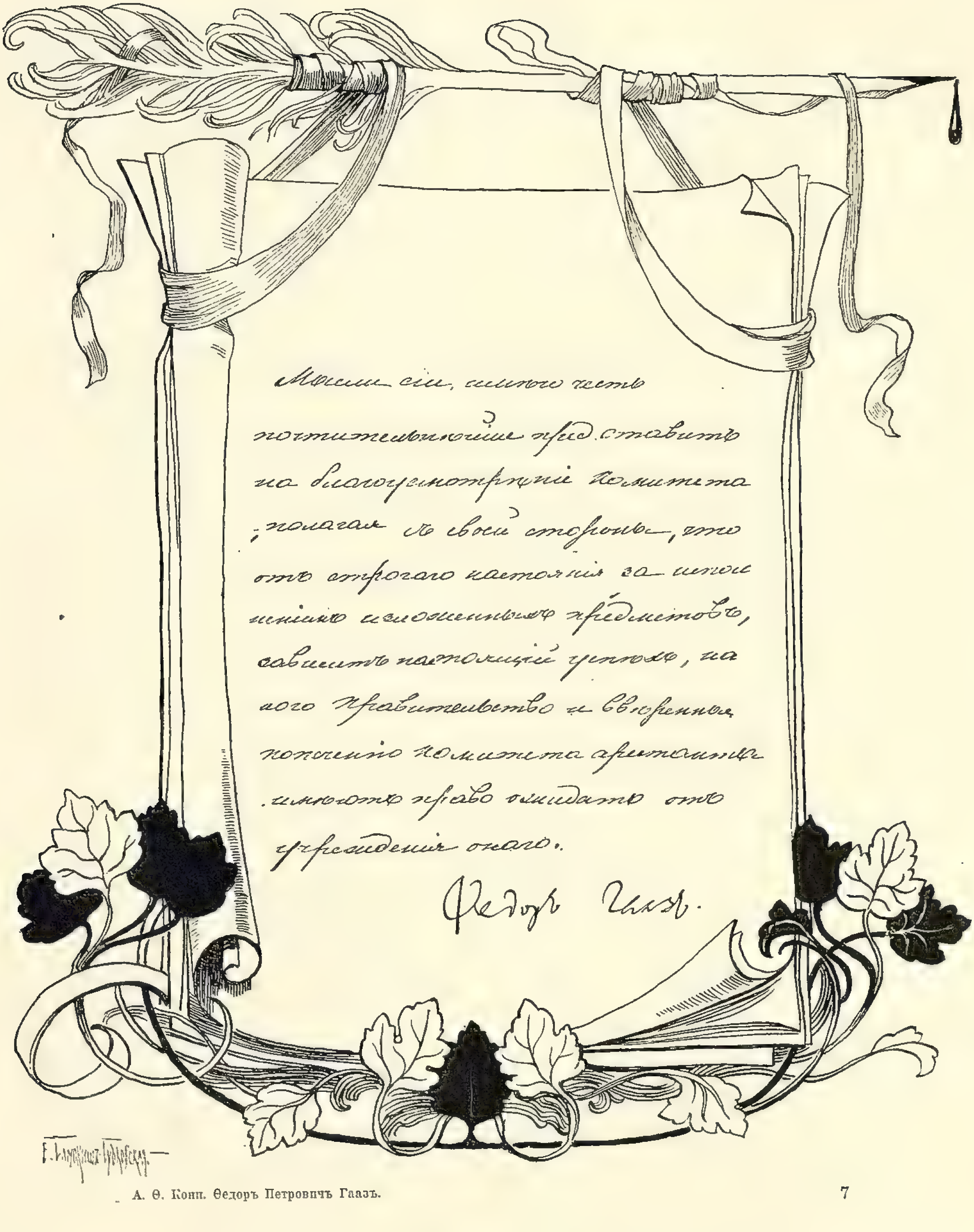
Принявшись горячо за исполненіе обязанностей директора комитета и получивъ подъ свое наблюденіе, между прочимъ, и пересыльную тюрьму, Гаазъ сразу пришелъ въ соприкосновеніе со всею массою пересылаемыхъ, и картина ихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, далеко выходившихъ за предѣлы установленной закономъ даже и для осужденныхъ кары, предстала ему во всей своей яркости. Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, его поразило *препровожденіе ссыльныхъ на прутъ.* Онъ увидѣлъ, что тягости пути обратно пропорціональны признанной судомъ винѣ ссылаемыхъ, ибо въ то время, когда важнѣйшіе преступники, отправляемые на каторгу, свободно шли въ ножныхъ кандалахъ, подвѣшивая ихъ къ поясу за среднее кольцо, соединявшее ножныя обоймы цѣпи, — менѣе важные, шедшіе на поселеніе, нанизанные на прутъ, стѣсненные во всѣхъ своихъ движеніяхъ и естественныхъ потребностяхъ, претерпѣвали въ пути всевозможныя муки и были лишены всякаго отдыха при остановкѣ на полуэтапахъ, вслѣдствіе лишенія единственнаго утѣшенія узника — спокойнаго сна. Онъ услышалъ слезныя мольбы *ссыльно-поселенцевъ*, просившихъ, какъ благодѣянія, обращенія съ ними, какъ съ *каторжными.* Онъ нашелъ также прикованными къ пруту не однихъ осужденныхъ, но, на основаніи ст. 120 уст. о ссыльныхъ, т. XIV (изд. 1842 г.), и препровождаемыхъ «подъ присмотромъ», т. е. пересылаемыхъ административно на мѣсто приписки или жительства, просрочившихъ паспорты, плѣнныхъ горцевъ и заложниковъ, отправляемыхъ на водвореніе въ сѣверныя губерніи (журналы комитета за 1842 г.),

бѣглыхъ кантонистовъ, женщинъ и малолѣтнихъ, и вообще массу людей, шедшихъ, согласно оригинальному народному выраженію, «по невродіи» (т. е., говоря словами закона, «не въ родѣ арестантовъ»). Онъ нашелъ также между ними не только ссылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, но даже и препровождаемыхъ на счетъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній, т.-е., вѣрнѣе, до городовъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ состояли имѣнія, причемъ внутренняя стража вела и ихъ «въ ручныхъ укрѣпленіяхъ».

«Я открылъ,—писалъ Гаазъ комитету въ 1833 году,—въ діалектикѣ начальниковъ внутренней стражи изреченіе «имѣть присмотръ», которое въ переводѣ на простой языкъ конвойныхъ значитъ: «ковать и содержать, какъ послѣднихъ арестантовъ», а по толкованію самихъ арестантовъ—значитъ: «заковывать еще строже, чѣмъ каторжныхъ»... Съ тревогой и негодованіемъ созналъ онъ, что по «владиміркѣ» постоянно, со стономъ и скрежетомъ, направляются, непрерывно возобновляясь, эти подвижныя ланкастерскія школы взаимнаго обученія ненависти другъ къ другу, презрѣнію къ чужимъ страданіямъ, забвенію всякаго стыда и разврату въ словѣ и въ дѣлѣ!..

Но Гаазъ не принадлежалъ къ людямъ, которые принимаютъ совѣтъ «отойти отъ зла и сотворить благо», въ смыслѣ простого неучастія въ творимомъ другими злѣ,—его воспріимчивая душа слѣдовала словамъ поэта: «не иди во станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можешь быть». Онъ тотчасъ же забилъ тревогу по поводу прута, начавъ противъ этого орудія пытки борьбу, длившуюся съ настойчивою и неостывающею ненавистью съ октября 1829 многіе годы подъ рядъ. Онъ нашелъ себѣ союзника и вліятельнаго истолкователя въ князѣ Д. В. Голицынѣ. Представленія и разсказы Гааза подѣйствовали рѣшительнымъ образомъ на этого благороднаго и доступнаго голосу житейскихъ нуждъ человѣка.

Уже 27-го апрѣля 1829 года въ предложеніи комитету по поводу различныхъ заявленій Гааза, Голицынъ высказалъ полное сочувствіе его мысли объ отмѣнѣ пересылки на прутѣ и выразилъ твердое намѣреніе войти объ этомъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ


Мысли сiи, имѣю честь
почтительнѣйше представить
на благоусмотрѣнiе Комитета
полагая съ своей стороны, что
отъ строгаго настоянiя за испол
ненiемъ изложенныхъ предметовъ,
зависитъ настоящiй успѣхъ, на
кого Правительство и ввѣренные
попеченiю Комитета арестанты
имѣютъ право ожидать отъ
учрежденiя онаго.
Федоръ Гаазъ.
Е. Самокишъ-Судковская

дѣлъ. Въ походѣ, предпринятомъ затѣмъ по почину Гааза, князю Голицыну пришлось встрѣтиться и съ личнымъ недоброжелательствомъ, и съ медлительностью канцелярской рутины, и съ противупоставленіемъ ложныхъ интересовъ и самолюбиваго упорства отдѣльныхъ *вѣдомствъ* требованіямъ общественной пользы, справедливости и человѣколюбія. Нужно было много энергіи и любви къ правдѣ, чтобы — во время долгой и томительной переписки о прутѣ — на мѣстѣ Гааза не впасть въ уныніе, на мѣстѣ князя Голицына—не махнуть на весь вопросъ рукою.

Сообщеніе московскаго генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому о невозможности примѣнять прутъ къ препровожденію арестантовъ, ибо «сей образъ пересылки крайне изнурителенъ для сихъ несчастныхъ, такъ что превосходитъ самую мѣру возможнаго терпѣнія», сразу оскорбило нѣсколько самолюбій. Закревскому не могло нравиться, что московскій генералъ-губернаторъ возбуждаетъ *общій вопросъ*, не имѣющій прямого отношенія къ Москвѣ, и такимъ образомъ какъ бы указываетъ министру внутреннихъ дѣлъ на недосмотры и непорядки въ области его исключительнаго вѣдѣнія. Съ другой стороны, завѣдываніе арестантами во время пути лежало на чинахъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, находившагося подъ высшимъ начальствомъ военнаго министра, графа Чернышева, которому не по душѣ были не только вмѣшательство князя Голицына въ дѣйствія этапныхъ командъ при пересылкѣ арестантовъ, но и самъ князь Голицынъ, представлявшій, какъ личность, такъ мало съ нимъ сходства. Наконецъ, былъ еще человѣкъ, выступившій передовымъ и упорнымъ бойцомъ противъ Голицына и Гааза. Это былъ генералъ Капцевичъ, командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Оригинальная личность его, оставившая глубокій слѣдъ на русской тюремной динамикѣ, заслуживала бы подробнаго изученія, хотя бы съ точки зрѣнія противуположностей, могущихъ уживаться въ душѣ русскаго человѣка, вокругъ добрыхъ и даже трогательныхъ свойствъ которой постепенно наростаетъ кора упорнаго служебнаго бездушія. Сослуживецъ Аракчеева при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и заботливый до нѣжности начальникъ солдатъ,—суровый и рѣзкій въ обра-

щеніи съ подчиненными и теплый, отзывчивый и человѣчный первоначальный стражъ декабристовъ въ Сибири,—ходатай и заступникъ за ссыльныхъ, какъ западно-сибирскій генералъ-губернаторъ, и черствый формалистъ по отношенію къ нимъ же въ качествѣ командира внутренней стражи, Капцевичъ съ мрачною подозрительностью относился, въ концѣ 20-хъ годовъ, къ дѣятельности и задачамъ тюремныхъ комитетовъ и встрѣтилъ «затѣю» Голицына, за которымъ, какъ ему было извѣстно, стоялъ Гаазъ, вполнѣ враждебно. Но прямо отвергнуть все, что писалъ Голицынъ о прутѣ, и сказать ему, въ формѣ «оставленія безъ послѣдствій»: не мѣшайся не въ свое дѣло!—было невозможно. Онъ былъ слишкомъ сильный человѣкъ и могъ перенести свою распрю на рѣшительный и безповоротный судъ императора Николая, который вѣрилъ ему и въ него... Но можно было затянуть дѣло, направивъ его въ русло канцелярской переписки, и на краснорѣчивыя строки Голицына, проникнутыя великодушнымъ нетерпѣніемъ,—отвѣтствовать бюрократическимъ изморомъ.

Такъ и было сдѣлано. У Закревскаго въ распоряженіи могли быть живые и независимые свидѣтели того, что̀ такое на практикѣ «легкій» прутъ генерала Дибича. Но не къ нимъ обратился онъ съ запросомъ. Взглядъ московскаго генералъ-губернатора былъ подвергнутъ критикѣ этапныхъ начальниковъ. Они, для которыхъ прутъ во всякомъ случаѣ не представлялъ ничего стѣснительнаго, были спрошены о томъ, удобны ли прутья и правду ли пишетъ князь Голицынъ объ ихъ изнурительности? Капцевичъ, которому было подчинено этапное начальство, получивши коварные вопросы Закревскаго, добавилъ къ нимъ еще одну подробность. Онъ спрашивалъ уже не о томъ, бывали ли въ дѣйствительности случаи, описанные въ сообщеніи Голицына, но и о томъ, почему же, если только случаи эти существовали, не было о томъ доносимо главному начальству? При этомъ, поставивъ предъ вопрошаемыми альтернативу—или отрицать случаи неудобства прута, или признать себя виновными въ умолчаніи о нихъ,—онъ интересовался знать, какія, по мнѣнію этапнаго начальства, могутъ быть приняты мѣры къ облегченію препровождаемыхъ арестантовъ. Ему отвѣчали не торопясь. По отзывамъ начальниковъ этапныхъ командъ, какъ

и слѣдовало ожидать, оказалось, что все обстоитъ благополучно и никакихъ неудобствъ отъ заковки на прутъ не представляется. При этомъ, однако, проскальзывали замѣчанія о томъ, что у арестантовъ отъ прута *большихъ* ранъ не замѣчено, но что отъ кольца при прутѣ тѣло можетъ ознобиться, отчего дѣлаются раны и знаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились и предложенія замѣны прута. Предложено было придѣлать къ пруту короткія цѣпи съ ошейниками или замѣнить прутъ цѣпью въ семь вершковъ, съ прикрѣпленными къ ней малыми цѣпями по три вершка, съ наручниками. Такъ прошелъ почти годъ... Тогда князь Голицынъ вновь выступилъ противъ прута въ особой запискѣ, поднесенной имъ уже самому государю и содержащей сжатое, но сильное описаніе всѣхъ тяжелыхъ сторонъ этого способа пересылки, безъ сомнѣній неоднократно описанныхъ ему Гаазомъ, вглядѣвшимся на Воробьевыхъ горахъ во всѣ его свойства и послѣдствія. Но и эта записка, переданная Капцевичу, не подѣйствовала на него. Единственная уступка, на которую уже въ 1831 году согласился онъ, состояла лишь въ признаніи возможнымъ замѣнить прутъ семивершковою цѣпью съ наручниками... Такимъ образомъ все дѣло сводилось къ тому, чтобы *неподвижный прутъ* замѣнить *подвижною цѣпью*, оставивъ на ней попрежнему нѣсколькихъ человѣкъ во всей тяжкой обстановкѣ ихъ насильственнаго сцѣпленія другъ съ другомъ. Взглядъ его былъ раздѣленъ Военнымъ совѣтомъ и для опыта съ предлагаемыми имъ цѣпями разослано по этапамъ 47 цѣпей, каждая на три пары арестантовъ. Опытъ, по заявленіямъ этапныхъ начальниковъ, оказался удачнымъ, и въ 1832 году, по постановленію комитета министровъ, разсмотрѣвшаго представленіе Закревскаго о введеніи предложенной Капцевичемъ цѣпи, эти цѣпи были введены въ повсемѣстное употребленіе, для чего немедленно было изготовлено 4.702 цѣпи, каждая на три пары... Прутъ измѣнилъ лишь свое имя, и хотя Голицынъ еще нѣсколько разъ заявлялъ о его вредѣ, онъ продолжалъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока, благодаря энергичнымъ трудамъ Милютина и графа Гейдена, введеніе перевозки арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ и водою не измѣнило кореннымъ образомъ и самыхъ пріемовъ препровожденія ссыльныхъ.

Е. Самокишъ-Будковскій.—

Общій вопросъ, поднятый Голицынымъ и Гаазомъ, былъ похороненъ, и достоинство вѣдомства, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ ссыльнымъ, сохранено во всей своей печальной неприкосновенности... Но этотъ общій вопросъ былъ въ то же время и *мѣстнымъ* вопросомъ для Воробьевской тюрьмы. Тамъ дѣйствовалъ и чувствовалъ Гаазъ, продолжавшій, не взирая ни на что, «гнать свою линію».

Убѣжденный въ правильности своего взгляда и не желая дожидаться окончанія переписки о прутѣ, которая казалась ему одною лишь формальностью, Гаазъ, въ 1829 году, принялся за опыты надъ такою замѣною прута, которая устранила бы обычныя нареканія въ облегченіи возможности побѣга. Прежде всего надо было освободить руки арестантамъ и ссыльнымъ и сравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ приговореннымп къ каторжнымъ работамъ, которые шли въ ножныхъ кандалахъ. Но ихъ кандалы были тяжелы. Они были разнаго размѣра, длиною отъ 11 вершковъ до 1 арш. и 4½ верш., и вѣсомъ отъ 4½ до 5½ фунтовъ (списки ссыльныхъ арестантовъ 17-го и 24-го іюня 1829 г.). Гаазъ занялся наблюденіями за изготовленіемъ кандаловъ, облегченныхъ до крайней возможности не въ ущербъ своей прочности. Послѣ ряда руководимыхъ имъ опытовъ удалось изготовить кандалы съ цѣпью, длиною въ аршинъ и вѣсомъ 3 фунта, получившіе

затѣмъ въ тюремной практикѣ и въ устахъ арестантовъ названіе *газовскихъ*. Въ этихъ кандалахъ можно было пройти большое пространство, не уставая и поддѣвъ ихъ къ поясу. Когда кандалы были готовы и испытаны самимъ Гаазомъ, онъ обратился къ комитету съ горячимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи заковывать въ эти кандалы всѣхъ, проходящихъ чрезъ Москву на прутѣ. Онъ въ патетическихъ выраженіяхъ рисовалъ положеніе прикованныхъ, указывалъ на самоволіе конвойныхъ солдатъ, на жалкую участь «идущихъ подъ присмотромъ» и безъ вины караемыхъ препровожденіемъ на прутѣ, представлялъ средства для заказа на первый разъ новыхъ кандаловъ, обѣщалъ, именемъ «добродѣтельныхъ людей», доставленіе этихъ средствъ и на будущее время и объяснялъ, что для изготовленія облегченныхъ кандаловъ можно приспособить кузницу, оставшуюся на Воробьевыхъ горахъ отъ построекъ Витберга. Слова Гааза, подтверждаемыя, самымъ вопіющимъ образомъ, видомъ каждой этапной партіи, встрѣтили сочувственный отголосокъ въ кн. Голицынѣ, который рѣшилъ «у себя» не стѣсняться болѣе петербургскими проволочками. Въ декабрѣ 1831 г. онъ предложилъ комитету принять немедленно мѣры къ приспособленію кузницы, оставшейся отъ Витберга, для перековки арестантовъ по указаніямъ доктора Гааза, и къ передѣлкѣ кандаловъ по новому образцу, представленному тѣмъ же Гаазомъ. Комитетъ, въ засѣданіи 22-го декабря, принявъ къ исполненію предложеніе генералъ-губернатора, просилъ его, въ свою очередь, предписать командующему внутреннимъ гарнизономъ въ Москвѣ и приказать начальникамъ мѣстныхъ этапныхъ командъ не препятствовать исправленію кандаловъ подъ руководствомъ доктора Гааза и наложенію ихъ на прищедшихъ въ Москву на прутѣ арестантовъ.

Такимъ образомъ, безъ шума, безъ всякой переписки по инстанціямъ, прутъ оказался фактически уничтоженнымъ въ Москвѣ, благодаря смѣлому почину вліятельнаго генералъ-губернатора, умѣвшаго, среди окружавшей его роскоши и обаянія власти, найти время, чтобы серьезно задуматься надъ страданіями людей, за которыхъ, среди общаго жестокаго равнодушія, предстательствовалъ уроженецъ чужой страны, чутко привлеченный имъ къ дѣлу тюремнаго благотворенія.

Пересылаемые встрѣтили нововведеніе Гааза съ восторгомъ, но для того, чтобы оно могло удержаться, чтобы вызванная кн. Голицынымъ готовность содѣйствовать ему не охладѣла и, по нашей всегдашней привычкѣ, не перешла въ апатію и въ то, что князь В. Ѳ. Одоевскій характеризовалъ въ своей записной книжкѣ словомъ *«рукавоспустіе»*, нужно было энергически слѣдить за дѣломъ на мѣстѣ, не уставая и не отставая. Это и дѣлалъ Гаазъ. Цѣлые дни проводилъ онъ на Воробьевыхъ горахъ, наблюдая за устройствомъ кузницы, и затѣмъ, въ теченіе всей своей жизни, за исключеніемъ послѣднихъ ея дней, не пропускалъ ни одной партіи, не снявъ, кого только возможно, съ прута и съ цѣпи Капцевича и не приказавъ перековывать при себѣ въ свои кандалы. Ни возрастъ, ни упадокъ физическихъ силъ, ни постоянныя столкновенія съ этапнымъ начальствомъ, ни недостатокъ средствъ не могли охладить его къ этой «службѣ» и удержать отъ исполненія ея тягостныхъ обязанностей. Въ столкновеніяхъ онъ побѣждалъ упорствомъ, настойчивымъ отстаиваніемъ введеннаго имъ обычая, просьбами и иногда угрозами жаловаться, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Недостатку средствъ на заготовку «газовскихъ» кандаловъ онъ помогалъ своими щедрыми пожертвованіями, пока имѣлъ хоть какія-нибудь деньги, а затѣмъ приношеніями своихъ знакомыхъ и богатыхъ людей, которые были не въ силахъ отказать старику, никогда ничего не просившему... для себя.

Не теряя, подъ вліяніемъ просьбъ и убѣжденій Гааза, надежды согласить Капцевича на замѣну прута, Голицынъ послалъ ему, при особой подробной запискѣ, образчикъ газовскихъ кандаловъ. Но Капцевичъ отвѣчалъ ему и тѣмъ, кто могъ раздѣлить его мнѣніе, въ особомъ докладѣ, гдѣ въ защиту прута приводились самыя странныя соображенія. Оказывалось, что «кованіе въ кандалы» равняется тѣлесному наказанію и допущеніе его взамѣнъ прута относительно маловажныхъ преступниковъ было бы, по отношенію къ нимъ, несправедливостью; оказывалось, затѣмъ, что именно этихъ-то маловажныхъ преступниковъ и слѣдуетъ, въ виду ихъ закоренѣлости въ злодѣяніяхъ, лишать тѣлесной силы, которая заключается не въ ногахъ, а въ рукахъ, и потому водить ихъ, въ отличіе отъ каторжниковъ, на

прутѣ и т. д. Тогда, уже въ 1833 году, послѣ отставки Закревскаго, князь Голицынъ послалъ газовскіе кандалы и объяснительную къ нимъ записку новому министру внутреннихъ дѣлъ, прося его содѣйствія. Содѣйствіе было оказано, но въ результатѣ, вслѣдствіе различныхъ вліяній, вопросъ о кандалахъ не былъ разрѣшенъ категорически. Въ 1833 году послѣдовало временное разрѣшеніе вмѣсто приковыванія къ пруту арестованныхъ за *легкіе проступки* надѣвать имъ ножные кандалы, если они сами того пожелаютъ и будутъ просить у начальства, какъ особаго снисхожденія и милости. Это распоряженіе страдало рядомъ недомолвокъ, обратившихъ его повсюду, гдѣ не было Гаазовъ, въ мертвую букву. Что́ значатъ *легкіе проступки?* Кто опредѣляетъ ихъ удѣльный вѣсъ? гдѣ средства для пріобрѣтенія кандаловъ? и какіе это кандалы—стараго образца или газовскіе? Наконецъ, замѣна *права* арестанта быть снятымъ съ прута снисхожденіемъ и *милостью* начальства и притомъ неизвѣстно какого,—уничтожала всякій дѣйствительный характеръ у этой мѣры.

Но для Москвы и этого было довольно. Тамъ неусыпно сторожилъ партіи ссыльныхъ Гаазъ, и чрезъ него всѣ пришедшіе на прутѣ, незавѣдомо для себя, выражали *желаніе* и просили *милости*, настойчиво и рѣшительно, въ случаѣ противодѣйствія прибѣгая къ разрѣшенію генералъ-губернатора. Начальники мѣстныхъ этапныхъ командъ роптали, сердились, удивлялись охотѣ Гааза хлопотать и «распинаться» за арестантовъ, но въ концѣ концовъ мирились съ странными обычаями тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. Только въ концѣ тридцатыхъ годовъ, во время частыхъ поѣздокъ серьезно больного князя Голицына за границу, когда Гаазъ подолгу бывалъ лишенъ возможности опереться въ этапныхъ спорахъ на его разрѣшеніе, эти начальники стали иногда рѣзко отказывать въ просьбахъ о перековкѣ арестантовъ, ссылаясь на категорическія распоряженія Капцевича. Но Гаазъ не унывалъ. Онъ не только требовалъ, въ декабрѣ 1837 года, въ особой запискѣ отъ временно исполнявшаго обязанности московскаго генералъ-губернатора Нейдгарда защиты противъ дѣйствія чиновъ внутренней стражи, но даже домогался освобожденія навсегда отъ заковыванія дряхлыхъ и увѣчныхъ арестантовъ, находя, что «съ настоящей

волею правительства не можетъ быть сообразно, чтобы люди, лишенные ноги, все-таки, какъ это нынѣ водится, получали кандалы и, не имѣя возможности ихъ надѣвать, носили ихъ съ собою въ мѣшкѣ».

Эта записка переполнила чашу терпѣнія генерала Капцевича. Называя Гааза «утрированнымъ филантропомъ», заводящимъ пререканія и «затѣйливости», затрудняющимъ начальство перепискою и соблазняющимъ арестантовъ, онъ писалъ: «мое мнѣніе удалить сего доктора отъ его обязанности». Казалось бы, что дни «безразсудной филантропіи доктора Гааза»,—какъ выражался Капцевичъ въ отвѣтѣ Нейдгардту,—были сочтены, тѣмъ болѣе, что въ 1844 году скончался, искренно оплаканный москвичами, князь Д. В. Голицынъ. Но чуж-

дая личныхъ расчетовъ доброта, движущая общественною дѣятельностью человѣка, есть сила, сломить которую не такъ-то легко. Упорно настаивая на перековкѣ, Гаазъ рѣшился даже искать пути, чтобы непосредственно, помимо офиціальной іерархической дороги, обратить вниманіе императора Николая Павловича на «прутъ». Онъ написалъ горячее письмо прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, въ которомъ, рисуя картину препровожденія на прутѣ, умолялъ короля сообщить объ этомъ своей сестрѣ, русской государынѣ, которая могла бы объ этомъ разсказать своему царственному супругу...

Преемникъ Голицына, князь Щербатовъ, вскорѣ понялъ и оцѣнилъ «утрированнаго филантропа» и молчаливо, не вступая уже ни въ какую переписку, а стоя на почвѣ установившагося обычая, сталъ поддерживать Гааза въ его «сторожевой службѣ» на Воробьевыхъ горахъ, не давая хода никакимъ на него жалобамъ по перековкѣ арестантовъ. Быть-можетъ, Гаазу только приходилось чаще просить и уговаривать, чѣмъ прежде, но зато каждый годъ его работы въ пересыльной тюрьмѣ придавалъ этимъ просьбамъ все большій нравственный вѣсъ! Этому содѣйствовала упрочившаяся слава *его* кандаловъ, которые пріобрѣли новое значеніе съ назначеніемъ командиромъ внутренней стражи генерала фонъ-деръ-Лауница, сходнаго съ Капцевичемъ лишь своими отрицательными сторонами. Лауницъ приказалъ укоротить цѣпь на кандалахъ на $^1/_4$ аршина, и обоймы, упираясь при ходьбѣ въ кость голени, стали причинять тяжкія мученія арестантамъ, не позволяя имъ при этомъ идти полнымъ шагомъ. Гаазъ не допускалъ и мысли объ укороченіи *своей* цѣпи. Она оставалась прежней длины въ аршинъ и принималась арестантами съ радостью и нетерпѣніемъ. Послѣднія оправданія Гааза противъ жалобъ этапныхъ начальниковъ относятся, какъ видно изъ дѣлъ тюремнаго комитета, къ 1840 году. Затѣмъ наступилъ періодъ мира и молчаливаго соглашенія. Гаазъ сдѣлался неизбѣжнымъ зломъ, бороться съ которымъ было безполезно и скучно. Такъ продолжалось до 1848 г. Тутъ произошла сразу перемѣна фронта въ отношеніяхъ генералъ-губернатора къ Гаазу. Начальникомъ Москвы былъ назначенъ старый недоброжелатель князя Голицына, самовластный и узкій графъ Закревскій. Съ назначеніемъ его въ

качествѣ, какъ онъ самъ выражался, «надежнаго оплота противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ съ Запада», въ Москвѣ повѣяло другимъ духомъ. Это отразилось и на Воробьевыхъ горахъ. Опять начались столкновенія по поводу «газовскихъ кандаловъ». Гаазъ былъ вынужденъ войти въ комитетъ съ просьбою о возобновленіи распоряженія о «выдачѣ пересылаемыхъ арестантамъ ножныхъ кандаловъ, вмѣсто ручныхъ, если они о томъ просить будутъ». Когда комитетъ представилъ объ этомъ графу Закревскому, послѣдній, 18-го ноября 1848 г., приказавъ дать ему знать, что «его сіятельство, принимая въ уваженіе, что удовлетвореніе подобныхъ просьбъ арестантовъ зависитъ отъ снисхожденія того начальства, которое отвѣтствуетъ за цѣлость препровождаемыхъ арестантовъ, находитъ предположеніе г. Гааза *незаслуживающимъ вниманія*, потому болѣе, что его сіятельство заботится не столько о предоставленіи арестантамъ незаслуженныхъ ими удобствъ, сколько о способахъ облегченія этапныхъ командъ въ надзорѣ за арестантами».

«*Пріобщить къ дѣлу*» постановилъ комитетъ, и на этотъ разъ «утрированный филантропъ» былъ, повидимому, окончательно разбитъ и придавленъ краткою и властною элоквенціею новаго «хозяина Москвы»... Но... только повидимому. Эта резолюція лишь обратила *просьбы* глубоко огорченнаго старика въ *мольбы* и присоединила къ его уговорамъ трогательныя старческія слезы. Семидесятилѣтній Гаазъ пріѣзжалъ на Воробьевы горы къ приходу и отправленію партій попрежнему и своимъ почтеннымъ видомъ и шедшими отъ сердца словами призывалъ къ возможному смягченію страданій, названному графомъ Закревскимъ «незаслуженными удобствами». «Между сими людьми,— писалъ онъ въ объясненіи по поводу поступившей на него жалобы,— были выздоравливающіе и поистинѣ весьма слабые, которые, видя меня посреди арестантовъ, просили, чтобы я избавилъ ихъ отъ сихъ мукъ. Мое ходатайство было тщетно, и я принужденъ былъ снести взглядъ какъ бы презрѣнія, съ которымъ арестанты отправились, ибо знали, что просьба ихъ законна, и я нахожусь тутъ по силѣ же закона. Не имѣя довольно власти помочь сей бѣдѣ, я дѣйствительно позволилъ себѣ сказать конвойному чиновнику, чтобы онъ вспомнилъ, что

судьею его несправедливыхъ дѣйствій есть Богъ!» Но не всѣ бывали равнодушны къ его призыву. Арестантовъ, все-таки, продолжали перековывать, не всегда, но часто. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ сентябрѣ 1853 г. кузнецъ при витберговской кузницѣ на Воробьевыхъ горахъ обращался въ комитетъ съ просьбою уплатить ему за послѣднюю партію въ 120 облегченныхъ кандаловъ, сдѣланныхъ лѣтомъ того же года по заказу доктора Гааза, умершаго въ августѣ.

Лично человѣколюбивое отношеніе къ арестантамъ и его послѣдствія въ Москвѣ не удовлетворяли, однако, Гааза и не давали покоя его мысли. Сознаніе того, что *до* прихода партій въ Москву и въ тѣхъ, которыя *не* проходятъ чрезъ Москву, прутъ и цѣпь Капцевича продолжаютъ примѣняться невозбранно, мучило его. Онъ видѣлъ арестантовъ съ отмороженными руками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ нимъ прикасались желѣзныя кольца наручниковъ; онъ ясно представлялъ себѣ страданія людей, не могущихъ положить прикованную къ пруту или короткой цѣпи руку за пазуху, для согрѣванія въ то время, когда жестокій морозъ при вѣтрѣ остужаетъ желѣзо, обжигающее и мертвящее своимъ прикосновеніемъ руку. Единственнымъ средствомъ, по его мнѣнію, чтобы предотвратить эти мученія, было обшиваніе кожею наручней (гаекъ). Онъ говорилъ объ этомъ неоднократно въ комитетѣ, подавалъ о томъ же записки князю Голицыну въ 1832 и 1833 годахъ. Но и тутъ Капцевичъ возражалъ, въ упорномъ ослѣпленіи служебнаго самолюбія. Онъ указывалъ, что обшивка наручниковъ кожею или сукномъ ослабитъ ихъ и создастъ пустоту, удобную для снятія

ихъ, и сомнѣвался, чтобы наручникъ могъ производить холодъ, ибо желѣзо, согрѣваясь отъ голой руки и отъ рукава кафтана, не должно мерзнуть. Насколько соотвѣтствовало дѣйствительности такое представленіе о наручникахъ, видно изъ характернаго разсказа, записаннаго С. В. Максимовымъ, со словъ арестанта: «лѣтомъ цѣпь суставы ломаетъ, зимой отъ нея всѣ кости ноютъ: въ нашей партіи цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала и чего-чего мы на переходѣ не напринимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, таково было маятно и больно, *и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!..*» — Гаазъ, конечно, не убѣдился доводами Капцевича и не унимался. Представленный имъ, въ 1836 году, въ комитетъ списокъ арестантовъ съ отмороженными отъ гаекъ руками такъ взволновалъ Голицына, что онъ немедленно и въ самой настойчивой формѣ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости осуществить мысль «затѣйливаго доктора». На этотъ разъ послѣдовавшій въ томъ же 1836 г. указъ о повсемѣстномъ въ Россіи обшитіи гаекъ у цѣпей кожею, далъ Гаазу полное и ясное удовлетвореніе, не допускавшее никакихъ недоразумѣній.

Е. Самокиш-Судковскій —

Но не одинъ видъ закованныхъ, безъ всякаго между ними раз-

личія по поводамъ ихъ пересылки, смущалъ Гааза. Во избѣжаніе побѣговъ и для облегченія поимки, законъ 29-го января 1825 г. предписывалъ, какъ мы уже видѣли, брить половину головы пересылаемымъ по этапу. Бритье шло поголовно. Съ бритою половиною головы оказывались, какъ видно изъ записки Гааза, представленной комитету, пересылаемые на родину для водворенія послѣ суда, *коимъ они оправданы*,—просрочившіе паспортъ и просто отправляемые по требованію обществъ, опекуновъ и наслѣдниковъ населенныхъ имѣній—высылаемые изъ столицы за нищенство и т. п. Гаазъ указываетъ случаи обритія половины головы крестьянину, не имѣвшему средствъ возвратиться къ своему господину съ заработковъ изъ Барнаула, и 13-ти лѣтнему еврейскому мальчику, возвращаемому въ Гродно для обращенія въ первобытное состояніе *вслѣдствіе неправильной отдачи его въ военную службу*. Ярко и образно описывая несправедливость и жестокость такого бритья, Гаазъ 23-го ноября 1845 г. просилъ комитетъ хлопотать объ его отмѣнѣ для нелишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. О томъ же просилъ онъ и генералъ-губернатора кн. Щербатова въ особой докладной запискѣ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и 11-го марта 1846 года, вслѣдствіе представленія тюремнаго комитета, общее бритье головы всѣмъ пересылаемымъ было отмѣнено государственнымъ совѣтомъ, будучи удержано лишь для каторжныхъ.

Наконецъ и продовольствіе ссыльныхъ вызвало заботу Гааза. Когда, въ 1847 и 1848 гг., послѣдовало временное распоряженіе объ уменьшеніи на одну пятую пищевого довольства заключенныхъ (повторенное во время неурожая 1891 года), Ѳедоръ Петровичъ внесъ въ комитетъ, въ разное время, до 11.000 р. сер. отъ «неизвѣстной благотворительной особы» для улучшенія пищи содержащихся въ пересыльномъ замкѣ.

V.

Заботясь о перековкѣ арестантовъ и, какъ мы увидимъ далѣе, объ ихъ обиходѣ, дѣлахъ и т. п., Гаазъ дѣйствовалъ въ качествѣ директора тюремнаго комитета, наложившаго на себя исключительныя обязанности. Не свойства только, не характеръ и объемъ этихъ обязанностей отличали его отъ большинства его сотоварищей и выдвигали, противъ его воли, его симпатичную личность: на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежала печать постоянной сердечной тревоги о ходѣ взятаго на себя дѣла и отсутствія всякой заботы о самомъ себѣ,—отражался тотъ особый взглядъ его на развертывавшуюся передъ нимъ картину человѣческихъ немощей, паденій и несчастій, который Достоевскій назвалъ бы «проникновеннымъ».

Была у него, однако, другая область дѣятельности, гдѣ онъ былъ, въ особенности первое время, почти полнымъ хозяиномъ, — дѣйствуя непосредственно, не нуждаясь ни въ чьемъ согласіи или поддержкѣ. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Мы знаемъ, какъ поразило его препровожденіе на прутѣ. Но не менѣе поразило его и небрежное, бездушное отношеніе къ недугамъ пересылаемыхъ и къ ихъ человѣческимъ, душевнымъ потребностямъ. Онъ увидѣлъ, что на здоровье пересылаемыхъ не обращается никакого серьезнаго вниманія и что отъ нихъ спѣшатъ какъ можно скорѣе отдѣлаться, не допуская и мысли о существованіи такихъ у нихъ нуждъ, не удовлетворить которымъ по возможности—было бы всегда жестоко, а иногда и прямо безнравственно. Когда онъ началъ просить иного къ нимъ отношенія, ему отвѣчали уклончиво и подсмѣиваясь... Когда онъ сталъ требовать—въ качествѣ члена тюремнаго комитета — ему рѣзко дали

понять, что это до него не касается; что это — дѣло полицейскихъ врачей, свидѣтельствующихъ приходящихъ въ пересыльную тюрьму, и ихъ прямого начальства.

Но Гаазъ не понималъ, что значитъ «уступчивость», когда требованіе предъявляется не во имя своего *личнаго* дѣла. Еще 2-го апрѣля 1829 года, ссылаясь на свое званіе доктора медицины, онъ настойчиво просилъ князя Годицына уполномочить его свидѣтельствовать состояніе здоровья всѣхъ находящихся въ Москвѣ арестантовъ и подчинить ему, въ этомъ отношеніи, полицейскихъ врачей, съ негодованіемъ излагая въ особой запискѣ нравственную тягость своего положенія въ пересыльной тюрьмѣ. Онъ разсказывалъ, какъ былъ отправленъ съ партіею «старикъ-американецъ, имѣющій видъ весьма добраго человѣка», привезенный нѣкогда въ Одессу дюкомъ де-Ришелье, и задержанный въ Радзивилловѣ «за безписьменность», такъ какъ онъ не могъ доказать своего званія, — отправленъ съ отмороженною ногою, отъ которой отвалились пальцы,—при полномъ невниманіи къ просьбамъ Гааза задержать его на нѣкоторое время для излѣченія ноги и собранія о немъ справокъ. «Мнѣ оставалось лишь,— пишетъ онъ,—постараться истолковать ему причину его ссылки и ободрить его насчетъ его болѣзни, причемъ я имѣлъ счастіе нѣсколько его утѣшить и помирить съ нерадивымъ о немъ попеченіемъ». Онъ разсказывалъ далѣе, какъ, несмотря на всѣ его просьбы и даже на данное полицейскимъ врачомъ обѣщаніе, писаря внутренней стражи «сыграли съ нимъ штуку» и устроили отправку въ Сибирь арестанта, зараженнаго венерическою болѣзнью. «И такъ,—пишетъ Гаазъ,—сей несчастный отправился распространять свой ужасный недугъ въ отдаленные края, а я и полицейскій врачъ вернулись домой, имѣя видъ внутренняго спокойствія, какъ будто мы исполнили нашъ долгъ, и не болѣе боимся Бога, какъ сихъ несчастныхъ невольниковъ; но всѣ бѣды, которыя будетъ распространять сей жалкій больной, *будутъ вписаны—на счетъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества — въ книгу, по коей будетъ судиться міръ!*»—Записка Гааза была предложена на разсмотрѣніе комитета—и онъ писалъ туда: «всѣ говорятъ не объ устраненіи *зла*, а только о необходимости соблюдать *формы*; но сіи

формы совершенно уничтожили бы самую вещь. Тюремный комитетъ войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если, взирая на рыданія ссылаемыхъ и слыша ихъ плачъ, не будетъ имѣть хотя бы косвенной власти доставлять утѣшеніе ихъ страданіямъ въ послѣднія, такъ сказать, минуты». Просьба Гааза была уважена, и князь Голицынъ предписалъ, кому слѣдуетъ, предоставить доктору Гаазу, какъ медицинскому члену тюремнаго комитета, свидѣтельствовать здоровье пересылаемыхъ арестантовъ, безъ участія полицейскихъ врачей, и больныхъ оставлять до излѣченія въ Москвѣ по своему усмотрѣнію.

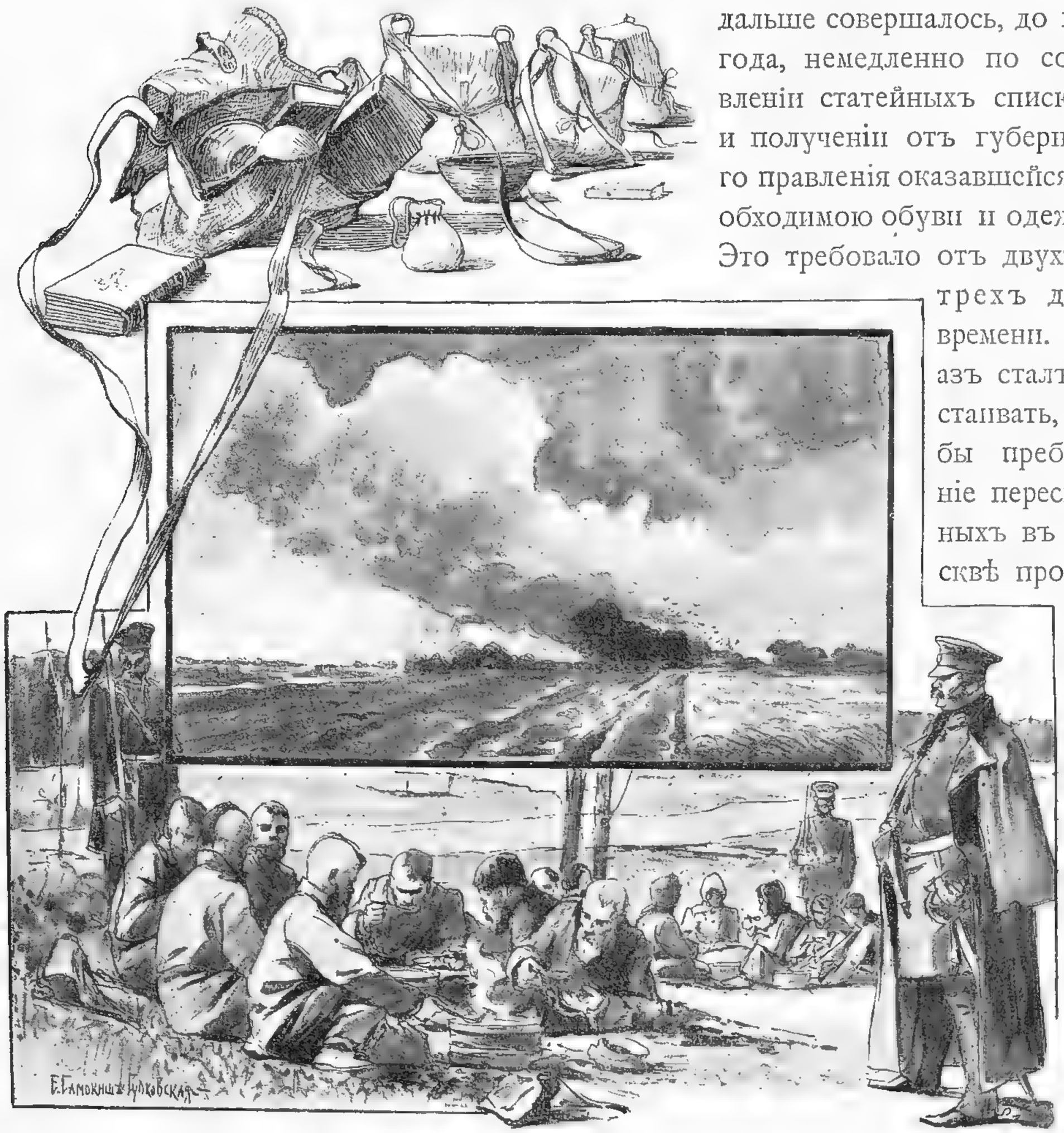
Такимъ образомъ, на ряду съ заботою о перековкѣ ссыльныхъ, Гаазу открылось обширное поприще и для другой о нихъ заботы. Онъ сталъ осуществлять ее самымъ широкимъ образомъ, устраняя зло, понимаемое имъ глубоко, и совсѣмъ не стѣсняясь формами, въ которыя была заключена современная ему тюремная *динамика*. Можно безъ преувеличенія сказать, что полжизни проведено имъ въ посѣщеніяхъ пересыльной тюрьмы, въ мысляхъ и въ перепискѣ о ней. Чуждый ремесленному взгляду на свою врачебную дѣятельность, отзывчивый на всѣ стороны жизни, умѣвшій распознавать въ оболочкѣ больного или немощнаго тѣла страждущую душу, онъ никогда не ограничивалъ своей задачи, какъ это дѣлалось многими при немъ и почти всѣми послѣ него, однимъ лѣченіемъ несомнѣнно больныхъ арестантовъ. Лѣкарство стояло у него на второмъ планѣ. Забота, сердечное участіе и, въ случаѣ надобности, горячая защита, — вотъ были его главныя средства врачеванія. «Врачъ, — говорилось въ составленной имъ инструкціи для врача при пересыльной тюрьмѣ, — долженъ помнить, что довѣренность, съ каковою больные предаются, такъ сказать, на его произволъ, требуетъ, чтобы онъ относился къ нимъ чистосердечно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ дружескою заботою о ихъ нуждахъ, съ тѣмъ расположеніемъ, которое отецъ имѣетъ къ дѣтямъ, попечитель къ питомцамъ». — «Комитетъ требуетъ,—говорится далѣе въ той же инструкціи,—чтобы врачъ пользовался всякимъ случаемъ повліять на улучшеніе нравственнаго состоянія ссыльныхъ; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрымъ христіаниномъ,—т.-е. заботливымъ, справедливымъ и благо-

честивымъ. *Заботливость* должна выразиться во всемъ, что̀ относится къ здоровью ссыльныхъ, къ ихъ кормленію, одеждѣ, обуви и къ тому, *какъ ихъ сковываютъ;—справедливость* въ благосклонномъ вниманіи къ просьбамъ ссыльныхъ, въ осторожномъ и дружескомъ успокоеніи ихъ насчетъ ихъ жалобъ и желаній, и въ содѣйствіи удовлетворенію ихъ;—*благочестіе* въ сознаніи своихъ обязанностей къ Богу и въ заботѣ о томъ, чтобы всѣ ссыльные, проходящіе чрезъ Москву, пользовались духовною помощью. Необходимо съ увѣренностью надѣяться, что врачъ при попеченіи о здоровьѣ ссыльныхъ въ Москвѣ—не оставитъ ничего желать и будетъ поступать такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, никто изъ страждущихъ ссыльныхъ не оставлялъ Москвы, не нашедши въ оной помощи и утѣшеній, какихъ онъ имѣетъ право ожидать и по своей болѣзни, и по лежащему на тюремномъ комитетѣ долгу, и по мнѣнію, которое русскій человѣкъ привыкъ имѣть о великодушіи и благотворительности матушки-Москвы». Первымъ врачомъ, которому приходилось исполнять столь своеобразно опредѣленныя Гаазомъ обязанности, былъ рекомендованный имъ штабъ-лѣкарь Гофманъ. Но на практикѣ ему пришлось играть совершенно второстепенную роль и участвовать первое время лишь въ предварительномъ осмотрѣ пересылаемыхъ. Окончательное же освидѣтельствованіе и рѣшающее слово оставилъ за собою Гаазъ.

При всей своей преданности *идеямъ* добра и человѣчности, онъ не былъ только идеалистомъ, чуждымъ знакомства съ жизнью и съ тѣми искаженіями, которымъ она подвергаетъ идеалы на практикѣ. Вѣря въ хорошія свойства человѣческой природы, онъ не скрывалъ отъ себя ея слабостей и низменныхъ сторонъ. Онъ зналъ поэтому, что «всуе законы писать, если ихъ не исполнять», и что въ русской жизни исполнитель самаго прекраснаго правила почти всегда быстро остываетъ, замѣняя не всегда удобное чувство долга сладкою нѣгою лѣни. Живая натура Гааза и безпокойство о томъ, что не всѣ части широкой программы, начертанной имъ, будутъ выполнены, заставили его, такъ сказать, «впречься въ корень» и нести на себѣ, съ любовью и неутомимостью, всю тяжесть освидѣтельствованія. Въ 1832 году, по его ходатайству, комитетъ выхлопоталъ средства для устройства отдѣ-

ленія тюремной больницы на Воробьевыхъ горахъ на 120 кроватей — и оно поступило въ непосредственное завѣдываніе Гааза. Здѣсь онъ могъ, оставляя ссылаемыхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ «по болѣзни», снимать съ нихъ оковы и обращаться съ ними какъ съ людьми, прежде всего, несчастными...

Ссыльные приходили въ Москву по субботамъ. Отправленіе ихъ дальше совершалось, до 1820 года, немедленно по составленіи статейныхъ списковъ и полученіи отъ губернска́го правленія оказавшейся необходимою обуви и одежды. Это требовало отъ двухъ до трехъ дней времени. Газъ сталъ настаивать, чтобы пребываніе пересыльныхъ въ Москвѣ продол-



жалось не менѣе недѣли, не считая дня ихъ прихода. Это было необходимо, чтобы ознакомиться съ ихъ нуждами и недугами, чтобы дать имъ возможность собраться съ силами для предстоящаго пути. Требованія его были удовлетворены въ началѣ 1830 года. Но ему казалось недостаточнымъ заботиться о пересылаемыхъ только въ Москвѣ. Его мысль еще нѣкоторое время по уходѣ ихъ сопутствовала имъ, бѣжала впереди нихъ. Ему хотѣлось продлить попеченіе о нихъ за предѣлы пересыльнаго замка, и по его просьбѣ князь Голицынъ предписалъ городничему города Богородска доносить, съ представленіемъ свидѣтельства мѣстнаго лѣкаря, комитету—т.-е. Гаазу—здоровы ли дошедшіе въ Богородскъ изъ Москвы пересыльные, и не обнаружено ли у кого-либо изъ нихъ болѣзни, требующей возвращенія въ Москву для пользованія. Въ теченіе недѣли пребыванія ссыльныхъ въ Москвѣ, Гаазъ посѣщалъ каждую партію не менѣе четырехъ разъ:—по субботамъ, тотчасъ по приходѣ, въ серединѣ слѣдующей недѣли, въ слѣдующую субботу наканунѣ отправленія и въ воскресенье предъ самымъ отправленіемъ. Каждый разъ обходилъ онъ всѣ помѣщенія пересылаемыхъ, говорилъ съ послѣдними, разспрашивая ихъ и, такъ сказать, дифференцируя съ виду безличную, закованную и однообразно-одѣтую массу. Не изъ празднаго или болѣзненнаго любопытства вызывалъ онъ ихъ на разсказы своей печальной или мрачной повѣсти и на просьбы. Ссылки на болѣзнь, на слабость, на какую-нибудь поправимую нужду, встрѣчали въ немъ внимательнаго и дѣятельнаго слушателя. Вновь захворалъ или не окрѣпъ послѣ прежняго недуга ссылаемый,—слабы его силы для длин-

Е. Самокишъ-Судковская.—

наго и тяжкаго пути,—упалъ онъ внезапно духомъ предъ «владимірской»,—смертельно затосковалъ, «распростившись съ отцомъ, съ матерью, со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ», какъ поется въ арестантской пѣснѣ «Милосердной», — или ярко затеплилась въ немъ искра раскаянія, которую искреннее слово утѣшенія и назиданія можетъ раздуть въ спасительный нравственно пожаръ—Гаазъ уже тутъ, зоркій и добрый! Надо дать укрѣпиться, отойти, согрѣться душевно, — рѣшаетъ онъ, и оставляетъ такихъ, какъ подлежащихъ врачебному попеченію, на недѣлю, двѣ, а иногда и болѣе.

Какъ и слѣдовало ожидать, эти распоряженія вызывали противъ него массу нареканій. Къ генералъ-губернатору и въ комитетъ постоянно съ разныхъ сторонъ поступали жалобы на произвольныя его дѣйствія, какъ врача, слишкомъ смѣло шагавшаго за рамки устава о ссыльныхъ и слишкомъ горячо и настойчиво отстаивавшаго присвоенныя имъ себѣ права. Ранѣе всѣхъ и, пожалуй, сильнѣе всѣхъ ополчился на него генералъ Капцевичъ. «Арестантъ проситъ не отправлять его съ партіею, ибо онъ ожидаетъ жену или брата, съ которыми хочетъ проститься—и г. Гаазъ оставляетъ его,—а между тѣмъ баталіоннымъ командиромъ уже бумаги о семъ арестантѣ изготовлены; оставляя при осмотрѣ многихъ отправляющихся ссыльныхъ по просьбамъ весьма неуважительнымъ, докторъ Гаазъ заставляетъ конвойныхъ, въ полной походной амуниціи, ожидать сего осмотра или разбора просьбъ, или прощаній его съ отсылающимися преступниками; начальникъ же команды, сдѣлавшій расчетъ кормовымъ деньгамъ и составившій списокъ отправляемымъ, вынужденъ все это передѣлывать... и конвойные и арестанты, собравшіеся уже къ походу, теряютъ напрасно время на Воробьевыхъ горахъ и прибываютъ на ночлегъ поздно, изнуренные ожиданіемъ и переходомъ». Такъ писалъ негодующій Капцевичъ, доказывая, что именно *Гаазъ-то и изнуряетъ* арестантовъ, и заявляя, что «онъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, возбуждая своею неумѣстною филантропіей развращенныхъ арестантовъ къ ропоту»... Съ своей стороны штабъ-лѣкарь Гофманъ, вѣроятно тяготясь второстепенною ролью при Гаазѣ, вовсе не раздѣлялъ взглядовъ его на поводы къ задержанію пересылаемыхъ. Такъ, напримѣръ, гдѣ послѣдній

оставлялъ въ 1834 году изъ партіи въ 132 человѣка—пятьдесятъ, и изъ партіи въ 134 человѣка—пятьдесятъ четыре, Гофманъ считалъ возможнымъ, на точномъ основаніи устава о ссыльныхъ, говорившаго объ оставленіи лишь «тяжко больныхъ или совершившихъ новое преступленіе», удержать въ Москвѣ лишь одиннадцать и тринадцать. При спорахъ Гааза съ начальствомъ, возникавшихъ по поводу оставляемыхъ, Гофманъ всегда держалъ сторону послѣдняго, а впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Гаазъ былъ въ опалѣ у комитета, рѣшался даже прямо отмѣнять его распоряженія, находя, что признаваемые имъ больными арестанты притворяются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полиціймейстеры Москвы и плацъ-адъютанты, командируемые для наблюденія за порядкомъ при отправленіи партіи, тоже раздражались на производимую Гаазомъ «неурядицу». Особенно усилились всѣ эти жалобы въ 1834 году. Недовольное Гаазомъ губернское правленіе, чрезъ гражданскаго губернатора, жаловалось на причиняемыя имъ затрудненія въ составленіи статейныхъ списковъ. Голицынъ приказалъ потребовать отъ него объясненія. Въ сознаніи своей нравственной правоты, Гаазъ въ своихъ объясненіяхъ признавалъ себя формально-виновнымъ въ нарушеніяхъ узкаго смысла устава о ссыльныхъ. Да! онъ задерживалъ не однихъ только тяжко больныхъ. Такъ, онъ задержалъ, въ качествѣ больного, на недѣлю, ссыльнаго, слѣдовавшая за которымъ жена была по дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы, задержана родами; такъ, онъ дозволилъ тремъ арестантамъ, шедшимъ въ каторгу, изъ коихъ одинъ слегка занемогъ, дожидаться, въ теченіе недѣли, пришедшихъ съ ними проститься жены, дочери и сестры, при чемъ «встрѣчи сихъ людей нельзя было видѣть безъ соболѣзнованія»;—такъ, въ виду просьбы шестерыхъ арестантовъ, шедшихъ въ Сибирь за «непокорство» управляющему своего помѣщика, «не дать имъ плакаться и дозволить идти изъ Москвы вмѣстѣ»,—онъ оставилъ ихъ на недѣлю, пока не поправились жена одного изъ нихъ и ребенокъ другого. Такъ, онъ оставилъ 19-ти-лѣтняго Степанова на двѣ недѣли вслѣдствіе «тяжелой усталости» сопровождающей его старухи-матери, — дважды оставлялъ арестанта Гарфункеля по его убѣдительной просьбѣ, основанной на увѣрен-

ности, что за нимъ непремѣнно идетъ жена, при чемъ оказалось, что жена дѣйствительно пришла, но уже чрезъ два дня послѣ его ухода,—оставилъ двухъ ссылаемыхъ помѣщикомъ крестьянъ, вслѣдствіе сообщенія крестьянскаго общества, что оно покупаетъ для сопровождающихъ ихъ женъ съ младенцами лошадь,—и т. д., и т. д. «Въ чемъ вредъ моихъ дѣйствій? — спрашивалъ онъ; — въ томъ ли, что нѣкоторые изъ оставленныхъ арестантовъ умерли въ тюремной больницѣ, а не въ дорогѣ,—что здоровье другихъ сохранено? что душевные недуги нѣкоторыхъ по возможности исправлены? Арестанты выходятъ изъ Москвы, не слыша говоримаго въ другихъ мѣстахъ: «идите дальше, тамъ можете просить». Материнское попеченіе о нихъ можетъ отогрѣть ихъ оледенѣвшее сердце и вызвать въ нихъ теплую признательность!»

На упреки въ нарушеніи устава о ссыльныхъ онъ отвѣчалъ, между прочимъ: «Обязанность руководствоваться уставомъ о ссыльныхъ можетъ быть уподоблена закону святить субботу. Господь, изрекши, что Онъ пришелъ не разрушать законъ, Самъ истолковалъ книжникамъ и фарисеямъ, порицавшимъ Его за нарушеніе субботы пособіемъ страждущимъ, что не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота установлена для человѣка. Такъ и уставъ изданъ въ пользу пересыльныхъ, а не пересыльные созданы для устава. Число арестантовъ, содержимыхъ въ губернскомъ замкѣ и сѣтующихъ на долговременное и неправильное ихъ содержаніе гораздо больше того, какое, по убѣдительнымъ просьбамъ ихъ, для успокоенія тяготящихъ сердца ихъ надобностей, удерживается на краткое время въ пересыльномъ замкѣ».

Энергическая защита Гаазомъ своихъ дѣйствій и воззрѣній, повидимому, произвела свое дѣйствіе. Хотя ему и пришлось испытать, какъ видно изъ его заявленій въ комитетѣ, неудовольствіе искренно имъ любимаго Голицына и даже, вслѣдствіе столкновеній съ членами комитета, оставить должность секретаря, которую онъ исполнялъ съ 1829 года, но его права по пересыльному замку не были ограничены и онъ попрежнему усердно и рѣшительно отправлялъ въ больницу на Воробьевыхъ горахъ не только слабыхъ, усталыхъ и больныхъ, но и такихъ, «душевные недуги» которыхъ надо было «исправить».

Такъ продолжалось до 1839 года. Въ этомъ году исправляющій должность генералъ-губернатора, московскій комендантъ Стааль, «признавая самоотверженіе г. Гааза, но удерживая, однакоже, мысль, что и въ самомъ добрѣ излишество вредно, если оно останавливаетъ ходъ дѣлъ, закономъ учрежденный», просилъ комитетъ «ограничить распоряженія лица, удерживающаго въ пересыльномъ замкѣ арестантовъ». Это послужило сигналомъ для новыхъ нападеній на Гааза со всѣхъ сторонъ. Со стороны полиціи пошли жалобы, а командированный комитетомъ для повѣрки его дѣйствій при отправленіи партій директоръ Розенштраухъ и секретарь комитета Померанцевъ стали рѣзко осуждать его. Наконецъ, и самъ князь Голицынъ, уже больной, началъ приходить въ раздраженіе отъ постоянныхъ жалобъ на «утрированнаго филантропа» и въ 1839 году предписалъ ему представлять для провѣрки въ комитетъ и въ губернское правленіе списки оставляемыхъ имъ въ Москвѣ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ *болѣзни*, которая вынудила его на эту мѣру, а комитетъ потребовалъ, чтобы вмѣстѣ съ этими списками представлялись о томъ же и списки Гофмана. Въ довершеніе всего, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ,—основанному, вѣроятно, на жалобахъ Капцевича,—о неправильныхъ дѣйствіяхъ Гааза и его столкновеніяхъ съ властями было начато гражданскимъ губернаторомъ дознаніе и, съ согласія князя Голицына, 22 ноября 1839 года, Гаазъ совершенно устраненъ отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ пересыльныхъ. Послѣднее распоряженіе до крайности оскорбило старика. Его объясненіе комитету и докладная записка Голицыну носятъ слѣды глубокой горечи и негодованія. «Я призываю небо въ свидѣтели,—пишетъ онъ,—что ни губернское правленіе, ни какое-либо другое лицо не будутъ въ состояніи указать на какой-нибудь поступокъ съ моей стороны, который сдѣлалъ бы меня недостойнымъ довѣрія, которымъ я до сего времени пользовался».—«Я не разъ,—продолжаетъ онъ со скорбью,—высказывалъ въ комитетѣ увѣренность, что и другіе его члены, если захотятъ, лучше выполнятъ мое дѣло и что единственное мое преимущество — это неимѣніе другихъ занятій, которыя могли бы меня отвлечь отъ любимаго мною занятія—заботы о больныхъ и арестантахъ. Теперь же никто не занялъ моего мѣста въ

пересыльной тюрьмѣ и вотъ уже четыре недѣли никто не посѣтилъ ссылаемыхъ!» Указывая, что онъ не считалъ возможнымъ заботиться только о тѣлесныхъ нуждахъ арестантовъ, онъ заявляетъ князю Голицыну, что ждалъ присутствованія при отправленіи партій, какъ награды за свой трудъ. «C'était le prix de mes peines et il consistait dans quatre demandes, que je pouvais adresser à ces malheureux un moment avant leur départ: est-ce que vous vous portez bien? est-ce que ceux, qui savent lire, ont reçu un livre? est-ce que vous n'avez aucun besoin? est-ce que vous êtes contents?» Мы увидимъ, что это въ его устахъ были не праздные вопросы... По поводу сдѣланнаго ему замѣчанія, что онъ возвелъ милость въ обязанность, Гаазъ пишетъ Голицыну: «Oui! j'ai même fait recevoir comme règle par mes subordonnés, employés du Comité, que le mot de *grâce* ne doit pas être prononcé parmi nous. D'autres visitent les prisoniers par grâce, leur font des aumônes par grâce, s'emploient pour eux auprès de chefs et auprès des parents par grâce,—nous autres, membres et employés du Comité, apres avoir accepté cette charge, nous faisons tout cela par *devoir*».

Мысль о томъ, что съ удаленіемъ его исчезло дѣйствительное попеченіе о пересыльныхъ, что тамъ, гдѣ еще такъ недавно на ихъ нужды отзывалось его сердце, начались злоупотребленія, неизбѣжныя при полномъ безправіи арестантовъ и формальномъ отношеніи къ нимъ властей, мучила его и порождала рядъ просьбъ и заявленій, писанныхъ почеркомъ, обличающимъ нервную и нетерпѣливую руку. «Позвольте мнѣ, — пишетъ онъ 24-го декабря 1839 г. гражданскому губернатору,—выразить мое предчувствіе, что если жалобамъ на оставленіе ссыльныхъ въ Москвѣ не будетъ дано справедливаго разъясненія, то снова настанетъ то время—чему уже есть примѣры—когда людей, просящихъ со скромностью о своихъ нуждахъ, дерутъ за волосы, бранятъ всячески напрасно, таскаютъ ихъ и совершаютъ такія дѣйствія, при видѣ коихъ должно полагать себя болѣе на берегахъ Сенегальскихъ, нежели на мѣстѣ, гдѣ опредѣлительно велѣно учить людей благочестію и доброй нравственности, такъ, чтобы содержаніе ихъ служило болѣе къ исправленію, нежели къ ихъ ожесточенію». Въ другомъ письмѣ, къ тому же лицу, онъ приводитъ случай, свидѣтелемъ

которыхъ онъ былъ и которые особенно взволновали его. Это были—отправленіе 21-го декабря 1839 года двухъ совершенно больныхъ арестантовъ, которые пошли только потому, что «могли держаться на ногахъ», и происшествіе съ двумя молодыми дѣвушками, которое онъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ тотъ же день двѣ сестры-дѣвушки со слезами просили ихъ не разлучать; одну, по осмотру штабъ-лѣкаря Гофмана, назначено было остановить, но другой, младшей, отказано въ ея просьбѣ по той причинѣ, что она уже два раза была останавливаема изъ-за болѣзни своей сестры, при чемъ объявлено имъ, что если желаютъ быть неразлучны, то пусть больная переможетъ себя и идетъ; сестры согласились, предпочитая, надо полагать, лучше умереть вмѣстѣ, нежели быть разлученными. Обходя людей, стоявшихъ уже на дворѣ, я нашелъ означенную дѣвушку до того больною, что вынужденнымъ нашелъ объявить полиціймейстеру, полковнику Миллеру, что ее нельзя отправить, хотя бы она того и желала, на что г. Миллеръ отвѣтствовалъ согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы сестра ея все-таки была отправлена. Тогда я убѣдительнѣйше его просилъ ради любви сихъ сестеръ другъ къ другу оставить обѣихъ и напомнилъ ему, что ходатайства тюремнаго комитета, буде окажутся приличными, должны быть уважаемы и что рѣдкіе случаи могутъ быть столь достойны уваженія, какъ просьба сихъ дѣвушекъ, кои, будучи довольно молоды, могутъ лучше другъ друга, нежели одна по себѣ, беречь отъ зла и подкрѣплять къ добру». Но Миллеръ остался непреклоненъ, давъ понять бѣдному Гаазу, что онъ уже «какъ при изъясненіи о состояніи здоровья сихъ людей, такъ и при изъясненіи свойствъ тюремнаго комитета — *нынѣ считается ничѣмъ*»... Это заявленіе окончательно взволновало старика. «Говоря съ г. Миллеромъ,—пишетъ онъ,—на языкѣ, который окружающіе не раз-

умѣли (т.-е. на иностранномъ), я сказалъ ему, что считаю себя обязаннымъ о таковомъ происшествіи довести до свѣдѣнія Государя, но и симъ не успѣвъ преклонить волю г. Миллера къ снисхожденію, дошелъ до того, что напомнилъ ему о высшемъ еще Судѣ, предъ которымъ мы оба не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ тихихъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями. Г. Миллеръ, сказавъ мнѣ, что тутъ не мѣсто дѣлать *катехизмъ*,—кончилъ, однакоже, тѣмъ, что велѣлъ остановить обѣихъ сестеръ»...

Еще въ 1834 году, въ ряду обвиненій противъ «утрированнаго филантропа» было выставлено Капцевичемъ и обвиненіе о томъ, что онъ постоянно утруждаетъ начальство «неосновательными» просьбами за «развращенныхъ» арестантовъ. Оно было повторено съ особою силою и въ 1839 году. Оправдываясь, Гаазъ, въ горячихъ выраженіяхъ указываетъ на всеобщее равнодушное отношеніе къ нуждамъ ссыльныхъ, на торопливость, съ которою для каждой партіи составляется статейный списокъ, на нежеланіе выслушивать ихъ просьбы, чтобы не измѣнять и не передѣлывать этого списка, ограждя тѣмъ конвойныхъ отъ ожиданія и писарей отъ излишняго труда. «Когда партія отправляется и не получившіе справедливости арестанты смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ какъ бы видомъ презрѣнія, то я думаю,—восклицаетъ онъ—что Ангелъ Господень ведетъ *свой статейный списокъ* и въ немъ записаны:—начальство сихъ несчастныхъ и я»... Сознаніе невозможности продолжать освидѣтельствованіе, не давая ему покоя, безъ сомнѣнія, побуждало его къ ряду личныхъ просьбъ и протестовъ. Слѣдовъ ихъ не сохранилось, но уцѣлѣли его письменныя обращенія, въ которыхъ чувствуется глубоко убѣжденный и страдающій человѣкъ. «Учрежденіе тюремнаго комитета, — пишетъ онъ генералъ-губернатору, — обращается какъ бы въ фантомъ и обязанность, порученная вашему сіятельству какъ бы въ качествѣ *душеприказчика* Основателя общества, остается безъ послѣдствій; до послѣдней степени оскорбительно видѣть, сколь много старанія прилагается держать букву закона, когда хотятъ отказать въ справедливости!» — «Сегодня, — пишетъ онъ 29-го декабря 1839 года гражданскому губернатору Олсуфьеву, — исполнилось десять лѣтъ со дня открытія въ Москвѣ тюремнаго комитета; мнѣ

хочется сей день, который бы слѣдовало праздновать высокоторжественнымъ образомъ, провести въ глубокомъ траурѣ. Это самый печальный день, который имѣлъ я во все время существованія комитета, видя нарушеніе достигнутаго десятилѣтними трудами облегченія ввѣренныхъ намъ людей. Ваше превосходительство сами можете постигнуть, какія должны быть мои чувства, когда даже въ васъ не могу еще замѣтить состраданія къ несправедливымъ поступкамъ, кои я претерпѣваю отвсюду отъ того единственно, что я старался всѣмъ сердцемъ и всѣми способами о соблюденіи тѣхъ правилъ, которыя должны были быть исполняемы касательно сихъ людей».

Не дождавшись немедленнаго возстановленія своихъ правъ, Гаазъ не сложилъ, однако, оружія. Онъ считался директоромъ тюремнаго комитета и крѣпко держался за это званіе. Оно давало ему возможность ѣздить въ пересыльную тюрьму и на этапъ, видѣть «своихъ» арестантовъ, просить за нихъ и заступаться, не смотря на то, что директоръ Розенштраухъ, командированный комитетомъ, погрозилъ ему однажды тѣмъ, что если онъ будетъ продолжать «нарушать порядокъ», то будетъ «удаленъ силою».—«Несмотря на униженія, коимъ я подверженъ, несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія даже моихъ подчиненныхъ, и, чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—пишетъ онъ въ мартѣ 1840 года комитету,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный замокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде»... Долго ли продолжалось это тягостное для него положеніе—опредѣлить въ точности не представляется возможнымъ,—но уже съ 1842 г. въ журналахъ комитета начинаютъ встрѣчаться заявленія самого Гааза о содѣйствіи тѣмъ или другимъ нуждамъ арестантовъ, *оставленныхъ имъ* въ больницѣ пересыльнаго замка, а извѣстія конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, несмотря на суровое генералъ-губернаторство Закревскаго, рисуютъ его энергически распоряжающимся въ любимой сферѣ. Очевидно, что противники его, видя

упорство старика, устали и—махнули на него рукою. Притомъ за этимъ его упорствомъ чувствовалась великая, покоряющая нравственная сила, предъ которою блѣднѣли и теряли значеніе *такіе* важные безпорядки и затрудненія, какъ необходимость переписывать кондуитные списки или измѣнять разсчетъ кормовыхъ денегъ... Быть-можетъ, нѣкоторымъ его противникамъ изъ-за сѣрой массы «развращенныхъ арестантовъ», съ упованіемъ и благодарностью смотрѣвшихъ на оскорбляемаго, но настойчиваго чудака,—сталъ видѣться тотъ Ангелъ Господень, на котораго онъ съ такою увѣренностью ссылался—и у котораго былъ «свой статейный списокъ»...

Но, какъ бы то ни было, поѣздки на Воробьевы горы и на Рогожскій полуэтапъ продолжались до самой смерти Гааза. «Я встрѣчалъ иногда въ нѣкоторыхъ домахъ Москвы доктора Гааза,—писалъ намъ въ 1893 г. покойный Е. А. Матисенъ (старѣйшій членъ петер-

Е. Самокишъ-Буковіская

бургской судебной палаты);—онъ энергическою своею осанкою напоминалъ Лютера; я засталъ его въ 1850 году при человѣколюбивой дѣятельности его въ качествѣ врача при пересыльномъ арестантскомъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ. Въ одно воскресенье поѣхалъ я туда для присутствованія при тяжкомъ зрѣлищѣ отправленія этихъ несчастныхъ въ Сибирь; въ числѣ ихъ была одна женщина—присужденная къ каторжнымъ работамъ; она уже поставлена была въ общій строй, для шествія пѣшкомъ, когда пріѣхалъ гражданскій губернаторъ; на просьбу этой арестантки дозволить ей сѣсть на одну изъ телѣгъ, всегда сопровождающихъ конвой и назначенныхъ для дѣтей и слабосильныхъ, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказалъ; тогда приблизился къ ней докторъ Гаазъ и, удостовѣрившись въ крайнемъ истощеніи ея, обратился къ губернатору съ заявленіемъ, что онъ не можетъ дозволить отправленія ея пѣшкомъ; губернаторъ возражалъ и упрекалъ его въ излишнемъ добродушіи къ преступницѣ, но Гаазъ настаивалъ и, отозвавшись, что за больныхъ отвѣчаетъ онъ, приказалъ принять эту женщину на телѣгу; губернаторъ хотѣлъ отмѣнить это распоряженіе, но Гаазъ горячо сказалъ, что онъ не имѣетъ на это права, и что онъ тотчасъ донесетъ объ этомъ генералъ-губернатору Закревскому. Тогда только губернаторъ уступилъ, и женщина отправлена была въ телѣгѣ. Въ тотъ же день я былъ очевидцемъ, какъ одного каторжника заковали и такъ неумѣло, что нога его оказалась въ крови, и онъ отъ боли не могъ встать — тогда Гаазъ велѣлъ его расковать, принявъ на себя отвѣтственность за возможный побѣгъ. Возвратившись въ Москву, я поѣхалъ къ Рогожской заставѣ, чрезъ которую проходилъ конвой арестантовъ, и здѣсь опять встрѣтилъ доктора Гааза, желавшаго удостовѣриться, не отмѣнены ли его приказанія относительно слабосильныхъ арестантовъ, и вновь подошедшаго съ ободреніемъ и теплыми словами къ женщинѣ, сидѣвшей на телѣгѣ и освобожденной имъ отъ пѣшаго хожденія по этапамъ».

Воспоминанія людей, помнящихъ Гааза и служившихъ съ нимъ, даютъ возможность представить довольно живо его воскресные пріѣзды на Воробьевы горы. Онъ являлся къ обѣднѣ и внимательно слушалъ проповѣдь, которая, вслѣдствіе его просьбы, уваженной митро-

политомъ Филаретомъ, всегда неизбѣжно говорилась въ этотъ день для арестантовъ. Затѣмъ онъ обходилъ камеры арестантовъ, задавая тѣ вопросы, въ правѣ предложить которые видѣлъ себѣ — какъ онъ писалъ князю Голицыну—награду. Арестанты ждали его посѣщенія, какъ праздника, любили его «какъ Бога» — вѣрили въ него и даже сложили про него поговорку: «у Гааза—нѣтъ отказа». Самые тяжкіе

и закоренѣлые преступники относились къ нему съ чрезвычайнымъ почтеніемъ. Онъ входилъ всегда одинъ въ камеры «опасныхъ» арестантовъ—съ клеймами на лицѣ, наказанныхъ плетьми и приговоренныхъ въ рудники безъ срока, — оставался тамъ подолгу наединѣ съ ними—и не было ни одного случая, чтобы мало-мальски грубое слово вырвалось у ожесточеннаго и «пропащаго» человѣка противъ «Ѳедора Петровича». Вопросъ о томъ: не имѣетъ ли кто какой-нибудь нужды?— вызывалъ всегда множество заявленій, часто неосновательныхъ, — и

просьбъ, удовлетвореніе которыхъ было иногда невозможно. Гаазъ все выслушивалъ терпѣливо и благодушно. На его исполненномъ спокойствія и доброты лицѣ не было и тѣни неудовольствія на подчасъ вздорныя или даже вымышленныя претензіи. Онъ понималъ, въ глубокомъ состраданіи своемъ къ слабой душѣ человѣческой, что узникъ и самъ часто знаетъ, какъ нелѣпа его просьба или несправедлива жалоба, но ему надо дать высказаться, выговориться, надо дать

почувствовать, что между нимъ—отверженцемъ общества — и внѣшнимъ, свободнымъ міромъ есть все-таки связь, и что этотъ міръ преклоняетъ ухо, чтобы выслушать его... Терпѣливое вниманіе, безъ оттѣнка докуки или раздраженія, два-три слова сожалѣнія о томъ, что нельзя помочь, или разъясненіе, что для помощи нѣтъ повода—и узникъ успокоенъ, ободренъ, утѣшенъ. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ арестантами и относился къ нимъ не съ надменной чиновничьей высоты—знаетъ, что это такъ...

Но если жалобы и просьбы арестанта переходили во вздорную словоохотливость, Ѳедоръ Петровичъ, улыбаясь, переходилъ къ слѣдующему, говоря сопровождавшему его тюремному служителю: «Скажи ему, милый мой, что онъ не дѣло говоритъ»... Затѣмъ начиналось

освидѣтельствованіе арестантовъ въ извѣстномъ уже объемѣ. Въ 1851 г. для нѣкотораго контроля надъ широкимъ примѣненіемъ Гаазомъ понятія о нездоровьѣ—губернское правленіе стало командировать къ отправкѣ пересыльныхъ партій члена врачебной управы. Выборъ лица для этого надзора былъ сдѣланъ весьма своеобразно. Сдерживать Гааза былъ назначенъ другъ Грановскаго и Щепкина,

«перевозчикъ» на русскій языкъ Шекспира, небрежный въ костюмѣ, косматый, жизнерадостный, злой на языкъ и добрый на дѣлѣ, оглушающій громовыми раскатами смѣха—Николай Яковлевичъ Кетчеръ. Имена арестантовъ, про которыхъ было извѣстно, что Ѳедору Петровичу хотѣлось бы ихъ оставить до слѣдующаго этапнаго дня, писались карандашомъ на записочкѣ,—и она передавалась Кетчеру, наподобіе докторскаго гонорара, при рукопожатіи, людьми, сочувствовавшими Гаазу между тюремнымъ персоналомъ. Подойдя къ обозначенному въ запискѣ, Кетчеръ обыкновенно находилъ, что *онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ*. Гаазъ краснѣлъ отъ удовольствія и немедленно восклицалъ: «оставить его! оставить... въ больницу!»...

«Мы были,—пишетъ 28-го сентября 1847 года жена англійскаго посла, лэди Блумфильдъ (Reminiscences of court and diplomatic life, by Georgina Baroness Bloomfield. London. 1882), — въ пересыльной тюрьмѣ на Воробьевыхъ горахъ... Тюрьма—жалкая постройка, состоящая изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домовъ, построенныхъ въ 1831 г., во время холеры, чтобы не пускать преступниковъ въ зараженный городъ. Мы вошли въ комнату, гдѣ ихъ осматривалъ докторъ Гаазъ. Этотъ чудесный человѣкъ посвятилъ себя имъ уже восемнадцать лѣтъ и пріобрѣлъ среди нихъ большое вліяніе и авторитетъ. Онъ разговаривалъ съ ними, утѣшалъ ихъ, увѣщевалъ, выслушивалъ ихъ жалобы и внушалъ имъ упованіе на милость Бога, многимъ раздавая книги. Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Тексты писанія о томъ, «кому много дано» и о «первыхъ, которые будутъ послѣдними», никогда не представлялись такъ живо моему уму. Всѣхъ арестантовъ было 80 человѣкъ—мужчинъ и женщинъ; 28 изъ нихъ шли въ пожизненную каторгу. Послѣдніе, съ обритою на половину головою, имѣли видъ призраковъ; видъ большей части былъ скорѣе апатичный, чѣмъ злой. Когда я вошла въ тюрьму, одинъ арестантъ стоялъ на колѣняхъ передъ Гаазомъ, и, не желая встать, рыдалъ надрывающимъ душу образомъ. Его исторія очень любопытна. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство и жена отказалась слѣдовать за нимъ. Бѣжавъ изъ Сибири, онъ нашелъ на родинѣ, въ Бѣлоруссіи, жену замужемъ за другимъ. Его поймали, жестоко наказали и опять сослали. Съ отчаяніемъ умолялъ онъ отдать ему жену. Несчастье было написано на лицѣ его. Сколько ни уговаривалъ его Гаазъ, сколько ни образумлялъ съ лаской и участіемъ—онъ оставался неутѣшенъ и плакалъ горько. Предъ отходомъ партіи была перекличка. Арестанты начали строиться, креститься на церковь; нѣкоторые поклонились ей до земли, потомъ стали подходить къ Гаазу, благословляли его, цѣловали ему руки и благодарили за все доброе, имъ сдѣланное. Онъ прощался съ каждымъ, нѣкоторыхъ цѣлуя, давая каждому совѣтъ и говоря ободряющія слова. Потомъ Гаазъ сказалъ мнѣ, что всегда молится, чтобы, когда всѣ соберутся предъ Богомъ, начальство не было осуждено этими самыми преступниками и не понесло въ свою очередь

тяжелаго наказанія. Къ тюрьмѣ былъ пристроенъ госпиталь, состоявшій подъ его наблюденіемъ. Въ немъ онъ удерживалъ больныхъ или тѣхъ, кто былъ слабъ для пяти съ половиною мѣсячнаго пути. Тяжелое, но неизгладимое впечатлѣніе!»

Приготовленная къ отправкѣ партія ссыльныхъ не тотчасъ же направлялась по «владиміркѣ». Первый переходъ отъ Москвы до Богородска былъ очень длиненъ. Онъ до крайности утомлялъ и конвой, и арестантовъ, которымъ приходилось выступать изъ пересыльной тюрьмы довольно поздно, между 2 и 3 часами пополудни. По мысли и настояніемъ Гааза рѣшено было устроить на другомъ концѣ Москвы, за Рогожскою заставою, полуэтапъ, гдѣ партія могла бы переночевать и уже утромъ выйти окончательно въ путь. Гаазъ нашелъ средства, отыскалъ благотворителей, между которыми выдающееся мѣсто занималъ купецъ Рахмановъ,—и зданіе Рогожскаго полуэтапа стало давать послѣдній въ предѣлахъ Москвы пріютъ ссыльнымъ и ихъ семействамъ. Сюда стекались пожертвованія, иногда очень щедрыя, натурою (преимущественно калачами, яйцами и ситцемъ на рубаху) и деньгами отъ благотворителей, которыми всегда была изобильна Москва; сюда же приходили нѣкоторые изъ нихъ лично, чтобы раздавать подаяніе арестантамъ. Здѣсь можно было видѣть то «умилительное,—по словамъ Гоголя,—зрѣлище, которое представляетъ посѣщеніе народомъ ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь, при чемъ нѣтъ ни ненависти къ преступнику, ни донкихотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирая его факсимиле и портреты—или желанія смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается на Западѣ,—есть что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата (Переписка съ друзьями)». — Съ устройствомъ Рогожскаго полуэтапа мѣстное начальство внутренней стражи распорядилось было водить партіи съ Воробьевыхъ горъ по окраинамъ Москвы, минуя ея оживленныя и населенныя улицы и не тревожа спокойствія ихъ обитателей и посѣтителей видомъ ссылаемыхъ и звономъ кандаловъ. Но мысль объ огражденіи «счастливыхъ» отъ напоминанія о «несчастныхъ» была непонятна Гаазу и казалась ему идущею наперекоръ съ добрыми свой-

ствами русскаго человѣка, не хранящаго злобы противъ наказаннаго преступника и создавшаго поговорку «отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся». Этотъ иностранецъ глубже, чѣмъ офиціальные представители московскаго благочинія, понималъ высокое нравственное значеніе отношенія русскаго человѣка къ «несчастному», нашедшее себѣ впослѣдствіи вдумчиваго истолкователя въ Д. А. Ровинскомъ. Кромѣ того, съ точки зрѣнія практической, проводъ ссыльныхъ по окраинамъ лишалъ ихъ обильныхъ подаяній, отовсюду сыпавшихся имъ на пути чрезъ Замоскворѣчье, Таганку и Рогожскую часть. Защитникъ арестантскихъ интересовъ, Гаазъ сталъ тотчасъ же домогаться отмѣны этого распоряженія чрезъ комитетъ, и, не дожидаясь разрѣшенія этого вопроса канцелярскимъ путемъ, обратился въ 1835 году къ коменданту Москвы генералу Стаалю, съ горячимъ письмомъ, умоляя его о «великомъ облегченіи симъ людямъ». Распоряженіе было отмѣнено.

Къ этому-то полуэтапу подъѣзжала утромъ въ понедѣльникъ извѣстная всей Москвѣ пролетка Ѳедора Петровича и выгружала его самого и корзины съ припасами, собранными имъ за недѣлю для пересыльныхъ. Онъ обходилъ ихъ, освѣдомлялся, получили ли они по второй рубашкѣ, выхлопота́нной имъ у комитета въ 1839 году, ободрялъ ихъ снова,—къ нѣкоторымъ, въ которыхъ успѣлъ подмѣтить «душу живу», обращался съ словами: «поцѣлуй меня, голубчикъ» («Прощаніе г. Гааза даже сопровождается цѣлованіемъ съ преступниками»—писалъ негодующій Капцевичъ въ 1838 г.), и долго провожалъ глазами тронувшуюся партію, медленно двигавшуюся, звеня цѣпями, по Владимірской дорогѣ...

Иногда встрѣчные съ партіею москвичи, торопливо вынимая подаяніе, замѣчали, что вмѣстѣ съ партіею шелъ,—нерѣдко много верстъ, — старикъ во фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ чулкахъ, а если это было зимою, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и въ старой волчьей шубѣ. Но москвичей не удивляла такая встрѣча. Они знали, что это «Ѳедоръ Петровичъ», что это «святой докторъ» и «Божій человѣкъ», какъ привыкъ его звать народъ. Они догадывались, что ему вѣрно нужно еще продлить свою бесѣду съ ссыльными и, быть-можетъ, какое-нибудь свое пререканіе съ ихъ начальствомъ. Они знали, что нужды этихъ людей и предстоящія имъ на долгомъ пути трудности не были ему чужды ни въ какомъ отношеніи. Не даромъ же въ Москвѣ разсказывали, что однажды, въ 1830 году, губернаторъ Сенявинъ, пріѣхавъ къ нему по дѣлу, засталъ его непрерывно ходящимъ, подъ аккомпаньементъ какого-то лязга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои «облегченные» кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково *имъ* идти въ такихъ кандалахъ.

VI.

Отношеніе Гааза къ вопросамъ *тюремной статики* было менѣе боевое, чѣмъ къ вопросамъ *динамики*. Сравнительная неподвижность осѣдлаго тюремнаго населенія давала возможность вести дѣло улучшенія его положенія болѣе сдержанно и спокойно. То, чего нельзя было достигнуть *сегодня*, могло—и притомъ по отношенію къ тѣмъ же самымъ людямъ—быть сдѣлано *завтра*. Все сводилось лишь къ настойчивости и выдержкѣ. Арестантъ не мелькалъ здѣсь предъ опечаленнымъ взоромъ «утрированнаго филантропа», какъ въ калейдоскопѣ, гдѣ каждый поворотъ измѣняетъ личный составъ нуждающихся въ помощи и защитѣ.

Но и въ области «статики» Гаазъ работалъ много и плодотворно. Онъ засталъ московскій губернскій замокъ, про который арестантская пѣсня говорила: «Межъ Бутыркой и Тверской,—тамъ стоятъ четыре башни,—въ серединѣ большой домъ,—гдѣ крестъ-на-крестъ калидоры»,—въ ужасномъ состояніи. Если въ 1873 году, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, въ матеріалахъ, собранныхъ Соллогубовскою комиссіею для тюремнаго преобразованія, про этотъ замокъ было, быть-можетъ не безъ нѣкотораго преувеличенія, сказано, что онъ представляетъ «образецъ всѣхъ безобразій», и что первымъ приступомъ къ тюремной реформѣ должно быть «уничтоженіе этого вертепа» (Записка о карательныхъ учрежденіяхъ Россіи, № 2, стр. 12), то можно себѣ представить, что̀ такое онъ представлялъ собою при открытіи тюремнаго комитета. Изъ тѣхъ улучшеній,—очень скромныхъ вслѣдствіе скудости средствъ,—которыя въ немъ осуществилъ Гаазъ, можно составить себѣ приблизительную картину бросавшихся въ глаза

недостатковъ этого мѣста заключенія огромнаго количества людей. Въ маленькихъ, скупо дававшихъ свѣтъ окнахъ не было форточекъ; печи дымили; вода получалась изъ грязныхъ притоковъ Москвы-рѣки; въ мужскихъ камерахъ не было наръ; на ночь въ нихъ ставилась протекавшая и подтекавшая «параша»; не было никакихъ приспособленій для умыванія; кухни поражали своею нечистотою; распредѣленіе по возрасту и роду преступленій не соблюдалось; слабый вообще надзоръ

ограничивался лишь по временамъ крутыми мѣрами насилія и принужденія; пища была плохая и скудная, но зато въ углахъ камеръ, у стѣнъ съ облупленною штукатуркою, покрытыхъ плѣсенью и пропитанныхъ сыростью, выростали грибы...

Въ 1832 году Гаазъ рѣшительно принялся за дѣло улучшенія хотя бы части этой, какъ онъ выражался, «несносной неопрятности». Дважды, въ теченіе августа 1832 г., былъ онъ у кн. Д. В. Голицына, рисуя ему эту «неопрятность», и убѣдилъ его лично въ ней удостовѣриться. Результатомъ этого было разрѣшеніе комитетомъ Гаазу устроить, въ видѣ опыта, одинъ изъ коридоровъ замка — *съвер-*

ный—хозяйственнымъ способомъ. Гаазъ принялся за дѣло ретиво, по нѣскольку разъ во день пріѣзжалъ на работы, платилъ рабочимъ свои деньги, чтобы они не бросали нѣкоторыхъ работъ и въ праздники, послѣ обѣдни; лазилъ по лѣсамъ, рисовалъ, разсчитывалъ, спорилъ,— и въ половинѣ 1833 года часть тюремнаго замка приняла не только приличный, но и образцовый по тому времени видъ. Чистыя, свѣтлыя камеры съ нарами, которыя поднимались днемъ, съ окнами втрое шире прежнихъ, были выкрашены масляною краскою; были устроены ночныя ретирады и умывальники, вырытъ на дворѣ собственный колодезь и внутри двора посажены сибирскіе тополи, по два въ рядъ, «для освѣженія воздуха».

Такъ образовался, къ негодованію генерала Капцевича, устроенный Гаазомъ «пріютъ, не только изобильный, но даже роскошный и съ прихотями, избыточно филантропіей преступникамъ доставляемыми». Въ довершеніе «роскоши» этого пріюта, при немъ были устроены Гаазомъ, принявшимъ на себя званіе директора работъ, мастерскія, и въ нихъ, при его посредствѣ, постепенно, къ іюню 1834 года, заведены для арестантовъ переплетныя, столярныя, сапожныя и портняжныя работы, а также плетеніе лаптей. Въ 1836 году, по мысли Гааза и Львова, главнымъ образомъ на пожертвованія, собранныя первымъ, устроена при пересыльной тюрьмѣ, за неимѣніемъ мѣста въ губернскомъ замкѣ, школа для арестантскихъ дѣтей. Гаазъ часто посѣщалъ ее, разспрашивалъ и ласкалъ дѣтей и нерѣдко экзаменовалъ ихъ. Онъ любилъ исполненіе ими церковныхъ гимновъ, при чемъ, къ изумленію мѣстнаго священника, совершенно правильно поправлялъ ихъ ошибки въ славянскомъ текстѣ. Въ этой школѣ хотѣлъ онъ, по словамъ Жизневскаго, повѣсить часы съ большимъ маятникомъ и съ очень нравившеюся ему звукоподражательною надписью: «Какъ здѣсь, такъ и тамъ; какъ здѣсь, такъ и тамъ!..»

Постоянно бывая въ тюремномъ замкѣ, Гаазъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ служащихъ и требовалъ отъ нихъ той любви къ дѣлу, примѣръ которой подавалъ самъ. Но это было трудно исполнимо, и при его довѣрчивости къ людямъ онъ часто дѣлался, въ этомъ отношеніи, жертвою грубаго лицемѣрія, покуда сердце не подсказывало

Е. Гамокиш-Гуковская. — ему или какой-нибудь вопіющій фактъ не доказывалъ ему, что дѣло идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Въ этихъ случаяхъ онъ волновался чрезвычайно,—сыпалъ горячими упреками, штрафовалъ, увольнялъ. Но тюремный персоналъ не создается сразу.

Не менѣе волновали Гааза матеріальные слѣды крутыхъ и безгласныхъ расправъ съ арестантами. Въ запискахъ и трудахъ Д. А. Ровинскаго содержатся указанія на то, что еще въ сороковыхъ годахъ бывали случаи кормленія подслѣдственныхъ арестантовъ селедками и подвѣшиванья ихъ со связанными назадъ руками; онъ самъ долженъ былъ заняться уничтоженіемъ подвальныхъ темницъ при Басманной части и упразднить «клоповникъ» при одной изъ другихъ частей. Въ возможность подобныхъ явленій въ московскихъ тюрьмахъ зорко вглядывался Гаазъ. Въ 1843 году онъ былъ глубоко возмущенъ узрѣвъ въ замкѣ «особую машину—такъ называемый *крестъ* (sic!), на который привязывается человѣкъ для наказанія на тѣлѣ, устроенный, какъ говорятъ, наподобіе тѣхъ, какіе есть, какъ сказываютъ, во всѣхъ частныхъ домахъ города». Требуя отъ комитета немедленнаго уничтоженія этой машины, Гаазъ высказалъ и свой взглядъ на отношеніе тюремныхъ служителей къ своимъ обязанностямъ.

«Если приставники,—пишетъ онъ,—будутъ смотрѣть за собою, чтобы самимъ не впадать въ прегрѣшеніе, то рѣдки будутъ и случаи взысканія съ заключенныхъ. Въ управленіи больничномъ я нахожу чрезвычайно полезнымъ начинать взысканіе со старшихъ приставниковъ, кои, при справедливомъ разбирательствѣ, почти всегда оказываются виновными въ непріятностяхъ, учиненныхъ ихъ подчиненными. То же полагалъ бы примѣнять и въ замкѣ, а не противныя закону истязанія...» Въ одномъ случаѣ, коснувшемся орудія наказанія не въ настоящемъ, а въ прошломъ, онъ столкнулся даже съ глубоко чтившимъ его Ровинскимъ. Въ губернскомъ замкѣ, въ одномъ изъ корридовъ хранилась желѣзная клѣтка, въ которой содержался предъ казнью Пугачевъ, наводившій ужасъ своимъ видомъ на любопытныхъ женщинъ и смущавшій многихъ загадочными словами: «Воронъ-то взятъ, а вороненокъ-то еще летаетъ». Для любителя старины и археолога, какимъ былъ Ровинскій, клѣтка эта была предметомъ особаго историческаго интереса, и онъ все собирался ее изучить подробно, измѣрить, описать и т. д. Но не такъ относился къ ней Гаазъ, давно сурово на нее косившійся. Воспользовавшись какимъ-то междуцарствіемъ въ замкѣ, онъ рѣшился убрать отъ всякихъ взоровъ ненавистную ему клѣтку и приказалъ ее совершенно замуравить въ нишу, имѣвшуюся въ стѣнѣ, гдѣ она и находилась, во всякомъ случаѣ, до его смерти.

Ревнитель улучшеній въ тюремномъ быту, Гаазъ не былъ, однако, поклонникомъ такихъ нововведеній, которыя, по его мнѣнію, шли въ разрѣзъ не только съ особенностями русскаго простолюдина, но и со свойствами человѣческой природы вообще. Когда стало входить въ моду одиночное тюремное заключеніе, на началахъ пенитенціарной системы, въ комитетѣ раздались сочувствующіе ему голоса. Нѣкоторымъ изъ членовъ комитета сдѣлалось симпатичнымъ представленіе объ огромномъ зданіи, раздѣленномъ на ячейки и погруженномъ въ гробовое молчаніе, причемъ предполагается, что отданный на жертву тоскѣ, страстнымъ помысламъ и мрачному одиночеству, человѣкъ, лишенный искусственно возможности употребленія того, чѣмъ онъ прежде всего отличается отъ животнаго—членораздѣльной

рѣчи—очищается покаяніемъ и исправляется нравственно. Но Гаазъ постигъ всѣ темныя и обманчивыя стороны этой системы и понялъ ея жестокость. То, что̀ въ шестидесятыхъ годахъ ученый Гольцендорфъ называлъ «eine raffinierte Quaelerei», отталкивало отъ себя Гааза еще въ тридцатыхъ. «Насчетъ похвалы сей системы,—пишетъ онъ комитету въ октябрѣ 1832 года,—я не менѣе мнителенъ, какъ и на похвалу новыхъ средствъ и методовъ въ пользованіи больныхъ. Учрежденіе домовъ покаянія сходствуетъ съ учрежденіемъ монастырей. Сколь ни превосходенъ будетъ одинъ монастырь, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы правила его были распространены на всѣ другіе монастыри. Есть монастыри, въ коихъ находящіеся ничего не говорятъ, кромѣ: «memento mori». Хотя сіе есть важное и для многихъ даже приличнѣйшее изреченіе, однакожъ, оно не вездѣ употребляется. Дозволительно поэтому спросить, почему въ Россіи обрекать арестантовъ на одиночество? почему лишать ихъ тихаго и добраго между собою разговора, а не удерживать только отъ шумнаго и неблагопристойнаго? Я уповаю, что не сими стѣсненіями и ожесточеніями, а устройствомъ труда и соединеніемъ арестантовъ на общую молитву можно благо дѣйствовать на исправленіе ихъ нравственности...»

Забота о правильномъ содержаніи арестанта въ стѣнахъ тюрьмы не исчерпывала, однако, всей полноты задачи тюремнаго комитета въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Гаазъ. За стѣнами тюрьмы былъ цѣлый міръ, къ которому еще недавно арестантъ былъ прикрѣпленъ всѣми корнями своего существованія. Не всѣ они обрывались съ того момента, какъ за нимъ захлопывались ворота тюрьмы. За стѣнами ея оставалась семья, близкіе, хозяйство, имущество,—за стѣнами пребывалъ судъ, пославшій въ тюрьму, опредѣлившій ея видъ и назначившій ея срокъ,—надъ этимъ судомъ былъ другой судъ, къ справедливости котораго можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ взывать; наконецъ, надо всѣмъ этимъ виднѣлся въ отдаленіи высшій въ государствѣ источникъ милости и милосердія. Но арестантъ былъ отрѣзанъ отъ этого міра. Между нимъ и этимъ міромъ стояли не только каменныя стѣны замка, но и живая стѣна тюремнаго начальства, занятаго прямыми своими обязанностями, подчасъ черствaго,

почти всегда равнодушнаго. Для него *все* было въ поддержаніи и соблюденіи порядка между *всѣми* арестантами, а нужда, тревога или интересъ отдѣльной личности—ничто или почти ничто...

Нуженъ былъ посредникъ между арестантомъ и внѣшнимъ міромъ, — не казенный, не замкнутый въ холодныя начальственныя формы,—выслушивающій каждаго безъ досады, нетерпѣнія или предвзятаго недовѣрія, не прибѣгающій къ поспѣшной и безотрадной ссылкѣ на недопускающій возраженій законъ...

Уже вскорѣ по открытіи комитета, въ 1829 году, Гаазъ писалъ князю Голицыну о необходимости «prêter aux exilés et détenus une oreille amicale dans tout ce qu'ils auront à communiquer»... и внесъ, въ 1832 году, въ свой проектъ обязанностей секретаря комитета пунктъ шестой, въ силу котораго «онъ въ особенности долженъ исполнять обязанности стряпчаго, по возванію арестантовъ, если бы кто изъ нихъ сталъ требовать изложенія письменной просьбы по дѣламъ своимъ». Мысль о необходимости быть посредникомъ или, какъ выражался онъ, «справщикомъ» для арестантовъ не покидала его. Осуществляя ее на практикѣ, онъ стремился къ тому, чтобы упорядочить эту обязанность и возложить ее на опредѣленныхъ лицъ. Въ 1834 г. онъ представилъ въ комитетъ подробный проектъ объ учрежденіи должности справщика. Покуда проектъ этотъ крайне медлительно разсматривался комитетомъ, онъ и директоръ Львовъ, распредѣливъ между собою дни, объѣзжали арестантовъ, собирая свѣдѣнія и хлопотали *о* нихъ, *за* нихъ и *для* нихъ. Наконецъ, въ 1842 году, постановленіемъ комитета официально учреждена должность *справщика и ходатая по арестантскимъ дѣламъ*. На «справщика», независимо отъ обязанностей губернскаго стряпчаго, возложена была забота о томъ, «чтобы никто не былъ заключенъ въ тюрьму противно разуму зако-

новъ и сущности того дѣла, по которому онъ судится или прикосновенъ; чтобы всякій зналъ, въ чемъ онъ обвиняется; чтобы не было опущено никакихъ справокъ и изысканій, требуемыхъ имъ къ своему оправданію; чтобы содержаніе въ тюрьмѣ не отягощалось медленностью, и чтобы тѣ, кого можно закономъ освободить—были освобождены». Этотъ справщикъ-ходатай имѣлъ право входить въ сношеніе съ канцеляріями присутственныхъ мѣстъ и представлять о всемъ заслуживающемъ вниманія и содѣйствія князю Голицыну, изъ личныхъ средствъ котораго давалась сумма для его канцеляріи. Первымъ ходатаемъ былъ назначенъ членъ комитета Павловъ, затѣмъ въ помощь ему поступилъ Коптевъ.

Такимъ образомъ, мысль Гааза была осуществлена въ значительной ея части, и онъ, казалось, могъ въ этомъ отношеніи сказать: «нынѣ отпущаеши», всецѣло отдавшись своей этапной дѣятельности. Но это лишь казалось...

Сначала все шло, повидимому, успѣшно, но затѣмъ умеръ великодушный князь Голицынъ и вступили въ силу наши обычныя апатія и равнодушіе къ дѣлу. Въ 1844 году Гаазъ уже входитъ въ комитетъ съ просьбою ассигновать 1.400 р. на канцелярію ходатая, а не на выкупъ должниковъ, какъ полагали нѣкоторые, такъ какъ «это назначеніе почитаетъ онъ важнѣйшимъ, ибо, дѣятельная часть ходатайства по дѣламъ заключенныхъ составляетъ прямую и неоспоримую обязанность комитета, члены котораго должны дружелюбно выслушивать жалобы ввѣренныхъ имъ людей». Указывая затѣмъ на готовность губернатора и прокурора принимать извѣщенія и ходатайства членовъ комитета объ арестантахъ, онъ не безъ горечи прибавляетъ, что «всѣ нужды по сему предмету удовлетворялись бы, лишь бы члены комитета трудились выслушивать людей и жалобы ихъ доводить до начальства; если же они недовольно исполняютъ сего сами, то пусть отыщутъ лицо, которое замѣнило бы ихъ». Онъ даже вынужденъ былъ заявить, что «быть-можетъ полезнѣе было бы имѣть для такихъ порученій чиновника, приглашеннаго на жалованье, такъ какъ ему смѣлѣе, нежели товарищу, предложить можно бы имѣть заботу объ исполненіи своей обязанности и избѣгнуть вмѣстѣ съ тѣмъ опасности,

состоящей въ томъ, что, за исключительнымъ наименованіемъ двухъ членовъ комитета ходатаями, остальные охладѣваютъ и отклоняютъ отъ себя долгъ выслушивать просьбы арестантовъ, лежащій на каждомъ изъ нихъ по призванію...»

Съ этого времени журналы комитета наполняются ходатайствами Гааза по различнымъ арестантскимъ нуждамъ, по пересмотру дѣлъ «невинно осужденныхъ», по вопросамъ о помилованіи... Д. А. Ровинскій вспоминалъ, что почти не проходило дня, чтобы къ нему въ прокурорскую камеру, гдѣ онъ пребывалъ съ 1848 года въ качествѣ губернскаго стряпчаго, и затѣмъ въ уголовную палату, не пріѣзжалъ Гаазъ за справками и съ просьбами по дѣламъ заключенныхъ. Не вѣря въ бумажную борьбу съ «отклонявшими отъ себя долгъ», онъ взялъ этотъ долгъ на себя и, какъ всегда и во всемъ, исполнялъ его свято по отношенію къ нуждавшимся, съ полнымъ забвеніемъ себя и съ надоѣдливымъ упорствомъ относительно судебнаго и иного начальства...

Такъ продолжалось до самой его емерти. Одинъ изъ почтенныхъ товарищей предсѣдателя московскаго окружного суда за первые годы его существованія, съ глубокимъ уваженіемъ вспоминая о дѣятельности Гааза въ этомъ отношеніи, разсказывалъ, что, будучи еще молодымъ человѣкомъ и служа въ управленіи московскаго оберъ-полиціймейстера, онъ былъ однажды, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, оторванъ отъ занятій старикомъ, назвавшимся членомъ тюремнаго комитета и просившимъ справки о положеніи дѣла о какомъ-то арестантѣ. Недовольный помѣхою и желая поскорѣе вернуться къ прерванному дѣлу, онъ рѣзко указалъ на какія-то формальныя недостатки въ данныхъ, по которымъ просилась справка, и отказалъ въ ея выдачѣ. Старикъ торопливо поклонился и вышелъ. Между тѣмъ небо заволокло тучами и вскорѣ разразилась гроза, одна изъ тѣхъ, которыя обращаютъ на время московскія площади въ озера, въ которыя стремятся по крутымъ улицамъ и переулкамъ цѣлыя рѣки... Чрезъ два часа старикъ снова потревожилъ молодого чиновника. На немъ не было сухой нитки... Съ доброю улыбкою подалъ онъ самыя подробныя свѣдѣнія по предмету своей просьбы. Оказалось, что онъ

ѣздилъ за ними на край города, въ Хамовническую часть, несмотря на ливень и грозу... Это былъ, уже семидесятилѣтній, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ—и трогательный урокъ, данный имъ, вызывалъ чрезъ много лѣтъ у разсказчика слезы умиленія...

Говоря о дѣятельности Гааза, какъ справщика и ходатая, необходимо остановиться и на его хлопотахъ о *помилованіи*. Зная всѣ недостатки современнаго ему судопроизводства, онъ относился недовѣрчиво къ уголовному правосудію, отправляемому русскими судами. Хотя онъ понималъ, конечно, что знаменитое «оставленіе въ подозрѣніи» — какъ результатъ системы формальныхъ доказательствъ — обусловливаетъ безнаказанность многихъ, но онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что возможность этого же самаго оставленія въ по-

дозрѣніи, при отсутствіи собственнаго сознанія и узаконеннаго числа свидѣтелей, вызывала часто пристрастныя дѣйствія полицейскихъ слѣдователей для полученія сознанія во что бы то ни стало. Слѣдователь того времени по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ никогда не велъ осады заподозрѣннаго, окружая его цѣпью отысканныхъ и связанныхъ между собою уликъ и косвенныхъ доказательствъ. Это было долго, скучно, ненадежно, да—при уровнѣ развитія большинства слѣдователей—и трудно. Осадѣ предпочитался штурмъ прямо на заподозрѣннаго, стремительность котораго бывала часто въ обратномъ отношеніи къ его законности и даже основательности. Не мудрено, что Гаазъ, котораго ни въ чемъ и никогда не удовлетворяла внѣшняя, формальная правда, сомнѣвался въ справедливости многихъ приговоровъ, на неправильность которыхъ жаловались ему осужденные. Въ этихъ случаяхъ пересмотръ дѣла представлялся ему, помимо соображеній объ исчерпанномъ уже апелляціонномъ и ревизіонномъ производствѣ, дѣломъ святымъ, о которомъ нравственно необходимо хлопотать. Онъ зналъ также, что современный ему уголовный судъ не знаетъ индивидуальной личности преступника, что при разбирательствѣ дѣла живой человѣкъ стоитъ позади всего, въ туманномъ отдаленіи, заслоненный кипами слѣдственныхъ актовъ и обезличенный однообразнымъ канцелярскимъ стилемъ слѣдователя. Поэтому, когда онъ становился лицомъ къ лицу съ осужденнымъ, стараясь вдуматься въ мысли, бродившія въ полуобритой головѣ, и вглядѣться въ сердце, бившееся подъ курткою съ желтымъ тузомъ на спинѣ,—предъ его, проникнутымъ жалостью къ людямъ, взоромъ возникалъ совсѣмъ не тотъ злодѣй и нарушитель законовъ божескихъ и человѣческихъ, о которомъ шла рѣчь въ приговорѣ. И въ этихъ случаяхъ онъ считалъ своею обязанностью просить о помилованіи, о смягченіи суровой кары.

Поэтому-то въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета съ 1829 по августъ 1853 года записано 142 предложенія Гааза съ ходатайствами о пересмотрѣ дѣлъ, о помилованіи осужденныхъ или о смягченіи имъ наказанія. Покойный Д. А. Ровинскій вспоминалъ эпизодъ, показывающій, съ какою горячею настойчивостью отстаивалъ

Ѳедоръ Петровичъ свое заступничество. Въ 40-хъ годахъ, будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть-можетъ не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за «невинно осужденныхъ» арестантовъ. «Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ Фила-

ретъ,—о невинно осуждённыхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ, есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвинический Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. «Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе Невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда и никто еще не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: «Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои

поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!..»—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Особенно вызывали состраданіе Гааза ссылаемые раскольники. Его любвеобильное сердце тщетно силилось почувствовать, почему нѣкоторые изъ нихъ могли быть сопричислены къ уголовнымъ преступникамъ?

Идущіе черезъ Москву ссылаемые раскольники и сектанты часто находили въ немъ заступника и ходатая. Сохранилось нѣсколько писемъ, очень характерныхъ и для него, и для писавшихъ. «Не имѣю защитника и сострадателя, кромѣ васъ,—пишетъ ему въ 1845 году крестьянинъ Евсеевъ, находящійся «далеко уже отъ царствующаго града Москвы»—вы одни намъ отецъ, вы братъ, вы—другъ человѣковъ!»—«Спасите, помогите, Ѳедоръ Петровичъ!—восклицаетъ въ 1846 году Василій Метлинъ — склоните сердце князя Щербатова (московскій генералъ-губернаторъ) ко мнѣ, несчастному», объясняя, что, содержимый два года въ острогѣ и годъ въ монастырѣ, онъ уголовною палатою оставленъ въ подозрѣніи «касательно духовности или лучше религіи», по обвиненію въ принадлежности къ «масонской фармазонской молоканской вѣрѣ» и велѣно его «удалить къ помѣщику для исправленія»...

«Трогательно для меня несчастіе сихъ людей, — писалъ Гаазъ въ 1848 г. вице-президенту кн. С. М. Голицыну, ходатайствуя за прибывшихъ на Воробьевы горы трехъ стариковъ-безпоповцевъ посада Добрянки,—а истинное мое убѣжденіе, что люди сіи находятся просто въ глубочайшемъ невѣдѣніи о томъ, о чемъ спорятъ, почему не слѣдуетъ упорство ихъ почитать упрямствомъ, а прямо заблужденіемъ о томъ, чѣмъ угодить Господу Богу. А если это такъ, то всѣ, безъ сомнѣнія, раздѣлять будутъ чувство величайшаго объ нихъ сожалѣнія;—чрезъ помилованіе же и милосердіе къ нимъ, полагаю, возможнѣе ожидать, что сердца ихъ и умы больше смягчатся»... Такія ходатайства не всегда встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны митрополита Филарета, бывшаго послѣдовательнымъ и твердымъ противникомъ всякихъ послабленій расколу, а приведенное ходатайство получило рѣшительный и лаконическій отпоръ и со стороны графа За-

кревскаго. «Вашему сіятельству извѣстно,—писалъ Гаазъ предсѣдателю тюремнаго комитета,—сколько разъ въ подобныхъ случаяхъ испрашивалась и достигалась царская милость—не соизволите ли принять на себя трудъ довести о семъ новому начальнику нашему графу Арсенію Андреевичу и преподать ему чрезъ то случай, при первомъ среди насъ появленіи, осчастливить нѣкоторыхъ сидящихъ въ темницѣ несчастныхъ примиреніемъ съ ними милосерднаго монарха и чрезъ то осчастливить и насъ, имѣющихъ назначеніе чрезъ христіанское обхожденіе съ заключенными внушать имъ о настоящемъ духѣ христіанства и о жизни по-христіански»... Разсмотрѣвъ лишь чрезъ

два мѣсяца это ходатайство, комитетъ, «имѣя въ виду, что люди сіи уже прослѣдовали по назначенію», постановилъ: «су-

сей Михай-ла Коновъ непремѣнно бы
отправленъ былъ на Кавказъ и вѣроят-
но остался бы въ своемъ заблужденіи,
ежели бы мнѣ не случилось поговорить
съ нимъ, послѣ отправленія арестан-
товъ въ Воскресенье и просить объ немъ
Г. Померанцева, который и велѣлъ
его остановить.

Федоръ Гаевъ

Е. Гамокишъ-Губковская

жденіе о нихъ прекратить, а записку доктора Гааза, предметъ коей выходитъ изъ круга дѣйствій комитета, представить г. военному генералъ-губернатору», по резолюціи котораго комитету приказано такихъ записокъ впредь не представлять. Иногда ходатайства Гааза бывали основаны и на обстоятельствахъ, не находившихся въ связи съ дѣломъ осужденнаго. Въ 1840 году онъ проситъ о помилованіи 64-лѣтняго старика Михайлова потому, что тотъ имѣетъ попеченіе о малоумномъ Егоровѣ, кормитъ его, лѣчитъ и т. д.; въ 1842 году проситъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи трехъ «аманатчиковъ», слѣдующихъ съ Кавказа въ Финляндію для водворенія, въ виду суроваго климата послѣдней страны, а также потому, что одинъ изъ нихъ, Магометъ-Ази-Оглы, проявилъ, помогая тюремному фельдшеру, большую понятливость, что̀ вызвало со стороны его Гааза, «привязанность къ бѣдному молодому человѣку».

Во многихъ случаяхъ отказа комитета «заступиться» за тѣхъ, о комъ онъ просилъ, Гаазъ шелъ дальше,—обращался въ Петербургъ къ президенту попечительнаго о тюрьмахъ общества, а если и здѣсь не встрѣчалъ сочувствія—шелъ еще выше... Отказы, «оставленія безъ послѣдствій», обращенія къ «законному порядку» мало смущали его. Исчерпавъ все, онъ не отказывался отъ ходатайствъ на будущее время и не дѣлалъ никакихъ ограничительныхъ выводовъ для себя на это будущее. Наступалъ снова случай, гдѣ надо было, по его мнѣнію, призывать милость къ падшимъ и правосудіе къ невиннымъ, и онъ снова, «ничтоже сумняся», шелъ туда, «куда звалъ голосъ сокровенный», и гдѣ такъ часто встрѣчали его съ насмѣшкой, нетерпѣніемъ и недовольствомъ. Въ маѣ 1839 года, онъ собралъ одиннадцать случаевъ неуваженныхъ комитетомъ ходатайствъ своихъ и писалъ о нихъ президенту общества, а не получивъ никакого отвѣта, послалъ въ въ январѣ 1840 года просьбу объ уваженіи ихъ императору Николаю Павловичу. Она была передана въ комиссію прошеній, откуда, въ іюнѣ 1840 года, была возвращена при оригинальномъ объявленіи, что Гаазу слѣдуетъ обратиться куда слѣдуетъ, буде онъ находитъ сіе основательнымъ. — «Нахожу ли основательнымъ? — не безъ юмора пишетъ Гаазъ комитету—конечно, нахожу, ибо самое мое дѣйствіе показываетъ,

что нахожу основательнымъ,—иначе, не утруждалъ бы самыхъ достопочтеннѣйшихъ особъ и, конечно, не осмѣлился бы доводить до Высочайшаго престола. Я столько убѣжденъ въ основательности моего представленія, что, буде по одному изъ многочисленныхъ изъ упомянутыхъ въ ономъ дѣлъ будетъ доказана моя несправедливость, то оставляю всѣ другія. А затѣмъ, по наставленію комиссіи прошеній, прошу комитетъ подвергнуть сіи дѣла внимательному разсмотрѣнію». Комитетъ объявилъ ему, что такъ какъ въ бумагахъ, имъ представленныхъ, «изъясняются жалобы» на вице-президентовъ и на самый комитетъ, то комитетъ и не почитаетъ себя въ правѣ ихъ разсматривать. Бѣдный Гаазъ увидѣлъ себя, такимъ образомъ, замкнутымъ въ безвыходный cercle vicieux канцеляризма... Что онъ сдѣлалъ далѣе—неизвѣстно. Быть-можетъ, прибѣгъ снова къ средству писать за границу, какъ это онъ сдѣлалъ по поводу прута... Онъ не былъ человѣкомъ, который останавливается въ сознаніи своего безсилія предъ бюрократической паутиною. Къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ въ рѣшительныхъ случаяхъ, видно изъ разсказа И. А. Арсеньева, подтверждаемаго и другими лицами, о посѣщеніи императоромъ Николаемъ московскаго тюремнаго замка, при чемъ государю былъ указанъ «доброжелателями» Гааза старикъ 70 лѣтъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь и задерживаемый имъ въ теченіе долгаго срока въ Москвѣ по дряхлости (повидимому, это былъ мѣщанинъ Денисъ Королевъ, который былъ признанъ губернскимъ правленіемъ «худымъ и слабымъ, но къ отправкѣ способнымъ»). «Что это значитъ?»—спросилъ государь Гааза, котораго зналъ лично. Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думая, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: «Полно!—я не сержусь, Ѳедоръ Петровичъ, что это ты,—встань!»—«Не встану!» — рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. «Да я не сержусь, говорю тебѣ... чего же тебѣ надо?» — «Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его! — я не встану, пока вы его не помилуете»... Государь задумался... «На твоей совѣсти, Ѳедоръ Петровичъ!»—сказалъ онъ наконецъ, и изрекъ прощеніе. Тогда счастливый и взволнованный Гаазъ всталъ съ колѣнъ.

VII.

Мы видѣли, какими способами старался Гаазъ осуществлять справедливое отношеніе къ осужденному и проводить рѣзкую грань между отбываніемъ наказанія и напраснымъ отягощеніемъ и безъ того горькой участи виновнаго. Свято исполняя, не взирая ни на что, свой глубоко понимаемый нравственный долгъ, Ѳедоръ Петровичъ могъ бы приложить къ своей дѣятельности прекрасную мысль, высказанную впослѣдствіи Пастеромъ: «долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность».

Но одного справедливаго и человѣчнаго отношенія къ виновному было мало. Нужно было дѣятельное состраданіе къ *несчастному*, нужно было призрѣніе *больного*. А несчастныхъ было много... Первый видъ несчастія составляла безпомощность въ духовномъ и житейскомъ отношеніи. Встрѣчаясь почти ежедневно съ практическимъ осуществленіемъ наказанія, Гаазъ, со свойственною ему серьезною вдумчивостью, не могъ не сознать, что если, съ одной стороны, отсутствіе настоящаго религіозно-нравственнаго развитія нерѣдко лишало человѣка, смущаемаго преступнымъ замысломъ, могущественнаго орудія для борьбы съ самимъ собою, то, съ другой стороны, отсутствіе такого же назиданія для совершившаго преступленіе отнимало почти всякое исправительное значеніе у наказанія и оставляло арестанта на жертву тлетворному вліянію тюрьмы и этапнаго хожденія. Это отсутствіе являлось своего рода несчастіемъ, къ отвращенію котораго со стороны «казны» ничего не предпринималось, а со стороны попечительнаго общества, въ первое время его существованія, предпринималось очень мало. Въ сущности все сводилось лишь къ чисто-фор-

мальному отношенію духовенства къ арестантамъ, да и то лишь въ большихъ центрахъ. Между тѣмъ, тюремнымъ комитетамъ въ этомъ отношеніи представлялась благодарная задача. Она достигалась раздачею книгъ священнаго писанія и духовно-нравственнаго содержанія. Арестанты принимали ихъ съ жадностью, читали съ любовью. Евангеліе являлось для многихъ изъ нихъ неразлучнымъ спутникомъ, утѣшителемъ и разрѣшителемъ душевныхъ недоумѣній; оно было свѣтлымъ лучомъ въ томъ мракѣ отчаянія и озлобленія, который грозилъ овладѣть ими изнутри, который окружалъ ихъ извнѣ.

Гаазъ принялся настойчиво заботиться о раздачѣ такихъ книгъ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ качествѣ директора комитета, онъ, еще 5 февраля 1829 года, выступилъ съ заявленіемъ о необходимости этой раздачи и о болѣе широкомъ примѣненіи случаевъ духовнаго напутствія арестованнымъ. Онъ фактически взялъ все дѣло въ свои руки и отдался заботѣ «о бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Богомъ»—со всѣмъ пыломъ своей энер-

гической натуры, ибо, какъ выражался онъ далѣе, «нужно видѣть то усердіе, съ которымъ люди сіи книгъ просятъ, ту радость, съ которою они ихъ получаютъ, и то услажденіе, съ которымъ они ихъ читаютъ!..» Но дѣятельность его встрѣчала двоякія внѣшнія препятствія, не говоря уже о внутреннихъ, тормазившихъ невидимо, но осязательно, его трудъ въ области непосредственнаго ознакомленія несчастныхъ и падшихъ со словомъ «упокоенія».

Первое препятствіе составлялъ недостатокъ средствъ комитета, значительная часть которыхъ уходила на чисто-хозяйственныя нужды. Покупая на счетъ комитета исключительно священное писаніе, Гаазъ сталъ на собственныя средства пріобрѣтать для раздачи книги духовнаго и нравоучительнаго содержанія, а когда ни комитетскихъ, ни личныхъ суммъ, въ виду увеличившейся потребности въ книгахъ, стало не хватать, онъ вошелъ въ официальныя сношенія съ богатымъ петербургскимъ купцомъ Арчибальдомъ Мерилизомъ. «Въ россійскомъ народѣ,—писалъ онъ ему, прося помощи,—есть предъ всѣми другими качествами блистательная добродѣтель милосердія, готовность и привычка съ радостью помогать въ изобиліи ближнему во всемъ, въ чемъ онъ нуждается, но одна отрасль благодѣянія мало въ обычаѣ народномъ: сія недостаточная отрасль подаянія есть подаяніе книгами св. писанія и другими назидательными книгами». За официальнымъ обращеніемъ послѣдовалъ, какъ видно изъ подробныхъ отвѣтовъ Мерилиза, рядъ частныхъ писемъ, результатомъ которыхъ была, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, присылка Гаазу «англинскимъ негоціантомъ» книгъ, совершаемая, какъ онъ выразился въ своемъ представленіи комитету, «съ удивительною, неоцѣненною щедростью» (съ 1831 по 1846 годъ Мерилизомъ было доставлено разныхъ книгъ на 30 т. р. въ томъ числѣ однѣхъ азбукъ 54.823 и евангелій на разныхъ языкахъ 11.030). Изъ представленной Гаазомъ комитету вѣдомости видно, что въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія комитета имъ роздано—71.190 азбукъ церковныхъ и гражданскихъ, 8.170 святцевъ и часослововъ, 20.350 книгъ священной исторіи, катехизисовъ и другихъ духовнаго содержанія, 5.479 евангелій на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, 1.830 евангелій на иностранныхъ языкахъ, 8.551 псал-

тирь на церковно-славянскомъ и русскомъ и 584 на иностранныхъ и т. д.

Но одною раздачею книгъ не ограничивался Гаазъ. Ему хотѣлось снабдить каждаго арестанта, идущаго въ путь, нравственнымъ руководствомъ, изложеннымъ систематически и направленнымъ на разныя неприглядныя стороны жизни той среды, которая, въ количественномъ отношеніи, поставляетъ наибольшее число нарушителей закона. Въ 1841 году онъ издалъ на свой счетъ книжку, in-8°, напечатанную на плотной бумагѣ и заключающую въ довольно толстой папкѣ 44 страницы, подъ заглавіемъ: «*А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ на счетъ ближняго выраженій или о начаткахъ любви къ ближнему*». Книжка, напечатанная въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, начинается 18 текстами изъ Евангелія и посланій апостольскихъ, проповѣдующими христіанскую любовь, миръ, тѣлесную чистоту, кротость и прощеніе. Затѣмъ идетъ развитіе этихъ текстовъ, подкрѣпляемое выписками изъ священнаго писанія, изъ трактата «о любви Господней» св. Франциска де-Саль, и рядомъ нравоучительныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи и ежедневной жизни. Въ прочувствованныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ авторъ читателя не предаваться гнѣву, не злословить, не смѣяться надъ несчастіями ближняго и не глумиться надъ его уродствами, а главное—не лгать. Книжка, проникнутая чувствомъ искренней любви къ людямъ, чуждая громкихъ фразъ, изложенная вполнѣ удобопонятно и просто, но безъ всякой искусственной поддѣлки подъ народное пониманіе,—высокомѣріе которой обыкновенно бываетъ равносильно незнанію народа, который берутся поучать,—заключается, какъ общимъ выводомъ и вмѣстѣ завѣтомъ, словами Апостола въ

посланіи къ ѳессалоникійцамъ (V. 14): «Умоляю васъ, братія, вразумляйте безпорядочныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ—терпѣливы будьте ко всѣмъ»...

Эту книжку раздавалъ Гаазъ всѣмъ уходившимъ изъ Москвы по этапу. Чтобы книжечка не затерялась въ пути и не стѣсняла арестанта, онъ «построилъ» для храненія ея особыя сумочки, которыя вѣшались владѣльцу книжечки на шнуркѣ на грудь. И сумочки, и книжки онъ привозилъ съ собою на этапъ и тамъ надѣлялъ ими всѣхъ.

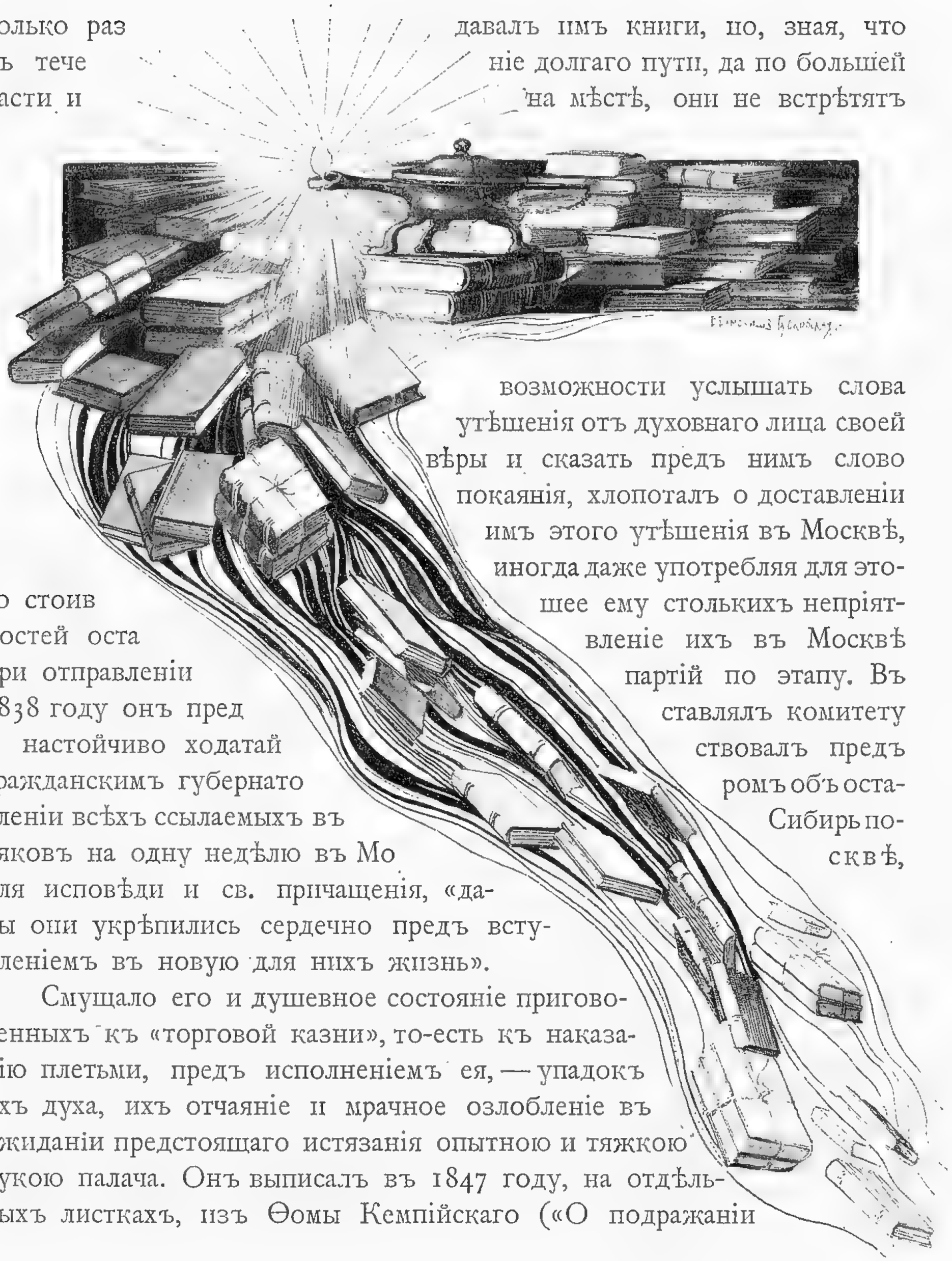
Сроднившись съ простымъ русскимъ человѣкомъ, извѣдавъ его въ скорбяхъ и паденіяхъ, Гаазъ зналъ его хорошо. Онъ зналъ и про довѣріе его къ печатному слову, и про суевѣрное, боязливое отношеніе его къ слову писанному. «Гдѣ рука—тамъ и голова»,—говоритъ этотъ народъ. Этимъ его свойствомъ воспользовался Гаазъ. «А. Б. В. христіанскаго благонравія» оканчивается слѣдующими словами: «Итакъ, уповая на всемогущую помощь Божію, отъ души обѣщаюсь во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ ближнимъ памятовать, яко правило, наставленіе св. Апостола Павла: «Братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, исправляйте его въ духѣ кротости, но смотрите и за собою, чтобы не впасть въ искушеніе; носите бремена одинъ другого и такимъ образомъ исполняйте законъ Христовъ». Въ твердомъ намѣреніи исполнять сіи правила, т.-е.: 1) не употреблять бранныхъ словъ; 2) никого не осуждать; 3) не лгать и 4) соблюдать упомянутое наставленіе Апостола для сильнѣйшаго впечатлѣнія въ душѣ своей... *подписуюсь...*» Затѣмъ слѣдуетъ чистая полустраница, на которой, при раздачѣ книжекъ, по просьбѣ Гааза, умѣвшіе писать ставили свою фамилію, а умѣвшіе только читать ставили три креста, придавая этимъ всей книжкѣ таинственный и выразительный характеръ какого-то договора, нарушать который становилось и грѣшно, и стыдно. Наивный способъ, придуманный Гаазомъ для огражденія и отвращенія арестантовъ отъ дурныхъ наклонностей, можетъ вызвать улыбку по адресу великодушнаго чудака... Но она едва ли будетъ основательна. За оригинальностью его выдумки кроется трогательная вѣра въ лучшія стороны человѣческой природы и довѣріе къ способности простого русскаго человѣка къ нравственному возрожденію.

Осуществленіе этого довѣрія совершалось, однако, не безъ препятствій и пререканій. Далеко не всѣ члены комитета сочувствовали Гаазу въ этомъ отношеніи. Въ средѣ ихъ, какъ видно изъ представленія его отъ 19 ноября 1835 г., высказывались мысли о томъ, что чтеніе Евангелія простымъ человѣкомъ, безъ *постояннаго* руководительства, указанія и авторитетнаго объясненія со стороны духовныхъ особъ, можетъ вызвать въ немъ наклонность къ произвольнымъ, одностороннимъ и вреднымъ толкованіямъ,—что Евангеліе, читаемое безъ всякаго контроля, можетъ быть орудіемъ обоюдо-острымъ,—что книги священнаго писанія должны выдаваться арестантамъ во всякомъ случаѣ лишь по ихъ просьбѣ, а не «навязываться» имъ, и что, наконецъ, раздающій подобныя книги долженъ дѣйствовать какъ врачъ, являющійся по приглашенію больного, но не вторгающійся къ нему безъ зова, и т. д. Наконецъ, нѣкоторые высказывали (представленіе Гааза, отъ 14 сентября 1845 г.), что вообще раздача такихъ книгъ излишня, ибо не достигаетъ цѣли, а самыя книги попадаютъ иногда въ совершенно недостойныя руки. Гаазъ опровергалъ эти соображенія указаніемъ на III пунктъ правилъ, преподанныхъ обществу попечительному о тюрьмахъ, обязывающій его «наставлять заключенныхъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на ономъ основанной», и на XV пунктъ инструкціи тюремному комитету, возлагавшій на его попеченіе «снабженіе арестантовъ книгами св. писанія и другими духовнаго содержанія». Онъ ссылался на свой собственный опытъ, убѣдившій его, что и недостойныя руки съ благодарнымъ умиленіемъ бережно развертываютъ «слово Божіе»,—и приводилъ изреченіе Екклезіаста (XI, 4) о томъ, что часто смотрящій на погоду—не соберется никогда сѣять, и часто смотрящій на облака—никогда не соберется жать,—сравнивая этихъ «часто смотрящихъ» съ тѣми, кто слишкомъ много разсуждаетъ о приличныхъ случаяхъ и надлежащихъ способахъ сѣянія слова Божія, забывая, въ своей мнительности, что, по словамъ Спасителя, это слово сѣется и на камнѣ. Послѣдніе аргументы его не встрѣтили, однако, сочувствія вице-президента комитета. «Отъ людей мнительныхъ и которые смотрятъ на погоду и на облака и отъ того не сѣютъ и не жнутъ,—писалъ митрополитъ Филаретъ,—

безъ сомнѣнія, надобно отличать людей *благоразумныхъ* и *осторожныхъ*, которые не сѣютъ во время морозной погоды и не жнутъ во время ненастной погоды; а Екклезіастово обличенье мнительности, безъ сомнѣнія, не отвергаетъ Христова правила объ осторожности и объ охраненіи святыни: не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями. Матѳ. VII, 6». (Письмо генералъ-губернатору кн. Щербатову, 18 декабря 1845 г.).

Второго рода внѣшнее препятствіе къ осуществленію во всей полнотѣ желанія Гааза относительно книгъ состояло въ фактическомъ недостаткѣ книгъ св. писанія. «Удивительно и страшно будетъ слышать комитету,—писалъ онъ въ 1845 году,—что Новаго Завѣта на славянскомъ нарѣчіи, не говоря уже о Новомъ Завѣтѣ на русскомъ языкѣ, продававшихся прежде по 2 р. 50 к. и по 4 руб.,—ни за какія нынѣ деньги Мерилизъ достать въ Петербургѣ не можетъ. То же самое предвидится въ скоромъ времени и въ Москвѣ». Поэтому онъ настойчиво проситъ ходатайства комитета о Высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе необходимаго числа книгъ Новаго Завѣта на русскомъ и славянскомъ языкахъ въ синодальной типографіи на счетъ комитета. Поддержанная митрополитомъ Филаретомъ, просьба Гааза была принята къ исполненію комитетомъ 30-го декабря 1845 года, но лишь 26-го апрѣля 1847 года комитету сообщенъ указъ святѣйшаго синода о разрѣшеніи напечатать, на свой счетъ, въ московской синодальной типографіи три завода Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Гааза, благодаря его настояніямъ, снова оказалась книга, необходимая «для бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Нимъ». Повидимому, вскорѣ и въ Петербургѣ пересталъ ощущаться указанный Мерилизомъ недостатокъ, такъ какъ изъ письма его къ Гаазу, отъ 5 декабря 1851 года, видно, что за *послѣдніе годы* имъ было доставлено въ Москву снова значительное количество книгъ Новаго Завѣта.

Кромѣ духовнаго назиданія, имѣвшаго въ виду *будущее* арестанта, послѣдній часто и сильно нуждался въ умиротвореніи смущеннаго духа и въ религіозномъ утѣшеніи въ *настоящемъ*. Чрезъ Москву шли въ Сибирь въ большомъ количествѣ инородцы и иновѣрцы. Гаазъ не



только раз давалъ имъ книги, но, зная, что
въ тече ніе долгаго пути, да по большей
части и на мѣстѣ, они не встрѣтятъ
возможности услышать слова
утѣшенія отъ духовнаго лица своей
вѣры и сказать предъ нимъ слово
покаянія, хлопоталъ о доставленіи
имъ этого утѣшенія въ Москвѣ,
иногда даже употребляя для это-
го стоив шее ему столькихъ непріят-
ностей оста вленіе ихъ въ Москвѣ
при отправленіи партій по этапу. Въ
1838 году онъ пред ставлялъ комитету
и настойчиво ходатай ствовалъ предъ
гражданскимъ губернато ромъ объ оста-
вленіи всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь по-
ляковъ на одну недѣлю въ Мо сквѣ,
для исповѣди и св. причащенія, «да-
бы они укрѣпились сердечно предъ всту-
пленіемъ въ новую для нихъ жизнь».

Смущало его и душевное состояніе приговоренныхъ къ «торговой казни», то-есть къ наказанію плетьми, предъ исполненіемъ ея, — упадокъ ихъ духа, ихъ отчаяніе и мрачное озлобленіе въ ожиданіи предстоящаго истязанія опытною и тяжкою рукою палача. Онъ выписалъ въ 1847 году, на отдѣльныхъ листкахъ, изъ Ѳомы Кемпійскаго («О подражаніи

Христу», III, 29) молитву и далъ ее нѣсколькимъ арестантамъ, очень волновавшимся предъ предстоящею торговою казнью. По замѣчанію директора комитета Фонвизина, чтеніе этой молитвы благотворно и успокоительно подѣйствовало на трехъ изъ этихъ арестантовъ— и Гаазъ тотчасъ же сталъ настаивать въ комитетѣ на томъ, чтобы эту молитву напечатать на особыхъ листахъ для раздачи въ губернскомъ тюремномъ замкѣ. Онъ встрѣтилъ возраженія со стороны митрополита Филарета. «Молитва эта,—объяснялъ московскій владыко, какъ записано въ журналахъ комитета,—есть изложеніе словъ Христовыхъ, читаемыхъ въ евангеліи отъ Іоанна (XII, 28), но прилично ли молитву Спасителя предъ крестнымъ страданіемъ приложить къ преступнику предъ наказаніемъ его?» Впрочемъ, не отрицая, что «молитва сія могла оказать дѣйствіе по вѣрѣ и любви давшаго ее,—коего и надобно просить, чтобы онъ не прекращалъ своего христіанскаго дѣйствованія,—и по дѣйствію послушанія принявшихъ ее, въ чемъ также есть уже нѣкоторая степень вѣры»,—Филаретъ предложилъ замѣнить предложенную Гаазомъ молитву вновь составленною молитвою заключеннаго въ темницѣ, одобривъ также и молитву Ефрема Сирина, что и было принято комитетомъ, съ признательностью, къ исполненію. Обѣ молитвы были напечатаны на 600 листахъ для раздачи въ мѣстахъ заключенія, и добрая цѣль Гааза, который, конечно, не стоялъ безусловно за тотъ или другой текстъ молитвъ, была достигнута.

Но не въ одномъ непосредственномъ религіозномъ утѣшеніи нуждались заключенные и отправляемые въ Сибирь. Они страдали и отъ отсутствія *житейскихъ* утѣшеній, а иногда и прямой, *матеріальной помощи*. Тяжесть разлуки съ родными и близкими или крайняя скупость свиданій съ ними, усугублялась для многихъ отсутствіемъ всякихъ свѣдѣній съ родины;—на порогѣ отбытаго наказанія ихъ встрѣчала обыкновенно полная безпомощность, голоданіе и незнаніе куда приклонить голову;—лишеніе свободы дѣлало нерѣдкихъ изъ нихъ жертвами корысти своихъ насильственныхъ сотоварищей или злоупотребленія приставниковъ;—умирая, нѣкоторые оставляли сиротъ, для которыхъ прекращалось даже и мрачное гостепріимство тюрьмы, и, наконецъ, тотъ, кто попадалъ по признанной судебной ошибкѣ въ

Сибирь, не имѣлъ обыкновенно средствъ выбраться оттуда. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ нужно было и своевременное утѣшеніе, и дѣятельная помощь. Тутъ-то и проявляло себя «святое безпокойство» Гааза. Журналы комитета переполнены указаніями на его многоразличныя хлопоты въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1833 г. онъ настаиваетъ на ходатайствѣ, въ законодательномъ порядкѣ, о разрѣшеніи *сестрамъ* ссылаемыхъ слѣдовать за одинокими *братьями;* въ 1835 году проситъ дозволить арестантамъ, сверхъ установленныхъ дней, имѣть свиданія съ родными въ день Новаго года—и вообще пользуется всякимъ поводомъ, чтобы увеличить дни свиданій. Заходитъ, напримѣръ, въ комитетѣ, въ 1839 году, рѣчь объ итогахъ десятилѣтней его съ основанія дѣятельности, Гаазъ предлагаетъ, въ ознаменованіе дня открытія комитета, разрѣшить ежегодно въ этотъ день свиданія арестантамъ; по поводу дней рожденія и кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества Императора Александра I, онъ предлагаетъ ознаменовать ихъ разрѣшеніемъ арестантамъ свиданій.

Почти каждый журналъ содержитъ въ себѣ заявленія Гааза о доставкѣ въ Сибирь писемъ и книгъ ссыльнымъ, о пересылкѣ имъ денегъ, о сообщеніи имъ разныхъ свѣдѣній по ихъ дѣламъ и ходатайствамъ. Все это требовало большихъ заботъ, хлопотъ и личныхъ расходовъ. Чтобы доставить кому-нибудь, вопіющему изъ Сибири, справку о положеніи его просьбы или свѣдѣніе о томъ, что дѣлается съ его семействомъ,—нужно было подчасъ производить цѣлыя дознанія, просить, дожидаться, платить. Нужно было тратить время и трудъ не только на добычу всего этого, но и на сообщеніе о результатахъ. Приходилось торопливою рукою смягчать подчасъ горькую дѣйствительность, не скрывая истины, на что Гаазъ былъ совершенно неспособенъ,—приходилось писать слова ободренія, утѣшенія — и чуткою душою искать въ чуждомъ языкѣ словъ, которыя съ наименьшей болью вонзались бы въ изстрадавшееся сердце и разрушали давно лелѣянныя надежды. Однимъ словомъ, нужно было, по прекрасному выраженію Мицкевича, «имѣть сердце и смотрѣть въ сердце». И все это надлежало дѣлать среди множества другихъ занятій,—между посѣщеніемъ больницы и этапа, острога и комитета, отписываясь и отсчитываясь отъ

начальства и не упуская приходить на помощь къ разнымъ, какъ ихъ называлъ Гаазъ, «приватнымъ» несчастливцамъ...

Трудно перечислить всѣ отдѣльныя проявленія этой дѣятельности «утрированнаго филантропа». То онъ систематически, чрезъ извѣстные сроки, требуетъ отъ комитета денегъ (обыкновенно по сту рублей) для помощи *семействамъ* арестантовъ и представляетъ въ нихъ отчетъ,—то распредѣляетъ испрошенные имъ у г-жи Сенявиной тысячу рублей между нуждающимися арестантками,—то беретъ на свое поручительство слабосильныхъ ссылаемыхъ и доставляетъ ихъ на свой счетъ въ мѣста водворенія (наприм., Прокофьева — въ 1841 году, Свинку—въ 1847 году),—то пересылаетъ имъ вещи и книги (наприм., посылаетъ въ 1840 году въ Ялуторовскъ книги ссыльному Еремину и въ 1844 году — въ Яркутскъ, ссыльному Прохору Перину «Потерянный рай» Мильтона),—то проситъ въ 1851 году комитетъ ходатайствовать объ обмѣнѣ ассигнацій стараго образца, «всученныхъ» кѣмъ-то, обманомъ, по истеченіи срока обмѣна, арестанту Доморацкому, возвращаемому изъ Сибири на родину, въ Волынскую губернію,—то дѣятельно содѣйствуетъ въ 1843 году директору комитета, Львову, человѣку тоже сер-

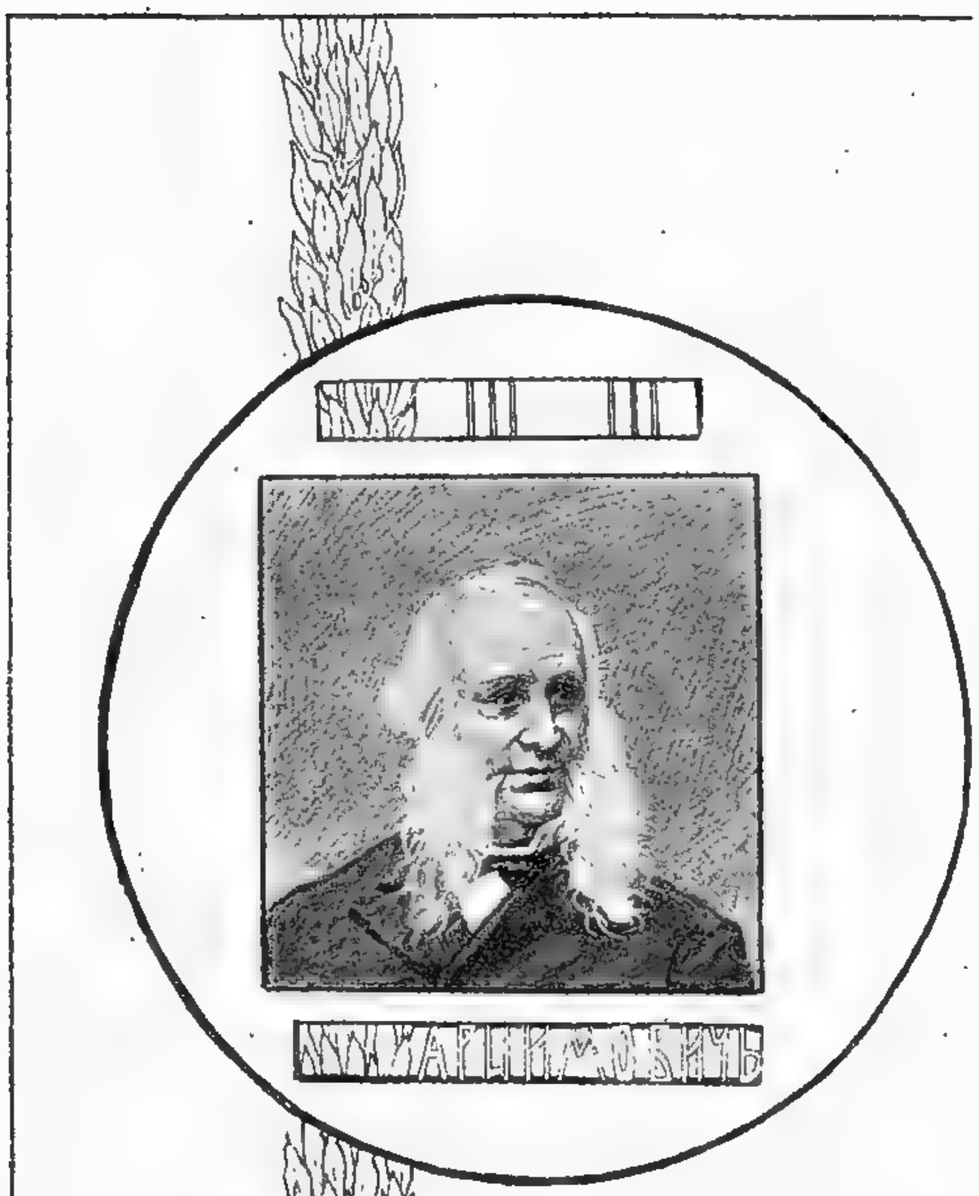
15

А. Ѳ. Конн. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

дечно служившему улучшенію быта арестантовъ, въ учрежденіи пріюта для выходящихъ изъ тюремъ, — то вноситъ для раздачи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія собранные имъ у «благотворительныхъ особъ» 750 руб. сер.,—то хлопочетъ о надзорѣ за воспитаніемъ двухъ круглыхъ сиротъ-дѣвочекъ, отданныхъ тюремнымъ начальствомъ, по смерти ихъ матери-арестантки, какому-то поручику Сангушко, — то самъ доноситъ комитету, что убѣдилъ вдову купца Мануйлова взять на воспитаніе 3-хъ-лѣтняго сына умершей арестантки, «непомнящей родства»,—то настаиваетъ на разслѣдованіи жалобъ арестантовъ пересыльной тюрьмы на неполное возвращеніе имъ отобранныхъ у нихъ вещей, — то, наконецъ, усомнясь въ справедливости осужденія за поджогъ нѣкоего шемахинскаго жителя Генерозова, проситъ комитетъ дать ему средства отправиться въ Сибирь, съ семействомъ, на поселеніе не по этапу—и, получивъ отказъ комитета, покупаетъ ему на свой счетъ лошадь, а затѣмъ, когда невиновность Генерозова дѣйствительно открылась, высылаетъ ему отъ «одной благотворительной особы» 200 руб. для возвращенія изъ Сибири—и т. д., и т. д.

Арестантовъ, приходившихъ въ Москву, встрѣчала и ободряла молва о тюремномъ докторѣ, который понимаетъ ихъ нужды и прислушивается къ ихъ скорбямъ; — уходившіе часто уносили о немъ прочное и благодарное, надолго неизгладимое воспоминаніе. И кто знаетъ!—быть-можетъ, не менѣе сильно, чѣмъ раздаваемыя имъ книги, дѣйствовала на нихъ въ далекой Сибири облагораживающимъ и умиротворящимъ образомъ память о человѣкѣ, который такъ просто и вмѣстѣ горячо осуществлялъ на дѣлѣ то, что, какъ идеалъ, было начертано въ этихъ книгахъ? Могло ли не утѣшать и не укрѣплять многихъ изъ этихъ злополучныхъ, загнанныхъ судьбою въ пустыни и жалкія поселенія Восточной Сибири сознаніе, что въ далекой Москвѣ, какъ сонъ промелькнувшей на ихъ этапномъ пути, есть старикъ, который думаетъ о ихъ братѣ, скорбитъ и *старается* о немъ. А старикъ дѣйствительно думалъ непрестанно...

Покойный сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ разсказывалъ намъ, что, въ числѣ молодыхъ чиновниковъ, сопровождавшихъ ревизовавшаго въ 1851 году Западную Сибирь сенатора Анненкова,



онъ проѣзжалъ чрезъ Москву и осматривалъ, вмѣстѣ съ другими спутниками послѣдняго, мѣстный тюремный замокъ. Ознакомить ихъ съ замкомъ было поручено молодому еще и блестящему чиновнику особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. При входѣ въ одну изъ камеръ, онъ объяснилъ идущимъ за нимъ, по-французски, что въ ней сидитъ человѣкъ, недавно осужденный за убійство, изъ ревности, при весьма романтическихъ условіяхъ, молодой жены, изобличенной имъ въ невѣрности — и, вызвавъ арестанта изъ строя впередъ, предложилъ ему разсказать, *какъ* и *за что* онъ лишилъ жизни жену. Тотъ потупился, понурилъ голову, — краска густо залила ему лицо, и, тяжело вздохнувъ, онъ началъ сдавленнымъ голосомъ свою исторію. Но не успѣлъ онъ сказать и десяти словъ, какъ отъ дверей камеры отдѣлился стоявшій въ нихъ старикъ съ энергическимъ лицомъ, одѣтый скромно и бѣдно, въ костюмъ начала столѣтія. Шагнувъ впередъ, онъ гнѣвно взглянулъ на чиновника, любезно старавшагося «занять» петербургскихъ гостей, и рѣзко сказалъ ему: — «какъ вамъ не совѣстно мучить этого несчастнаго такими вопросами?! и зачѣмъ этимъ господамъ знать о его семейной бѣдѣ?» — а, затѣмъ, повидимому даже не допуская возраженій, повелительно крикнулъ разсказчику: «не надо! не надо! не смѣй объ этомъ говорить!..» Чиновникъ особыхъ порученій сконфуженно улыбнулся, переглянулся со смотрителемъ и, презрительно пожавъ плечами, молча повелъ посѣтителей дальше. «Кто это?» — спросилъ Арцимовичъ смотрителя. «Это? Да развѣ вы не изволите знать? — Это Ѳедоръ Петровичъ, — Ѳедоръ

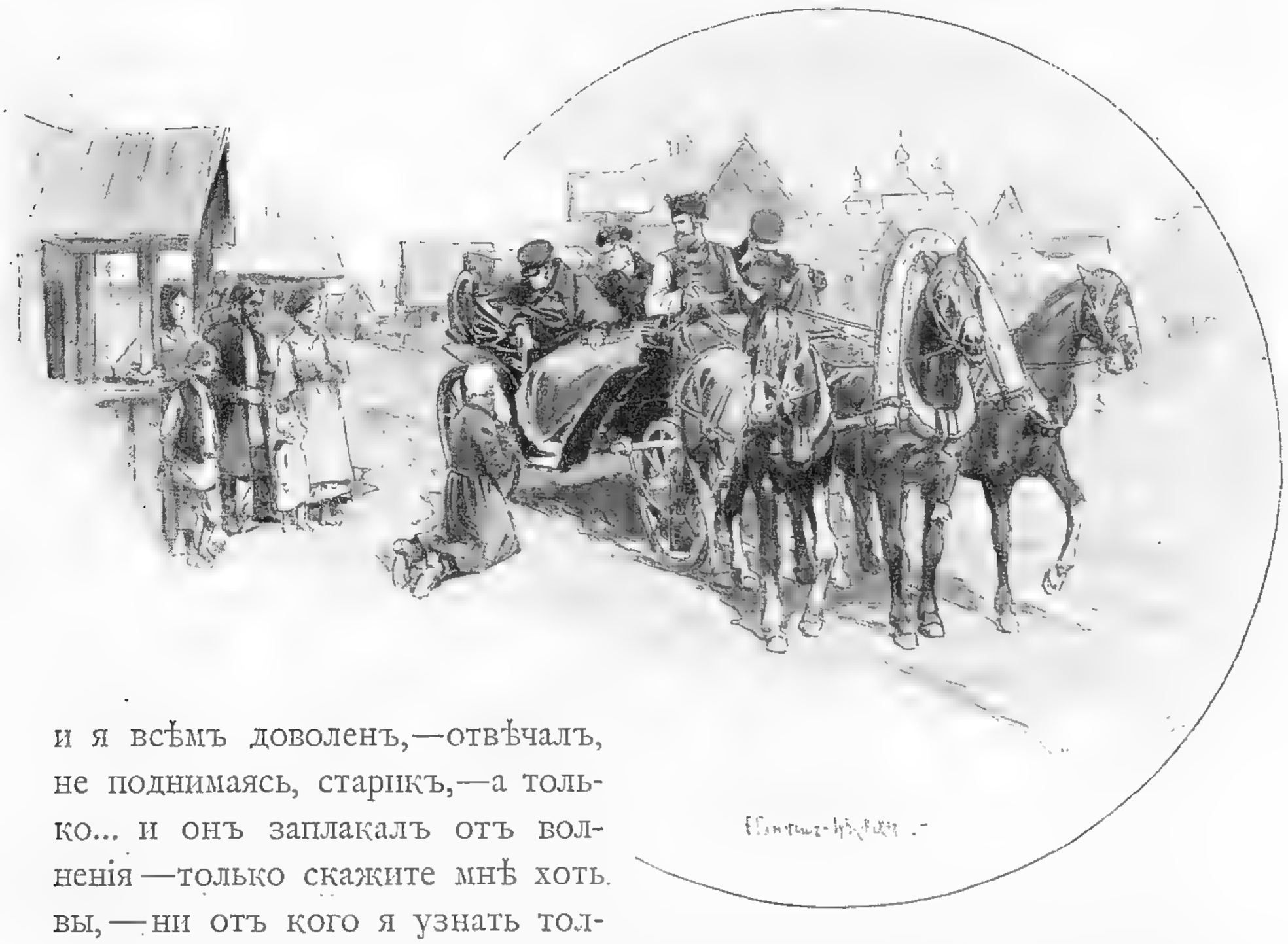
Петровичъ, докторъ Гаазъ!..» — Когда чрезъ годъ Арцимовичъ возвращался назадъ, то остановился, торопясь въ Петербургъ, лишь на

Е. Бимокинъ-Грюковскій.—

самый краткій срокъ въ Москвѣ. Вернувшись довольно поздно, далеко за полночь, отъ знакомыхъ, онъ уже ложился спать, когда къ нему постучали, и въ отворенную слугою дверь вошелъ запыхавшійся отъ высокой лѣстницы Ѳ. П. Гаазъ. Быстро покончивъ съ извиненіями въ томъ, что, послѣ цѣлаго дня поисковъ, потревожилъ своимъ приходомъ такъ поздно, пришедшій сѣлъ на край кровати удивленнаго Арцимовича, взялъ его за руку и, взглянувъ ему въ глаза довѣрчивымъ взглядомъ, сказалъ «вы, вѣдь, видѣли *ихъ* въ разныхъ мѣстахъ, — ну, какъ *имъ* тамъ? не очень ли *имъ* тамъ тяжело? ну, что *имъ* тамъ особенно нужно?.. извините меня, но мнѣ *ихъ* такъ жалко!..» И растроганный Арцимовичъ почти до утра разсказывалъ своему необычному посѣтителю о *нихъ* — и отвѣчалъ на его разспросы.

Тотъ же В. А. Арцимовичъ былъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. При объѣздѣ губерніи онъ остановился однажды въ одномъ изъ селеній въ избѣ у бывшаго ссыльно-поселенца, давно уже перешедшаго въ разрядъ водворенныхъ и жившаго съ многочисленною семьею широко и зажиточно. Когда Арцимовичъ, уѣзжая, сѣлъ уже въ экипажъ, вышедшій его провожать хо-

зяинъ, степенный старикъ, съ сѣдою, окладистою бородой, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна, вдругъ упалъ на колѣни. Думая, что онъ хочетъ просить какихъ-либо льготъ или полнаго помилованія, губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ его просьба. «Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ,



и я всѣмъ доволенъ,—отвѣчалъ, не поднимаясь, старикъ,—а только... и онъ заплакалъ отъ волненія —только скажите мнѣ хоть. вы,—ни отъ кого я узнать толкомъ не могу,—скажите: *живъ ли* еще въ Москвѣ *Ѳедоръ Петровичъ?!*»

Въ жизни Гааза было происшествіе, которое, обратившись потомъ въ легенду, связывалось иногда съ другими именами и, между прочимъ, съ именемъ покойнаго присяжнаго повѣреннаго Доброхотова. Но въ письмѣ, полученномъ пишущимъ эти строки, въ 1897 году, отъ Д. И. Рихтера, проведшаго дѣтство въ Москвѣ и посѣщавшаго съ отцомъ своимъ, лично знавшимъ Ѳедора Петровича, могилу послѣдняго на Введенскихъ горахъ, удостовѣряется, что это произо-

шло именно съ Гаазомъ. Въ морозную зимнюю ночь онъ долженъ былъ отправиться къ бѣдняку-больному. Не имѣвъ терпѣнія дождаться своего стараго и кропотливаго кучера Егора и не встрѣтивъ извозчика, онъ шелъ торопливо, когда былъ остановленъ, въ глухомъ и темномъ переулкѣ, нѣсколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надѣтую, по его обычаю, «въ накидку». Ссылаясь на холодъ и старость, Гаазъ просилъ оставить ему шубу, говоря, что онъ можетъ простудиться и умереть, а у него на рукахъ много больныхъ и притомъ бѣдныхъ, которымъ нужна его помощь. Отвѣтъ грабителей и ихъ дальнѣйшія, внушительныя угрозы, понятны. «Если вамъ такъ плохо, что вы пошли на такое дѣло, — сказалъ имъ тогда старикъ, — то придите за шубой ко мнѣ, я велю ее

Гамокишъ-Гудковскій —

вамъ отдать или прислать, если скажете—куда,—и не бойтесь меня, я васъ не выдамъ,—зовутъ меня докторомъ Гаазомъ и живу я въ больницѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ... а теперь пустите меня, мнѣ надо къ больному...»—«Батюшка, Ѳедоръ Петровичъ!—отвѣчали ему неожиданные собесѣдники,—да ты бы такъ и сказалъ, кто ты! да кто-жъ тебя тронетъ,—да иди себѣ съ Богомъ! если позволишь, мы тебя проводимъ...»

VIII.

Второй видъ *несчастія*,—тяготѣвшаго не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ всею Россіею, и вносившаго язву безправія и, во многихъ случаяхъ, безнравственности въ ея общественный бытъ,—представляло крѣпостное право. «Въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена!»—восклицалъ Хомяковъ, въ гнѣвномъ порывѣ сердца, горячо любящаго Россію и вѣрующаго въ ея великую будущность. Крѣпостное право давало себя чувствовать почти во всѣхъ отправленіяхъ государственнаго организма, нерѣдко извращая ихъ и придавая имъ своеобразный оттѣнокъ. Отражалось оно и на карательной дѣятельности, создавая, на ряду съ осуществленіемъ наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, еще и наказаніе, налагаемое по усмотрѣнію владѣльца «душъ», къ услугамъ котораго были и тюрьма, и ссылка.

Исторія крѣпостного права въ Россіи показываетъ, что неоднократно возникавшее у императора Николая Павловича намѣреніе уничить проявленіе этого права и подготовить его упраздненіе, встрѣчало явное несочувствіе въ окружавшей его средѣ, и что статьи закона, опредѣлявшаго содержаніе крѣпостной власти, возбуждавшія сомнѣнія и требовавшія толкованія, послѣ долгихъ проволочекъ и откладываній, упорно и настойчиво разъяснялись мнѣніями государственнаго совѣта и изворотливыми рѣшеніями сената въ суровомъ смыслѣ, имѣвшемъ почти всегда въ виду исключительно интересы помѣщиковъ. Достаточно припомнить исторію предполагавшагося еще при Александрѣ I воспрещенія продажи людей поодиночкѣ и безъ земли, которое въ 1834 году было надолго похоронено Департаментомъ за-

коновъ «въ ожиданіи времени, когда явятся обстоятельства, благопріятныя столь важной перемѣнѣ», при чемъ еще ранѣе знаменитый Мордвиновъ, блистательно подтверждая слова Дениса Давыдова: «а глядишь, нашъ Лафайетъ, Брутъ или Фабрицій...»—доказывалъ благотворность продажи людей поодиночкѣ тѣмъ, что при ея посредствѣ «отъ лютаго помѣщика проданный рабъ можетъ переходить въ руки мягкосердаго господина».

Поэтому и карательная власть помѣщиковъ не только узаконялась въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, но и получала, въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ къ закону, едва ли предвидѣнное имъ дальнѣйшее расширеніе. Лишь въ случаѣ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, помѣщикъ долженъ былъ обращаться *непремѣнно* къ суду. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства или управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ, или даже и постороннихъ, но обратившихся къ заступничеству помѣщика или управляющаго, крѣпостного наказывали домашнимъ образомъ, безъ суда, розгами или палками и арестомъ въ сельской тюрьмѣ. Контроля надъ числомъ розогъ или палокъ не было, да и быть не могло, а устройство сельской тюрьмы и ея «приспособленій» предоставлялось усмотрѣнію и изобрѣтательности владѣльцевъ, знакомство коихъ съ сочиненіями Говарда и докладами квакеровъ и Венинга было болѣе чѣмъ сомнительно. Если вина представлялась особо важною или мѣры домашняго исправленія оказывались безуспѣшными, виновные отсылались, на основ. 335 и 337 ст. XIV т. св. з. (изд. 1842 г.), въ смирительные и рабочіе дома, а также въ арестантскія роты, на срокъ, «самимъ владѣльцемъ опредѣленный». Лишь въ 1846 году этотъ срокъ былъ установленъ закономъ, а именно: для смирительнаго и рабочаго дома до трехъ мѣсяцевъ, а для арестантскихъ ротъ до шести мѣсяцевъ. Но если этого, въ виду «продерзостныхъ поступковъ и нетерпимаго поведенія» провинившагося, казалось помѣщику, или, до 1854 года, его управляющему—мало, то они имѣли право лишить виновнаго своего отеческаго попеченія и удалить его отъ себя навсегда, отдавъ въ зачетъ или безъ зачета въ рекруты, или предоставить его въ распоря-

женіе губернскаго правленія, которое, на основаніи указа 1822 года, «не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика», свидѣтельствовало представленнаго—и, въ случаѣ годности къ военной службѣ, обращало въ оную, а въ случаѣ негодности — направляло на поселеніе въ Сибирь. Въ 1827 году альтернативность распоряженій губернскаго правленія была ограничена, и въ случаѣ, если помѣщикъ представлялъ для ссылаемаго одежду и кормовыя деньги до Тобольска и обязывался платить за него подати и повинности до ревизіи, послѣдній шелъ прямо на поселеніе въ Сибирь, если только не былъ дряхлъ, увѣченъ или старше 50 лѣтъ, при чемъ съ нимъ должны были слѣдовать — жена (хотя бы до замужества она и была свободнаго состоянія) и дѣти—мальчики до 5 лѣтъ отъ роду, дѣвочки до 10 лѣтъ (т. XIV, изд. 1842 г., ст. 352). Наконецъ, помѣщикамъ было, въ 1847 году, разрѣшено удалять несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 л. возраста, за порочное поведеніе, отдачею ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое сдавало мальчиковъ въ кантонисты, а дѣвочекъ распредѣляло по казеннымъ селеніямъ. Это распоряженіе, допускавшее даже и въ осьмилѣтнихъ «продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе» и дававшее возможность самаго мучительнаго произвола по отношенію къ ихъ родителямъ, начала стыдливо скрывалось въ тиши безгласности, не будучи распубликовано во всеобщее свѣдѣніе, но въ 1857 г. оно подняло забрало и появилось на страницахъ свода въ 403 ст. т. XIV.

Какъ велико было количество ссылаемыхъ по распоря-

женію помѣщиковъ—нынѣ, за отсутствіемъ статистическихъ свѣдѣній, опредѣлить трудно, но что оно было значительно, видно уже изъ того, что въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета, съ 1829 года по 1853 г., имѣется 1.060 статей, относящихся къ разнымъ вопросамъ, возникавшимъ по поводу ссылаемыхъ помѣщиками крестьянъ и дворовыхъ. Въ этихъ статьяхъ содержатся указанія на 1.382 человѣка, подвергнутыхъ удаленію въ Сибирь, при коихъ слѣдовало свыше пятисотъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей. Изъ представленной, напримѣръ, Гаазомъ генералъ-губернатору вѣдомости о лицахъ (57), задержанныхъ имъ на этапѣ, при отправленіи 20-го августа 1834 года партіи въ 132 человѣка, видно, что въ числѣ этихъ 57 было 17 человѣкъ въ возрастѣ отъ 31 до 50 лѣтъ, ссылаемыхъ по распоряженію трехъ помѣщицъ и одного помѣщика, причемъ за ними слѣдовало добровольно 7 женъ и двое дѣтей—6 мѣсяцевъ и 4 лѣтъ. Искать справедливости или правомѣрности въ карѣ, постигавшей этихъ людей, было бы излишнимъ трудомъ. Безконтрольное усмотрѣніе, само опредѣляющее свои основанія, предоставленное помѣщикамъ, въ самомъ себѣ заключало и достаточный поводъ для сомнѣнія въ справедливости и человѣчности предпринятой карательной мѣры. Тамъ, гдѣ человѣку было присвоено, въ видѣ собственности, много душъ, дозволительно было сомнѣваться, ощущалъ ли онъ подчасъ, подъ вліяніемъ «негодованія», въ себѣ свою собственную. Эти соображенія, вмѣстѣ съ разсказами и скорбью ссылаемыхъ, не могли не вліять на Гааза. Предъ нимъ не было «непокорныхъ рабовъ», уже искупившихъ въ его глазахъ, во всякомъ случаѣ, свою вину, если она и была, перенесенными нравственными страданіями и своевременными «домашними» мѣрами исправленія; предъ нимъ были *несчастные люди*, и онъ всѣми мѣрами старался смягчить ихъ несчастіе, дѣйствуя и на почвѣ юридической, и на почвѣ фактической.

Въ первомъ отношеніи онъ возбудилъ въ комитетѣ вопросъ о толкованіи 315 и 322 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест. тома XIV в. з. 1832 г. Пользованіе предоставленнымъ помѣщикамъ 315 статьею правомъ отсылать въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ не было безповоротнымъ, такъ какъ 322 ст. давала имъ право просить о возвращеніи

этихъ людей, если еще не состоялось опредѣленія губернскаго правленія о ссылкѣ или когда оно не приведено еще на мѣстѣ въ исполненіе. Это послѣднее недостаточно опредѣленное выраженіе закона на практикѣ толковалось весьма различно. Одни—и между ними московское губернское правленіе, а также московскіе губернскіе прокуроры, до назначенія въ эту должность, уже послѣ смерти Гааза, Д. А. Ровинскаго—признавали, что слова *«на мѣстѣ»* обозначаютъ мѣстное губернское правленіе, по мѣсту жительства помѣщика, и что, поэтому, моментъ отправки ссылаемаго изъ губернскаго города закрываетъ всякую возможность ходатайства о его возвращеніи; другіе находили, что подъ *исполненіемъ* на мѣстѣ надо разумѣть доставленіе администраціею ссылаемаго на этапный пунктъ, гдѣ онъ поступаетъ въ вѣдѣніе чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и о немъ посылается увѣдомленіе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Наконецъ, третьи—и въ томъ числѣ прежде всѣхъ Гаазъ, опиравшійся въ своемъ толкованіи, какъ онъ выражался въ комитетѣ, на мнѣніе «одного чиновника правительствующаго сената», съ которымъ онъ ѣздилъ совѣтоваться,—считали, что *мѣстомъ* приведенія въ исполненіе опредѣленія губернскаго правленія, состоявшагося по требованію помѣщика, слѣдуетъ признавать Сибирь, такъ что право возвратить крѣпостного должно принадлежать помѣщику до самаго водворенія сосланнаго въ назначенномъ для него мѣстѣ,—слѣдовательно, во все время пути по Россіи и Сибири. Вопросъ о примѣненіи такого толкованія былъ возбужденъ Гаазомъ при обсужденіи просьбы орловскаго помѣщика К. о возвращеніи ему изъ московской пересыльной тюрьмы сосланнаго имъ въ Сибирь двороваго,—но комитетъ съ нимъ не согласился и отказалъ помѣщику. Послѣдній, вѣроятно сознавая поспѣшность и несправедливость принятой имъ мѣры и желая исправить послѣдствія своихъ дѣйствій, заявилъ комитету, что отказывается отъ всякихъ правъ на своего двороваго и проситъ лишь освободить его отъ слѣдованія въ Сибирь. Но комитетъ остался непреклоненъ. Тогда Гаазъ обратился съ ходатайствомъ къ генералъ-губернатору объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ распоряженія орловскаго губернскаго правленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ въ комитетъ съ представленіемъ,

въ которомъ подробно развивалъ свой взглядъ. Онъ подкрѣплялъ его ссылками на законы о бродягахъ, указывая, что крѣпостные, задержанные какъ бродяги, по ихъ опознаніи, возвращаются владѣльцамъ даже и изъ Сибири, съ мѣста водворенія. Онъ прибѣгалъ къ граматическимъ и логическимъ толкованіямъ 322 ст. XIV т. и къ ряду нравственныхъ соображеній—и требовалъ ходатайства комитета объ истолкованіи въ законодательномъ порядкѣ приведенной статьи въ изложенномъ имъ смыслѣ для одинаковаго повсюду ея примѣненія. Поддерживая свое представленіе въ комитетѣ и исходя изъ мысли о необходимости дать помѣщику возможность одуматься и, вырвавшись изъ-подъ гнёта гнѣва, исправить причиненное имъ въ ослѣпленіи раздраженія зло,—Гаазъ становился и на утилитарную почву, говоря: «симъ помѣщикъ можетъ предупреждать преступленія между крѣпостными людьми, а именно способомъ дѣйствія на нравственность своихъ людей правомъ помилованія». Великодушное домогательство его не было, однако, уважено комитетомъ, и на представленіи его, кромѣ помѣты: «читано 24 іюля 1842 года», никакой другой резолюціи нѣтъ...

Значительно успѣшнѣе боролся онъ противъ волновавшихъ его сердце крайнихъ проявленій крѣпостного права на почвѣ фактической, гдѣ вопросъ рѣдко принималъ принципіальный характеръ. Осуществленіе права ссылки крѣпостныхъ имѣло одну особенно мрачную сторону. Воспрещая продавать отцовъ и матерей отдѣльно отъ дѣтей, законъ оставилъ безъ всякаго разрѣшенія вопросъ о судьбѣ дѣтей ссылаемыхъ помѣщиками крѣпостныхъ. Разлучить со ссылаемымъ мужемъ жену—помѣщики не имѣли права, но отдать или не отдать ссылаемому и слѣдовавшей за нимъ женѣ ихъ дѣтей, достигшихъ—мальчики 5-лѣтняго, а дѣвочки 10-лѣтняго возраста,—зависѣло вполнѣ отъ расчета и благосклоннаго усмотрѣнія безапелляціонныхъ рѣшителей ихъ судьбы. Судя по дѣламъ московскаго тюремнаго комитета, дѣти отдавались родителямъ скупо и неохотно, за исключеніемъ совершенно малолѣтнихъ, не представлявшихъ изъ себя еще на долгое время какой-либо рабочей силы. Чѣмъ старше были дѣти, тѣмъ труднѣе было получить для нихъ увольненіе. Можно себѣ представить состояніе отцовъ и, въ особенности, матерей, которымъ приходилось, уходя въ Сибирь,

оставлять сыновей и дочерей навсегда, безъ призора и ласки, зная, что ихъ судьба вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ тѣхъ, кто безжалостною рукою разрывалъ связи, созданныя природою, освященныя Богомъ...

Гаазъ горячо хлопоталъ о смягченіи этого печальнаго положенія вещей. Журналы тюремнаго комитета полны его ходатайствами о сношеніи съ помѣщиками для разрѣшенія дѣтямъ ссылаемыхъ крѣпостныхъ слѣдовать въ Сибирь за родителями. Со свойственнымъ ему своеобразнымъ краснорѣчіемъ рисуетъ онъ предъ комитетомъ тяжкое положеніе матерей, настойчиво взывая о заступничествѣ комитета за драгоцѣннѣйшія человѣческія права... «Nolite quirites hanc saevitiam!» слышится во всѣхъ его двухстахъ-семнадцати ходатайствахъ этого рода. А «saevitia» была столь бо́льшая, что горячая просьба Гааза нерѣдко трогала комитетъ, побуждая его, чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ, входить въ сношенія съ помѣщиками или, вѣрнѣе, помѣщицами, ибо надо замѣтить, что по меньшей мѣрѣ въ трехъ чертвертяхъ всѣхъ случаевъ подобныхъ сношеній, оставившихъ свой слѣдъ въ журналахъ комитета, приходилось имѣть дѣло съ помѣщицами. Иныя барышни, воз-

росшія на крѣпостной почвѣ, почувствовавъ въ рукахъ власть, какъ видно, быстро забывали и чувствительные романсы, и нравоучительные романы, и поспѣшно стирали съ себя невольный поэтическій налетъ молодости.

Такъ, напр., въ 1834 году чрезъ московскую пересыльную тюрьму проходятъ 8 человѣкъ женатыхъ крестьянъ московской помѣщицы А—вой въ сопровожденіи женъ, но при нихъ отпущено всего лишь двое дѣтей—дѣвочка 6 лѣтъ и мальчикъ 4 мѣсяцевъ; въ томъ же году проходятъ семь мужчинъ, крѣпостныхъ г-жи Г—ой, изъ коихъ сопровождаются женами четыре — и при нихъ отпущена лишь одна малолѣтняя дѣвочка; въ 1836 году помѣщица Р—на ссылаетъ въ Сибирь крестьянина Семенова, за которымъ слѣдуетъ жена, четыре малолѣтнихъ сына и отпущенный съ согласія госпожи, для сбора подаяній, престарѣлый отецъ Семенова, но на ходатайства комитета объ отпускѣ трехъ остальныхъ сыновей—13, 15 и 17 лѣтъ, Р—на сначала отвѣчаетъ отказомъ, а затѣмъ, послѣ долгой переписки, наконецъ соглашается отпустить младшаго—Андрея, съ тѣмъ, однако, чтобы ей не нести никакихъ по препровожденію его въ Сибирь, въ догонку за родителями, расходовъ, въ чемъ комитетъ ее и успокоиваетъ. Въ 1843 году комитетъ, по настоянію Гааза, ходатайствуетъ предъ помѣщицею К—ой о разрѣшеніи слѣдующей за ссылаемымъ по ея распоряженію мужемъ крестьянкѣ Лукерьѣ Климовой взять съ собою трех-

лѣтнюю дочь, но К—ва согласія на это, прямо даже вопреки закону, не изъявляетъ. Тогда, какъ записано въ журналѣ отъ 3-го августа, докторъ Ѳ. П. Гаазъ, очевидно опасаясь канцелярской волокиты при перепискѣ объ обязанности К—ой отпустить дочь Климовой, по окончаніи которой фактически окажется невозможнымъ отправить въ Сибирь 3-лѣтняго ребенка за ушедшей раньше матерью,—«изобразивъ отчаяніе матери при объявленіи ей такового отказа, приситъ комитетъ испытать послѣднее средство: довести до свѣдѣнія помѣщицы чрезъ калужскій тюремный комитетъ, не склонится ли она на просьбу матери за нѣкоторое денежное пожертвованіе, предлагаемое *чрезъ него* однимъ *благотворительнымъ лицомъ*. Сокрушеніе Климовой тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что она не можетъ удовлетворить матернему чувству иначе, какъ оставивъ идущаго въ ссылку мужа»...

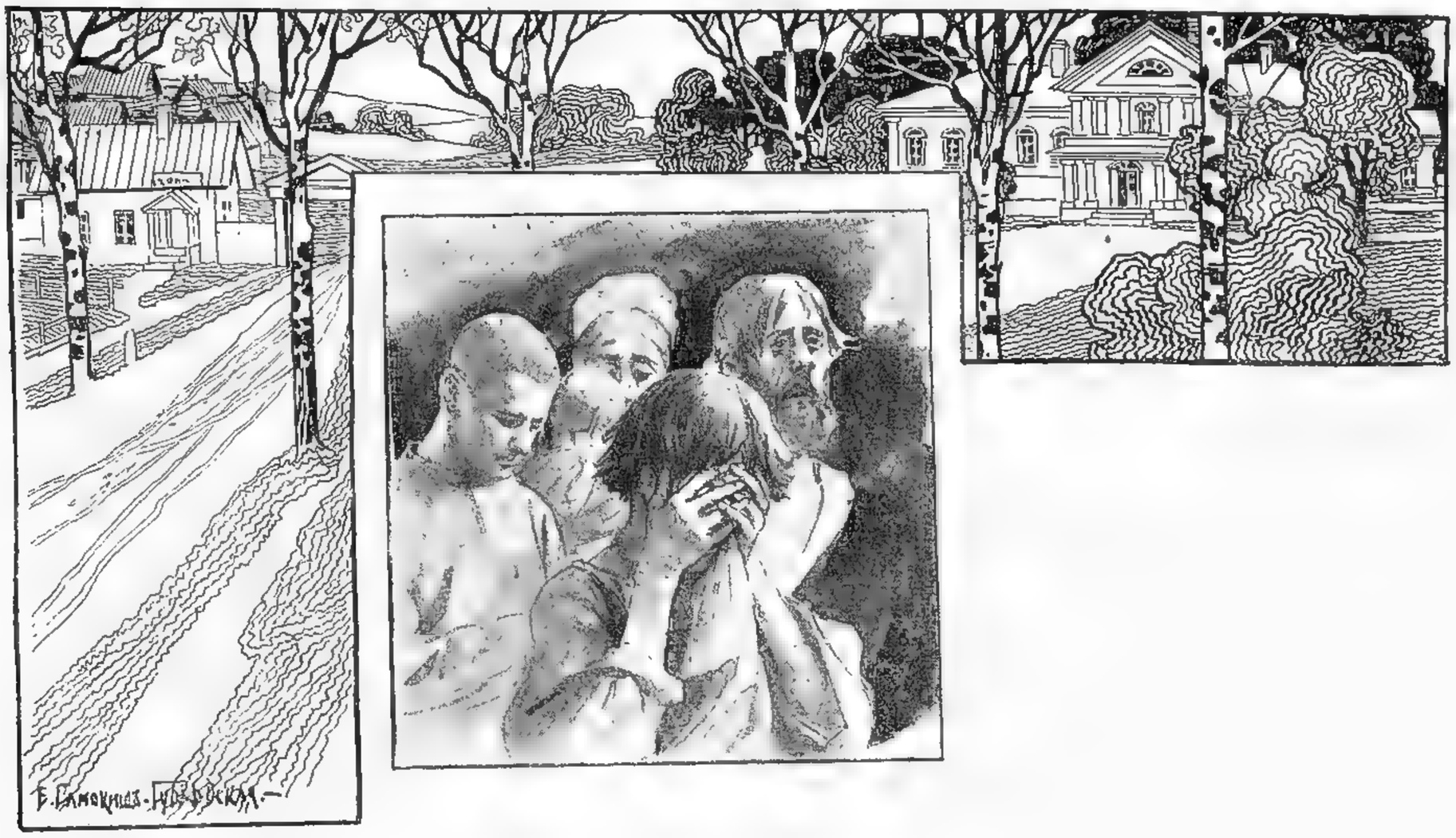
Заявленія Гааза объ *одномъ благотворительномъ лицѣ*, желающемъ, оставаясь неизвѣстнымъ, облегчать чрезъ него, Гааза, страданія родителей, разлучаемыхъ съ дѣтьми, — довольно часты, особливо въ тридцатыхъ годахъ, и, повидимому, находятся въ связи съ постепеннымъ исчезновеніемъ личныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ имъ когда-то обширною медицинскою практикою. Съ 1840 года ему приходитъ на помощь Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ (отецъ Юрія и Дмитрія Ѳедоровичей), который принимаетъ на себя пожизненное обязательство вносить ежегодно по 2.400 р. ассигнаціями въ комитетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ производились пособія «женамъ съ дѣтьми, сопровождающимъ въ ссылку несчастныхъ мужей своихъ», а также тѣмъ изъ осужденныхъ, «кои вовлечены въ преступленіе стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ или пришли въ раскаяніе послѣ содѣяннаго преступленія». Изъ этого капитала оказывалась, по просьбамъ и указаніямъ Гааза, помощь и дѣтямъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., въ 1842 году помѣщица В—ва ссылаетъ въ Сибирь своего крестьянина Михайлова и не разрѣшаетъ женѣ его взять съ собою никого изъ 6 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Выслушавъ въ пересыльной тюрьмѣ печальную повѣсть Михайловой, Гаазъ поднимаетъ тревогу, и г-жа В—ва. послѣ неоднократныхъ просьбъ комитета, постепенно опускаетъ съ родителями пять человѣкъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ, и,

наконецъ, уже въ 1844 году, послѣднюю, Ефимью, 16 лѣтъ отъ роду, за небольшое вознагражденіе со стороны «одной благотворительной особы». Но Ефимья, отправленная въ Сибирь на средства изъ «Самаринскаго капитала», не застаетъ уже родителей, умершихъ еще въ 1843 году въ Тюмени, и тогда ей посылается изъ того же капитала еще 200 р. на обратный путь, вмѣстѣ съ другими сиротами. Такъ, въ 1847 г. отпущена слѣдовать за мужемъ, ушедшимъ въ ссылку раньше, крестьянка Ѳеодосья Ильина съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Въ виду неизвѣстности пребыванія мужа въ Сибири, по особому настоянію Гааза, ей разрѣшается идти не съ партіею, и изъ суммъ «Самаринскаго капитала» разсылается по мѣстнымъ тюремнымъ комитетамъ на большомъ сибирскомъ трактѣ 250 р. с. для выдачи, по частямъ, Ильиной.

Но не одинъ выкупъ крѣпостныхъ дѣтей, для возвращенія ихъ родителямъ, былъ, по почину Гааза, совершаемъ московскимъ тюремнымъ комитетомъ (всего съ 1829 по 1853 г. выкуплено на свободу на средства комитета и, главнымъ образомъ, на представленныя и собранныя Гаазомъ деньги—семьдесятъ-четыре души).

Этотъ неутомимый заступникъ за несчастныхъ побуждалъ иногда комитетъ къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ въ виду устраненіе тяжелыхъ страданій, не только уже существующихъ въ настоящемъ, но и предполагаемыхъ въ будущемъ. Такъ, напр., въ 1838 году Гаазъ сообщалъ комитету, что содержащійся въ тюремномъ замкѣ «непомнящій родства бродяга Алексѣевъ «случаемъ чтенія Новаго Завѣта, тронутый словомъ Божіимъ, смирился силою совѣсти и открылъ, что онъ—бѣглый дворовый помѣщика Д., къ которому и долженъ быть нынѣ отправленъ». Опасаясь, однако, что Алексѣевъ будетъ подвергнутъ своимъ владѣльцемъ суровымъ наказаніямъ, онъ убѣждалъ комитетъ принять мѣры «къ умягченію гнѣва помѣщика» и о томъ же, въ особой запискѣ, просилъ мѣстнаго губернатора, къ которому комитетъ, со своей стороны, постановилъ препроводить заявленіе Гааза. Такъ, въ 1847 году онъ принимаетъ теплое участіе въ судьбѣ крестьянина помѣщика К., Философа Кривобокова, возвращаемаго къ владѣльцу съ женою и маленькою дочерью; такъ, въ 1844 году онъ проситъ коми-

тетъ войти въ несчастное положеніе двороваго мальчика помѣщика Р., Селиверста Осипова, у котораго отъ отмороженныхъ ногъ отпали стопы и котораго желательно обучить грамотѣ и пристроить куда-нибудь, если Р. согласится дать ему свободу...



IX.

Была въ заключеніи еще одна категорія людей, по большей части тоже *несчастныхъ*, такъ какъ не однихъ провинившихся противъ уголовнаго закона или противъ помѣщиковъ принимала въ свои стѣны московская тюрьма разныхъ наименованій. Въ нее вступали и виновные въ неисполненіи своихъ гражданскихъ обязательствъ. Внутри зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на Воскресенской площади, рядомъ съ Иверскою часовнею, на мѣстѣ нынѣшней городской думы, помѣщалась знаменитая «Яма». Такъ называлась долговая тюрьма, мѣсто содержанія неисправныхъ должниковъ, находившееся ниже уровня площади. Здѣсь, въ разлукѣ съ семьею, въ принудительномъ сообществѣ случайныхъ сотоварищей по заключенію, въ вынужденномъ бездѣйствіи, содержались неисправные должники, относительно которыхъ угроза кредиторовъ «посадить въ Яму» была фактически осуществляема представленіемъ «кормовыхъ денегъ». Населеніе «Ямы» было довольно пестрое: въ ней, какъ видно изъ замѣчаній сенатора Озерова, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, содержались также дворовые люди, присланные помѣщиками «въ наказаніе», и очень стѣсняли другихъ жильцовъ «Ямы». Единство и равенство въ способахъ надзора и размѣрахъ ограниченія личной свободы существовало только на бумагѣ.

Среди этого населенія была группа совершенно своеобразныхъ должниковъ. Это были бывшіе арестанты, отбывшіе свои сроки на-

казанія въ тюрьмѣ, рабочемъ и смирительномъ домахъ, но имѣвшіе несчастіе заболѣть во время своего содержанія подъ стражею. Ихъ лѣчили въ старой Екатерининской больницѣ и стоимость лѣченія, по особому росписанію, вносили въ счетъ. Когда наступалъ день окончанія срока заключенія, освобождаемому предъявляли этотъ счетъ, иногда очень крупный, если тюрьма, при своихъ гигіеническихъ порядкахъ, наградила его недугами, требовавшими продолжительнаго лѣченія. Обыкновенно у освобождаемаго, который, почти при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ работъ въ мѣстѣ заключенія, часто выходилъ изъ него «голъ какъ соколъ», не было средствъ уплатить по счету, и его переводили въ «Яму», зачисляя должникомъ казны. Срокъ пребыванія въ «Ямѣ» сообразовался съ размѣромъ недоимки... Несомнѣнно, что такіе «неисправные должники» чувствовали на себѣ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, тяжесть сидѣнья въ «Ямѣ»,—послѣ промелькнувшей предъ ними возможности свободы,—съ особою силою. Самое пребываніе ихъ въ ней звучало для нихъ горькою ироніею. Заслуживъ себѣ свободу иногда нѣсколькими годами заключенія за преступленіе, они лишались ея вновь за новую вину, избѣжать которой было не въ ихъ власти:—они дозволили себѣ быть больными!

Впрочемъ изъ разсмотрѣнія дѣлъ московскаго тюремнаго комитета оказывается, что содержаніе въ «Ямѣ» являлось привилегіей особо избранныхъ, а крестьяне и, въ особенности, крестьянки оставлялись «на высидкѣ до уплаты долга приказу общественнаго призрѣнія» тамъ же, гдѣ содержались по приговору суда, причемъ, въ случаѣ особой болѣзненности арестантки или хроническаго у нея недуга, лишеніе свободы грозило продлиться всю ея жизнь. Такъ, изъ донесеній Гааза комитету видно, что въ іюлѣ 1830 г. въ московскомъ тюремномъ замкѣ содержалась крестьянка Дарья Ильина за неплатежъ 30 рублей, издержанныхъ на ея лѣченіе,—а въ сентябрѣ въ тотъ же замокъ посажена даже и не арестантка, судившаяся и отбывшая наказаніе, а бывшая крѣпостная помѣщика Цвѣткова, Матрена Иванова. Она была поднята на улицѣ въ болѣзненномъ состояніи «отъ чрезмѣрнаго кровотеченія» и отправлена въ Екатерининскую больницу, пробывъ въ

которой семь мѣсяцевъ, вернулась къ помѣщику со счетомъ за лѣченіе. Но онъ предпочелъ дать ей вольную. Съ этого времени она стала должницею приказа общественнаго призрѣнія и безъ дальнихъ околичностей была посажена въ тюрьму «впредь до удовлетворенія претензіи».—«Неизвѣстное благотворительное лицо» выкупило ее, чрезъ посредство Гааза.

На этого рода неисправныхъ должниковъ обратилъ Гаазъ особое вниманіе и уже въ 1830 году сталъ хлопотать объ организаціи «искупленія должниковъ». Онъ внесъ въ комитетъ небольшой капиталъ, увеличившійся затѣмъ доставленными ему пожертвованіями (между прочимъ, отъ Скарятиной 200 р. и отъ Сенявиной 100 р.) и ежегоднымъ отпускомъ особой суммы со стороны комитета, для выкупа несостоятельныхъ должниковъ, содержащихся въ московской долговой тюрьмѣ *за недоимки*. По предложенію его, комитетъ постановилъ—ежегодно, въ день кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества, императора Александра I,—производить выкупъ подобныхъ должниковъ. Гаазъ сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за точнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностью обозначеніемъ размѣровъ недоимки, числившейся за ними, не жалѣя времени и труда на справки и личныя провѣрки, сопряженныя съ разными непріятностями. Какъ видно изъ дѣлъ комитета, 1840-й годъ особенно богатъ въ жизни Гааза столкновеніями и препирательствами въ этомъ отношеніи съ тюремнымъ начальствомъ и присяжными попечителями. Затѣмъ переписка по этимъ вопросамъ уменьшается и прекращается вовсе. Повидимому, противники неугомоннаго старика махнули на него рукой и стали ему уступать, не споря...

За стѣнами долговой тюрьмы оставалась *семья* должника. Она лишалась своего кормильца, а «кормовыхъ денегъ» не получала. Мысль и о ней тревожила Гааза. Въ мартѣ 1832 года, по его почину и при дѣятельномъ участіи одного изъ выдающихся директоровъ комитета, Львова, комитетъ постановилъ отдѣлять часть изъ своихъ суммъ *на помощь семействамъ* содержащихся въ долговой тюрьмѣ, предоставивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ Львову и Гаазу. Послѣдній, по словамъ А. К. Жизневскаго, часто посѣщалъ эту тюрьму и входилъ во всѣ

подробности жизни содержащихся, помогая дѣйствительно несчастнымъ между ними — словомъ и дѣломъ, заступничествомъ и посредничествомъ.

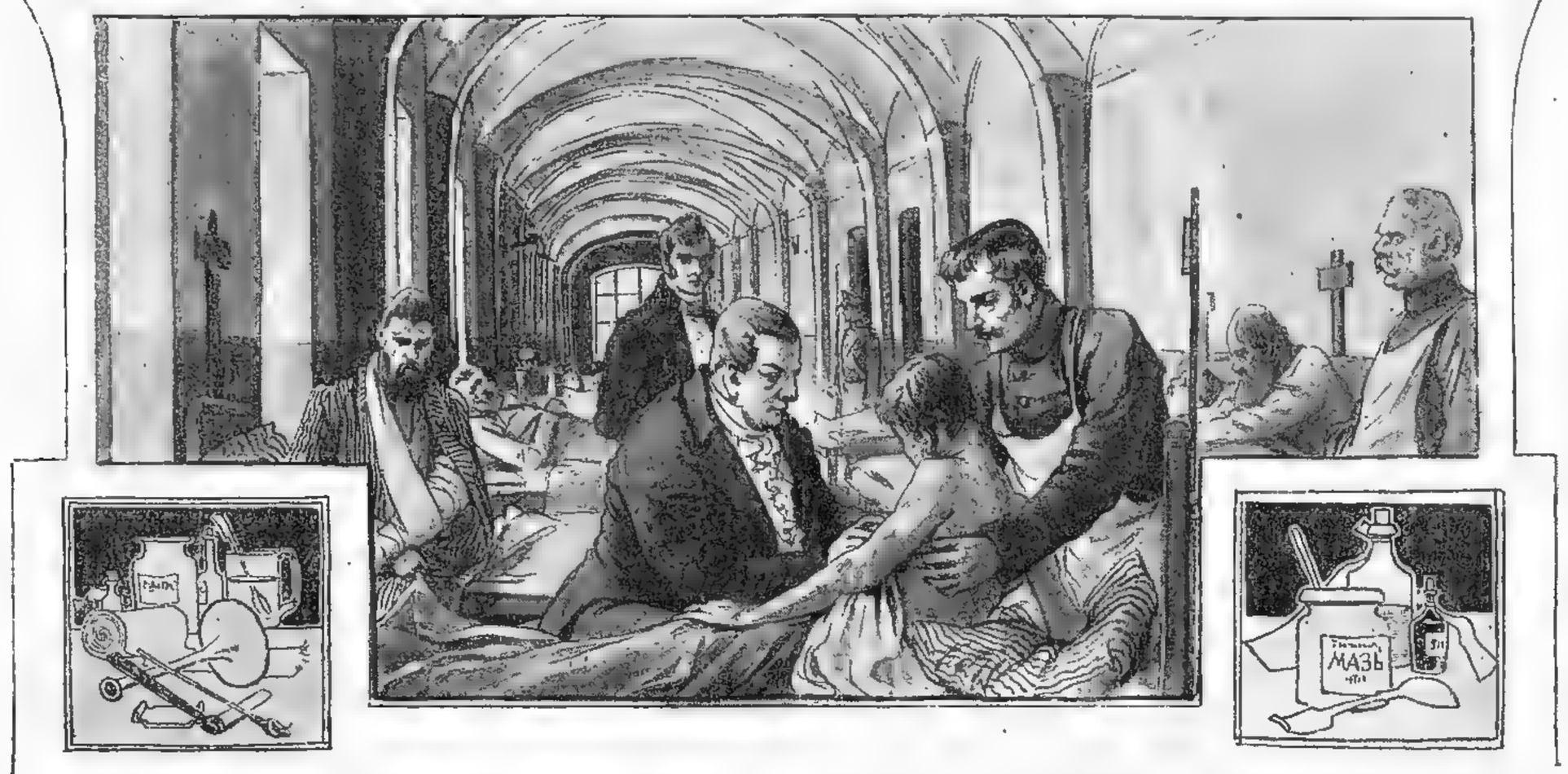
X.

Дѣятельность Гааза по отношенію къ *больному* ничѣмъ не отличалась отъ его дѣятельности по отношенію къ *преступному* и къ *несчастному* человѣку. И въ области прямого призванія и служебныхъ обязанностей отзывчивое сердце Ѳедора Петровича, полное возвышеннаго безпокойства о людяхъ давало себя чувствовать на каждомъ шагу.

Въ завѣдываніи Гааза, назначеннаго главнымъ врачомъ московскихъ тюремныхъ больницъ, находились: мужская больница на 72 кровати при тюремномъ замкѣ, устроенная на пожертвованія, по проекту его друга, доктора Поля, вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и недостаточныхъ палатъ, въ одномъ изъ коридоровъ замка; затѣмъ, отдѣленіе ея на Воробьевыхъ горахъ для пересыльныхъ и, наконецъ, помѣщеніе для больныхъ арестантовъ при старой Екатерининской больницѣ. Съ 1838 по 1854 г. въ тюремныхъ больницахъ числилось больныхъ 31.142 человѣка; въ лазаретѣ пересыльной тюрьмы—12.673. Когда, въ 1839 и 1840 годахъ въ губернскомъ замкѣ съ чрезвычайною силою развился тифъ, послѣднее помѣщеніе было очень расширено и вмѣщало до 400 больныхъ обоего пола. По прекращеніи эпидеміи, Гаазъ сталъ хлопотать, чтобы число кроватей не было сокращаемо. Въ полицейскія части, для кратковременнаго содержанія или для «вытрезвленія», поступали часто больные чесоткою и, какъ выражался народъ, «французскою болѣзнью». Отпущенные домой, они грозили сообщеніемъ своихъ прилипчивыхъ недуговъ окружающимъ. Заботиться о лѣченіи большинства изъ нихъ было некому, а у самихъ больныхъ не было ни средствъ, ни охоты. Гаазъ выпросилъ у князя Голицына распо-

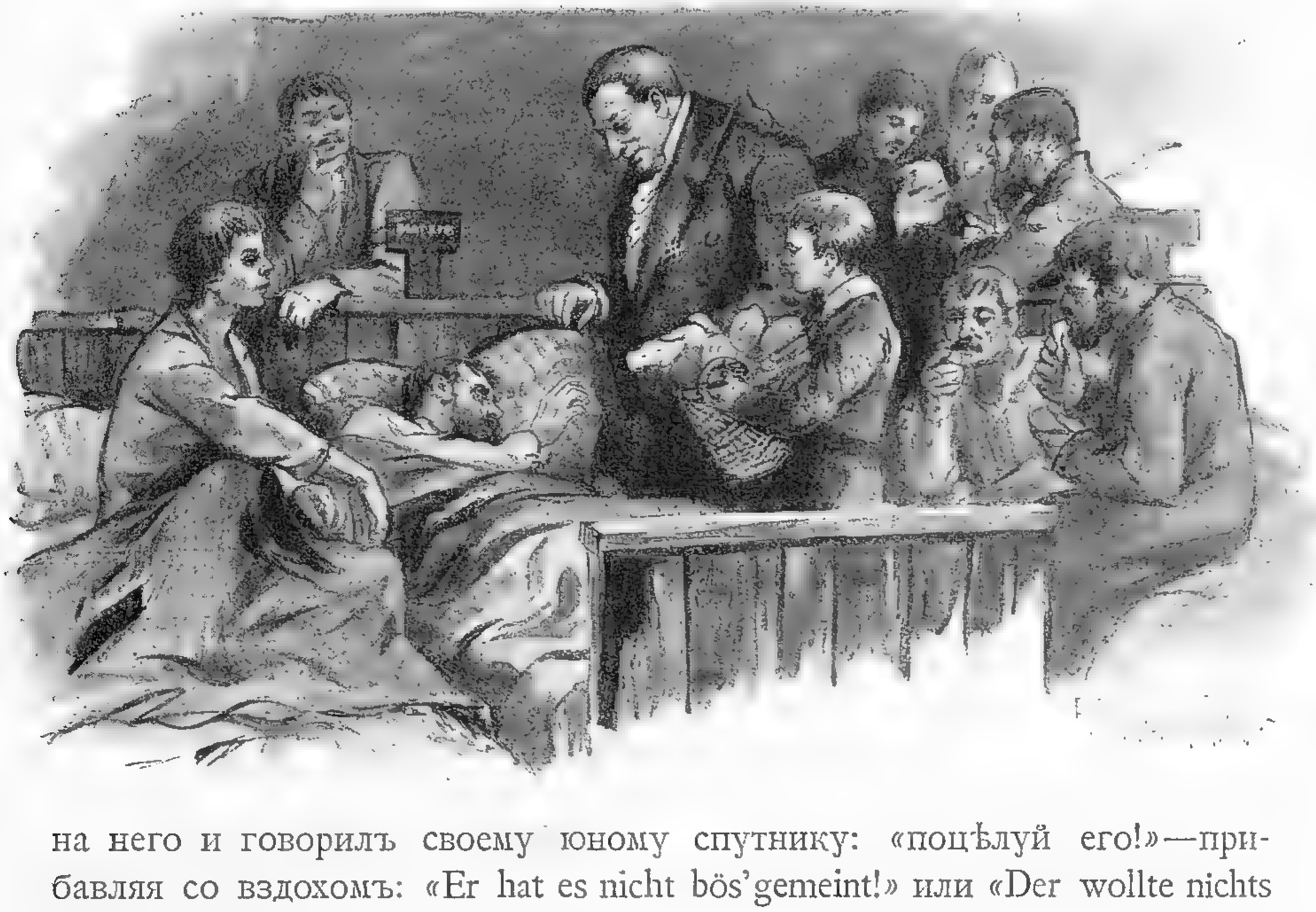
ряженіе о присылкѣ такихъ больныхъ въ пустовавшій тюремный лазаретъ при Старо-Екатерининской больницѣ и о даровомъ ихъ пользованіи. Первоначально онъ и жилъ при этой больницѣ, въ маленькой квартирѣ.

Зная правила Гааза, излишне говорить о заботливости его о больныхъ и о вниманіи къ ихъ душевному состоянію, независимо отъ врачеванія ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Обходя палаты, онъ требовалъ, чтобы его сопровождали ординаторы, фельдшеры и впервые имъ введенныя сидѣлки мужскихъ больничныхъ палатъ. Онъ просилъ о томъ



же и священниковъ при церквахъ тюремнаго и пересыльнаго замковъ. Часто, садясь на край кровати больного, онъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду о его семьѣ, объ оставленныхъ дома,—нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства. Въ первый день Пасхи онъ обходилъ всѣхъ больныхъ и христосовался со всѣми;—то же дѣлалъ онъ въ губернскомъ замкѣ и на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ обыкновенно бывалъ у заутрени. Въ большіе праздники и въ день своихъ именинъ, какъ разсказывалъ о немъ его крестникъ, докторъ Зедергольмъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ пастора, современника Гааза,—Ѳедоръ Петровичъ получалъ, вмѣстѣ съ поздравленіями, много сладкихъ пироговъ и тортовъ отъ знакомыхъ. Собравъ ихъ всѣ съ види-

мымъ удовольствіемъ, онъ рѣзалъ ихъ на куски и, сопровождаемый Зедергольмомъ или кѣмъ-нибудь другимъ, отправлялся къ больнымъ арестантамъ раздавать ихъ. Много разъ, въ присутствіи своего крестника, Гаазъ участливо разспрашивалъ арестантовъ о здоровьѣ, называя ихъ ласковыми именами: «голубчикомъ», «милымъ» и т. д., справляясь, хорошо ли они спали и видѣли ли пріятные сны. Иногда, останавливаясь у постели какого-нибудь больного, онъ задумчиво глядѣлъ



на него и говорилъ своему юному спутнику: «поцѣлуй его!»—прибавляя со вздохомъ: «Er hat es nicht bös'gemeint!» или «Der wollte nichts Böses machen!»

Но не въ одномъ человѣчномъ отношеніи, даже не въ стремленіи дѣломъ и примѣромъ приложить къ больнымъ старинное правило искусства «tuto, cito et jucunde», какъ писалъ онъ въ «Инструкціи врачамъ»,—состояла его главная заслуга въ чисто-врачебной области дѣятельности. Онъ связалъ свое имя съ учрежденіемъ, созданнымъ его непрестанными и самоотверженными усиліями. Благодаря ему — и ис-

ключительно ему—выросла на Покровкѣ, въ Мало-Казенномъ переулкѣ, въ заброшенномъ и приходившемъ въ ветхость домѣ упраздненнаго ортопедическаго института—*Полицейская больница для безпріютныхъ*, которую благодарное простонародье Москвы прочно и безъ колебаній окрестило именемъ «Газовской». «Пріѣхавъ въ 1852 году въ Москву и имѣя порученіе къ Ѳедору Петровичу,—пишетъ намъ А. К. Жизневскій,—я сказалъ первому попавшемуся извозчику: «вези въ Полицейскую больницу.»—«Значитъ, въ Газовскую»,—замѣтилъ тотъ, садясь на облучокъ.—«А ты развѣ знаешь доктора Гааза?»—«Да какъ же Ѳедора Петровича не знать: вся Москва его знаетъ. Онъ помогаетъ бѣднымъ и завѣдуетъ тюрьмами»...—«Ступай! сказалъ я—*и отправился въ особый міръ*»...

Въ 1844 году была учреждена въ Москвѣ больница для чернорабочихъ, захватившая и значительную часть арестантскихъ помѣщеній при Старо-Екатерининской больницѣ. На время производства необходимой поэтому пристройки къ лазарету губернскаго замка, болѣе ста-пятидесяти больныхъ арестантовъ было переведено въ домъ Ортопедическаго института, приспособленный и исправленный на личныя средства Гааза и на добытыя имъ у разныхъ благотворителей. Постоянно разъѣзжая по Москвѣ, встрѣчаясь съ бѣдностью, недугами и несчастіями лицомъ къ лицу, онъ наталкивался иногда на обезсиленныхъ нуждою или болѣзнью, упавшихъ отъ изнеможенія гдѣ-нибудь на улицѣ и рискующихъ, подъ видомъ «мертвецки пьяныхъ», быть отправленными на «съѣзжую» ближайшей полицейской части, гдѣ средства для распознаванія и лѣченія болѣзней въ то время совершенно отсутствовали, а средства «для вытрезвленія» отличались простотою и рѣшительностью. Онъ забиралъ такихъ несчастныхъ въ свою пролетку и везъ въ одну изъ немногочисленныхъ больницъ Москвы. Но тамъ часто не было мѣста, или больной почему-либо не подходилъ подъ спеціальное назначеніе той или другой больницы. Крайне тревожимый этими случаями, Гаазъ рядомъ письменныхъ представленій и личныхъ просьбъ добился отъ Голицына распоряженія о томъ, чтобы, въ случаѣ непринятія больницею заболѣвшихъ безпріютныхъ, полиція присылала ихъ для помѣщенія на свободныя отъ

арестантовъ мѣста временной лѣчебницы въ Мало-Казенномъ переулкѣ. Здѣсь у Гааза мѣсто всегда находилось. При лѣчебницѣ этой была маленькая квартира изъ двухъ комнатъ, въ которой онъ поселился самъ,—и Е. А. Драшусова, знавшая его лично, свидѣтельствуетъ, говоря о немъ, что, когда въ лѣчебницѣ не было мѣста, а поступали новые больные, онъ клалъ ихъ въ своей квартирѣ и ухаживалъ за ними неустанно...

Наконецъ, пристройка къ тюремному лазарету была окончена и

освящена. Въ нее перевели арестантовъ изъ Мало-Казеннаго переулка — и въ лѣчебницѣ оказались лишь безпріютные, не предусмотрѣнные ни въ какомъ уставѣ и не подлежащіе вѣдѣнію тюремнаго комитета. Въ комитетѣ начали подниматься голоса противъ этой лѣчебницы—и ей стало грозить уничтоженіе. Но Гаазъ рѣшился всѣми силами поддержать жизнь своего дѣтища. Получая, въ качествѣ старшаго врача больницы, всего 285 руб. 72 коп. въ годъ, онъ добывалъ средства отъ богатыхъ купцовъ, чтобы ничего не требовать отъ казны на ремонтъ; сражался съ комитетомъ, переписывался съ оберъ-полиціймейстромъ, подъ начальство котораго перешла лѣчебница, умолялъ новаго генералъ-губернатора, князя Щербатова, сохранить учрежденіе, которому симпатизировалъ его предшественникъ,—и добился

того, что «полицейская больница» была признана постоянным учрежденіемъ для пріема больныхъ, поступающихъ на попеченіе полиціи «по внезапнымъ случаямъ, для пользованія и начальнаго поданія безплатной помощи». Къ такимъ больнымъ были отнесены люди, поднимаемые на улицѣ въ безчувственномъ видѣ, не имѣющіе узаконенныхъ видовъ, ушибленные, укушенные, отравленные, обожженные и т. д. Въ ней было положено 150 кроватей, и на каждаго изъ больныхъ и умершихъ стала отпускаться опредѣленная, очень небольшая сумма. Но населеніе Москвы росло, число безпріютныхъ больныхъ увеличивалось, слава «Газовской больницы» проникала въ народъ, отказывать въ пріемѣ Гаазъ былъ не въ силахъ, и вскорѣ число больныхъ, находившихъ себѣ кровъ и уходъ, тепло и помощь, стало превышать установленную норму чуть не вдвое. Началась тягостная переписка съ комитетомъ и разнымъ другимъ начальствомъ, требованіе объясненій и отчетовъ во всякой мелочи, пошло производство начетовъ... Снова стали раздаваться обычныя обвиненія противъ Ѳедора Петровича въ нарушеніи порядка и въ его переходящей здравыя и законныя границы «филантропіи», не желающей ничего знать, кромѣ своихъ излюбленныхъ больныхъ—босоногихъ бродягъ и оборванцевъ. Гаазъ старался отмалчиваться или давалъ объясненія, признаваемыя «явно неудовлетворительными», но числа больныхъ все-таки не сокращалъ. Между служившими при немъ и вскорѣ послѣ него въ полицейской больницѣ сохранился разсказъ о томъ, что выведенный изъ себя жалобами на постоянные переборы, дѣлаемые имъ противъ высшаго предѣла расходовъ на полный комплектъ больныхъ, князь Щербатовъ призвалъ его къ себѣ и, горячо упрекая, требовалъ сокращенія числа больныхъ до нормы. Старикъ молчалъ, поникнувъ головою... Но, когда послѣдовало категорическое приказаніе *не смѣть* принимать новыхъ больныхъ, пока число ихъ не окажется менѣе 150-ти,—онъ вдругъ тяжело опустился на колѣни и, ничего не говоря, заплакалъ горькими слезами. Князь Щербатовъ увидѣлъ, что его требованіе превышаетъ силы старика,—самъ растрогался и бросился поднимать Ѳедора Петровича. Больше о больницѣ не было и рѣчи до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашенію, всѣ, на-

чиная съ генералъ-губернатора, стали смотрѣть на ея «безпорядки» сквозь пальцы. Гаазъ *выплакалъ* себѣ право неограниченнаго пріема больныхъ...

Къ числу этихъ больныхъ, по его настойчивымъ ходатайствамъ, были впослѣдствіи отнесены не только не нашедшіе себѣ пріюта въ

другихъ больницахъ, но и подлежавшіе, по требованію господъ, тѣлесному наказанію при полиціи и заболѣвшіе до экзекуціи или послѣ нея...

Какъ широка была помощь, оказываемая Газовскою больницею, видно изъ того, что съ открытія ея до смерти Гааза въ ней перебывало до 30.000 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло около 21.000.

Больница заботилась не объ одномъ излѣченіи больныхъ, но, по начертанной Гаазомъ программѣ, начальство больницы хлопотало о помѣщеніи престарѣлыхъ въ богадѣльни, объ отправленіи крестьянъ на родину, о снабженіи платьемъ съ умершихъ и деньгами—неимущихъ больныхъ иногородныхъ, объ истребованіи больнымъ паспортовъ, о помѣщеніи дѣтей, рожденныхъ въ больницѣ, на время или постоянно въ воспитательный домъ и о помѣщеніи осиротѣвшихъ дѣтей на воспитаніе къ людямъ, «извѣстнымъ своею честностью и благотворительностью».

Когда Гаазъ былъ практикующимъ врачомъ въ Москвѣ, онъ не любилъ начинять больныхъ лѣкарствами. Другъ знаменитаго въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ Москвѣ терапевта Овера, онъ имѣлъ, однако, свои собственные взгляды на средства лѣченія. Онъ придавалъ значеніе покою и теплу; изъ внѣшнихъ средствъ воздѣйствія на организмъ наиболѣе дѣйствительнымъ признавалъ нынѣ забытый фонтанель, а изъ внутреннихъ—нынѣ снова весьма цѣнимый—каломель. Зная его излюбленныя средства, москвичи добродушно острили надъ нимъ, говоря: «докторъ Гаазъ уложитъ въ *постель*, закутаетъ во *фланель*, поставитъ *фонтанель* и пропишетъ *каломель*»... Тѣ же средства, конечно, рекомендовались имъ, главнымъ образомъ, и въ «своихъ» больницахъ. Но не въ нихъ видѣлъ онъ силу. Участіе и доброе, человѣчное отношеніе къ больному, заставляющее его думать, что онъ не одинокъ на свѣтѣ, не брошенъ на произволъ судьбы,—были въ его глазахъ наиболѣе дѣйствительными средствами. Читая изреченіе «mens sana in corpore sano» наоборотъ, онъ охотно предоставлялъ врачамъ тюремныхъ больницъ и своимъ ординаторамъ заботу о прописываніи и избраніи лѣкарства, оставляя за собою рѣшительный и всегда доброжелательный голосъ лишь по вопросу—подлежитъ ли арестантъ или безпріютный лѣченію.

Иногда, впрочемъ, онъ и самъ спеціально заботился о лѣкарствахъ для нѣкоторыхъ больныхъ, находившихся въ исключительномъ положеніи. Гаазъ отличался не только пониманіемъ душевныхъ нуждъ несчастнаго, но и снисхожденіемъ къ житейскимъ потребностямъ и привычкамъ человѣка, внезапно исторгнутаго изъ обычной обстановки

преступленіемъ, часто неожиданнымъ для самого виновнаго. Одинъ изъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, вспоминая разсказы своихъ родныхъ—коренныхъ москвичей—о Ѳедорѣ Петровичѣ, передаетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ въ московскій тюремный замокъ поступилъ нѣкто Л., арестованный за покушеніе на убійство человѣка, соблазнившаго его жену и побудившаго ее бросить маленькихъ дѣтей. Къ тоскѣ и отчаянію, овладѣвшимъ имъ въ тюрьмѣ, присоединилась болѣзненная потребность курить. Отсутствіе табаку и крайняя затруднительность его незаконнаго полученія дѣйствовали самымъ угнетающимъ образомъ на этого страстнаго курильщика. Посѣтившій его Ѳедоръ Петровичъ нашелъ необходимымъ прописать ему, для укрѣпленія здоровья, *декохтъ* изъ какихъ-то травъ и снадобій. Послѣднія приносились по его порученію и личному распоряженію арестанту большими пакетами «изъ аптеки»... и удовлетворенный курильщикъ пересталъ испытывать страданія физическихъ лишеній.

Безтрепетный въ своемъ энергическомъ и искреннемъ словѣ, онъ былъ такимъ же и въ своей врачебной практикѣ. Въ 1848 году, когда свирѣпствовавшая въ Москвѣ холера наводила панику не только на населеніе, но и на врачей, и считалась заразительною даже отъ простого прикосновенія, онъ старался словомъ и дѣломъ разсѣять этотъ страхъ. «Проходя по одной изъ палатъ больницы,—пишетъ А. К. Жизневскій,—и подойдя къ больному, стонавшему въ кровати, Ѳедоръ Петровичъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ мнѣ: «а вотъ и первый холерный больной у насъ», и тутъ же нагнулся къ нему и поцѣловалъ его, не обращая вниманіе на то, что меня очень смутила такая новинка, какъ холера». Чтобы доказать незаразительность холерныхъ своимъ товарищамъ, старикъ,—по разсказу И. А. Арсеньева,—садился нѣсколько разъ въ ванну, изъ которой только-что вынутъ былъ холерный, и просиживалъ въ ней нѣкоторое время. Слухи объ этомъ, при его популярности въ простомъ народѣ, распространялись по Москвѣ и производили успокоительное дѣйствіе. Зная это, графъ Закревскій, вообще не долюбливавшій Гааза, обратился къ нему въ разгаръ холеры съ просьбою—при постоянныхъ разъѣздахъ по Москвѣ останавливаться въ мѣстахъ стеченія народа и успокоивать его. И въ

жаркіе лѣтніе мѣсяцы 1848 года на московскихъ площадяхъ и перекресткахъ можно было не разъ видѣть высокаго и бодраго старика въ оригинальномъ костюмѣ, вставшаго въ пролеткѣ и говорящаго собравшемуся вокругъ народу, который къ *его* словамъ, къ словамъ *своего* доктора, относился съ полнымъ довѣріемъ...

Порядки, заведенные Гаазомъ въ полицейской больницѣ, да и въ тюремныхъ госпиталяхъ,—были тоже своеобразны. Простой, обходительный и деликатный съ подчиненными, онъ требовалъ отъ нихъ прежде всего правды. Всякая ложь приводила его въ негодованіе. Въ борьбѣ съ нею онъ прибѣгалъ къ необычнымъ мѣрамъ. Такъ, въ полицейской больницѣ имъ была заведена кружка, въ которую, за всякую открывшуюся ложь, виновный служащій, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ класть свое дневное, по расчету, жалованье. Это объявлялось Гаазомъ при принятіи на службу въ больницу и исполнялось строго и безусловно. Иногда это распространялось и на постороннихъ—и даже примѣнялось и въ тюремной больницѣ. Такъ, въ

одинъ изъ пріѣздовъ императора Николая Павловича въ Москву, въ концѣ сороковыхъ годовъ, эту больницу, въ отсутствіи Гааза, посѣтилъ, по приказанію свыше, одинъ изъ лейбъ-медиковъ государя и донесъ, что нашелъ въ ней двухъ арестантовъ, недугъ которыхъ представляется сомнительнымъ. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ явился къ нему и настойчиво потребовалъ новаго посѣщенія больницы, при чемъ на самыхъ этихъ больныхъ доказалъ чиновному и ученому посѣтителю, что выводы его о состояніи ихъ здоровья были поспѣшны и ошибочны, и что оба арестанта дѣйствительно нуждаются въ лѣченіи. Сконфуженный медицинскій сановникъ сталъ извиняться, но Гаазъ добродушно и любезно просилъ его не безпокоиться, и продолжалъ съ нимъ обходъ. Однако, когда они приблизились къ выходу, Ѳедоръ Петровичъ на минуту куда-то исчезъ, а затѣмъ выросъ въ дверяхъ съ кружкою въ рукахъ. «Ваше превосходительство изволили доложить государю императору *неправду*—извольте теперь положить десять рублей штрафу въ пользу бѣдныхъ!»

Наравнѣ съ ложью старался онъ искоренять и нетрезвое поведеніе между госпитальною прислугою. Сначала ему хотѣлось предъявлять въ этомъ отношеніи строгія требованія всѣмъ вообще подчиненнымъ тюремному комитету лицамъ. Въ 1835 году онъ предлагалъ комитету утвердить составленныя имъ правила о безусловномъ вос-

прещеніи всѣмъ этимъ лицамъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, подъ угрозою штрафовъ въ размѣрѣ дневного жалованья, въ случаѣ нарушенія подписки о воздержаніи отъ вина, но комитетъ предложилъ ему, въ видѣ опыта, самому ввести такое правило въ тюремныхъ больницахъ, а составленный имъ проектъ представилъ на разсмотрѣніе губернатора. Затѣмъ, уже въ 1838 году, комитетъ, имѣя у себя нѣсколько жалобъ на взысканіе Гаазомъ штрафовъ и принимая во вниманіе, что проектъ его не получилъ въ теченіе трехъ лѣтъ одобренія, и что, по газетнымъ извѣстіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ статута общества умѣренности въ Ригѣ,— запретилъ впредь отобраніе введенныхъ Гаазомъ подписокъ. Но послѣдній, повидимому, продолжалъ настаивать на справедливости и осуществимости своего проекта, ибо уже въ 1845 году, на запросъ князя Щербатова, комитетъ доносилъ, что считаетъ отобраніе подписокъ, придуманныхъ докторомъ Гаазомъ, «мѣрою не аппробованною». Система штрафовъ—обыкновенно въ маленькихъ размѣрахъ—практиковалась имъ въ полицейской больницѣ широко. Они накладывались также за неаккуратность, небрежность, грубость—и опускались въ кружку. Иногда, впрочемъ, собравъ нѣсколько такихъ штрафовъ, при обходѣ больныхъ, Гаазъ не опускалъ ихъ въ кружку, а тихонько клалъ подъ подушку какого-нибудь больного, которому предстояла скорая выписка и неразлучная съ нею насущная нужда. Изъ кружки собранная сумма высыпалась разъ въ мѣсяцъ и распредѣлялась, въ присутствіи ординаторовъ и надзирательницъ, между наиболѣе нуждавшимися выздоровѣвшими больными и семействами еще находившихся на излѣченіи или приходившими въ амбулаторію, гдѣ засѣдалъ Ѳедоръ Петровичъ, окончивъ обходъ больницы... Въ 1852 году Жизневскому пришлось присутствовать при взысканіи такихъ штрафовъ въ Газовской больницѣ во время оригинальнаго суда надъ сидѣлкою, заподозрѣнною въ кражѣ. Разбирательство происходило въ присутствіи всѣхъ служащихъ въ больницѣ. Гаазъ внимательно выслушивалъ оправданія, подробно разспрашивалъ свидѣтелей, попутно штрафовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—и, между прочимъ, самого себя, за отсутствіе надлежащей заботы объ огражденіи служащихъ отъ похищенія у нихъ

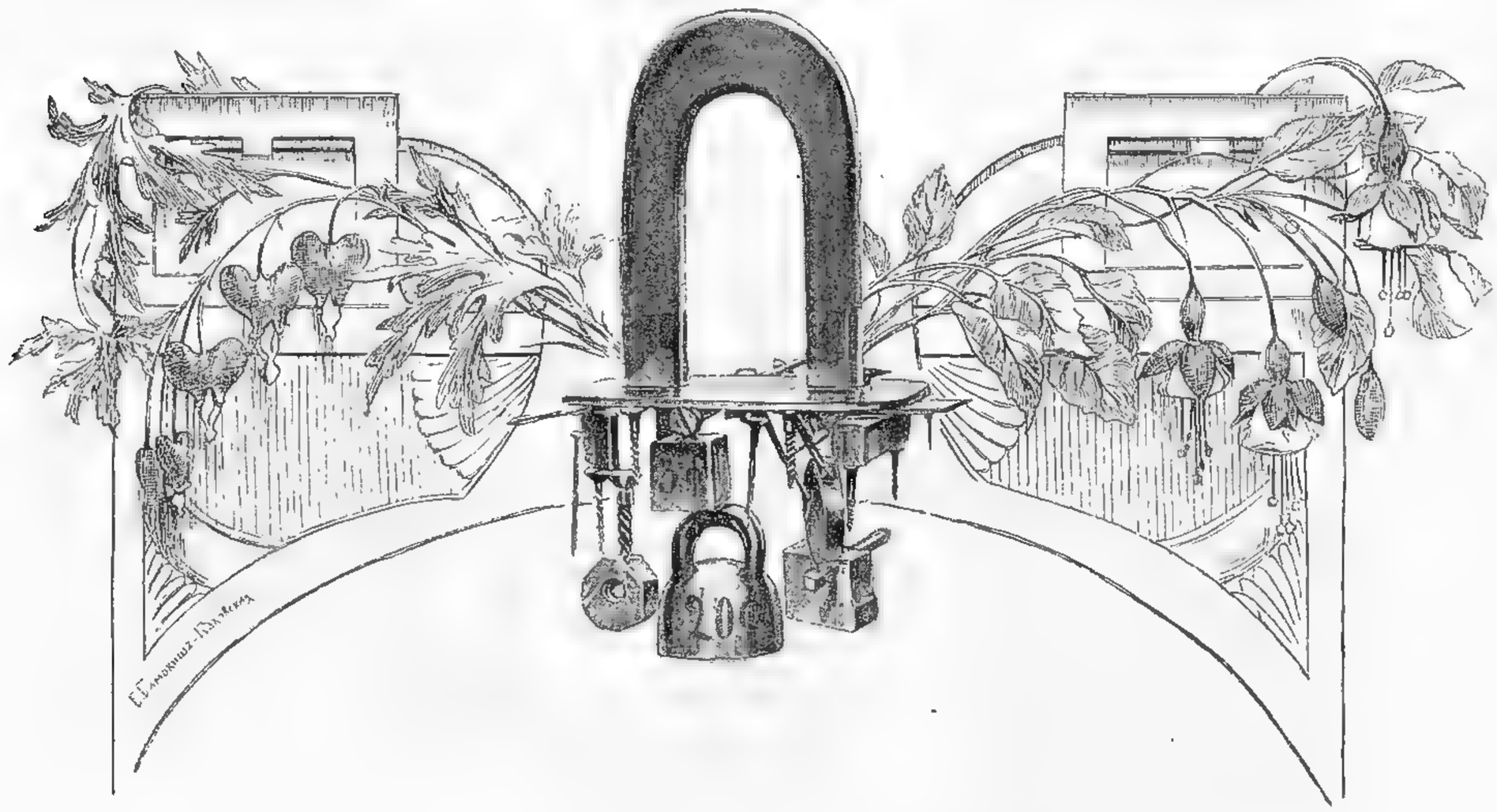
вещей,—и, пожелавъ узнать мнѣніе посторонняго человѣка, Жизневскаго, постановилъ оправдательное рѣшеніе, разорвавъ заготовленное конторою отношеніе въ полицію съ препровожденіемъ заподозрѣнной...

Нужно ли говорить объ отношеніи къ нему больныхъ? А. К. Жизневскій, въ письмѣ о Гаазѣ, приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ о немъ, исполненныхъ восторженной благодарности со стороны самыхъ разнородныхъ по своему общественному положенію людей. Врачуя ихъ тѣло, Гаазъ умѣлъ уврачевать и ихъ упавшій или озлобленный духъ, возродивъ въ нихъ вѣру въ возможность добра на землѣ. Описывая свое посѣщеніе Газовской больницы, Жизневскій говоритъ, что видѣлъ тамъ несчастную француженку-гувернантку, сошедшую съ ума отъ горя, вслѣдствіе павшаго на нее, безъ всякаго основанія, подозрѣнія въ домашней кражѣ. Она была постоянно неспокойна и часто впадала въ бѣшенство, сопровождаемое ужасными проклятіями. Но стоило ей увидѣть Ѳедора Петровича, какъ она тотчасъ утихала, становилась кроткою и радостно шла на его зовъ. Старикъ гладилъ ей волосы, говорилъ ей съ участіемъ нѣсколько ласковыхъ словъ—и на недавно еще мрачно-изступленномъ лицѣ злополучной жертвы клеветы начинала играть улыбка душевнаго спокойствія...

XI.

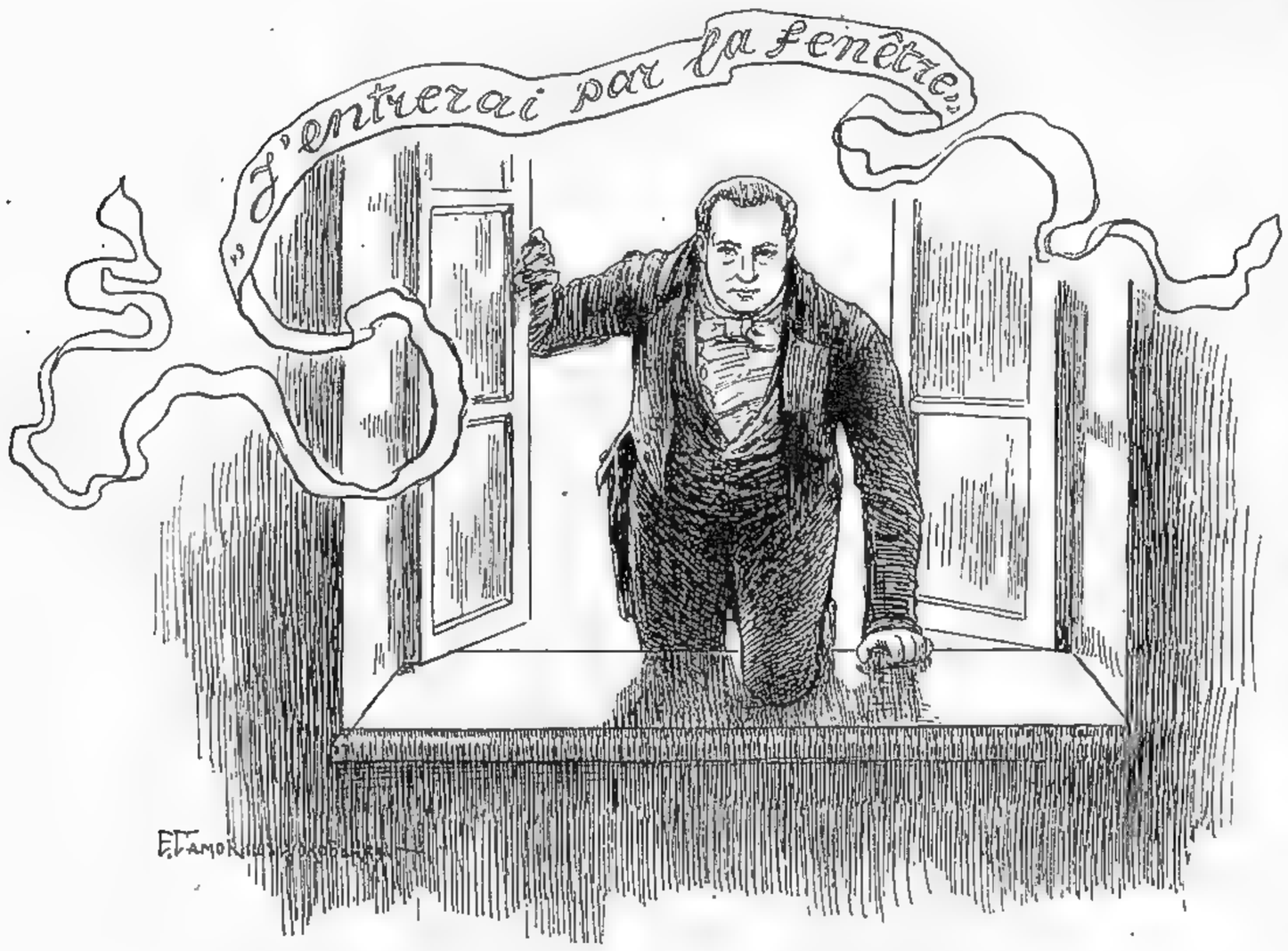
«Я, кажется, уже неоднократно высказывалъ вамъ свою мысль,— писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину,— что самый вѣрный путь къ счастію не въ желаніи *быть счастливымъ*, а въ томъ, чтобы *дѣлать другихъ* счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить ихъ*, причемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствіи...»

Эту мысль, наполнявшую всю его душевную жизнь, осуществлялъ



и примѣнялъ онъ, дѣйствуя въ тюрьмахъ. Мы видѣли, съ какими внѣшними препятствіями приходилось ему бороться. Но ими не исчерпывалась затруднительность его задачи. Были и внутреннія помѣхи его дѣятельности. Онѣ часто связывали свободу его дѣйствій, огорчали, раздражали и даже оскорбляли его. Ему приходилось имѣть дѣло съ коллегіею, которой онъ самъ былъ членомъ, и испытывать на себѣ всю тяжесть того искусственнаго сопряженія воедино различныхъ, иногда прямо противоположныхъ темпераментовъ, побужденій и взглядовъ, которое характеризуетъ каждую коллегію. Несомнѣнно, что коллегія, особливо судебная или законодательная, имѣетъ свои достоинства. Ея собирательный опытъ оказываетъ безспорныя услуги, ея безличное спокойствіе исключаетъ элементъ индивидуальной страстности или опасной поспѣшности. Но тамъ, гдѣ коллегіи приходится имѣть дѣло съ повседневными явленіями жизни, съ животрепещущими запросами и потребностями насущной дѣйствительности, гдѣ требуется разумная смѣлость, скорая осуществимость, непосредственное проникновеніе въ сущность вопроса,—тамъ коллегія, ничего не улучшая, многое можетъ портить и мертвить. Раздѣленіе труда дѣлаетъ его менѣе энергичнымъ, общая отвѣтственность ослабляетъ отвѣтственность каждаго, отсутствіе прямого соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ явленіемъ вытравлять его яркія краски и искажаетъ его живые контуры... Чувство личнаго негодованія, а, слѣдовательно, и любви, замираетъ въ коллегіи, ощущеніе стыда теряетъ свою благотворную ѣдкость, — трусливые, нерѣшительные, скудные умомъ оказываютъ принижающее дѣйствіе на сильныхъ умомъ, заставляя ихъ терять время на объясненіе азбучныхъ истинъ, торговаться и уступать во имя хотя бы и неполнаго достиженія цѣли;— лѣнивое мышленіе однихъ не хочетъ видѣть того, что выстрадано сердцемъ другихъ,—*Молчалинъ* часто стремится сжать въ своихъ объятіяхъ *Чацкаго,* — и по отношенію къ вопросу, о которомъ вопіетъ жизнь, образуется обыкновенно компромиссъ, всегда негодный по исходу, иногда мутный по своему источнику. Вотъ почему живыя и энергичныя натуры, особливо стремящіяся быть тѣмъ «магнитомъ», о которомъ писалъ Гаазъ Норшину, обыкновенно страдаютъ въ составѣ

коллегіи и приходятъ съ нею въ безплодныя, по большей части, столкновенія.



Московскій тюремный комитетъ сдѣлалъ много полезнаго для тюремнаго дѣла въ Москвѣ, но, повидимому, за исключеніемъ Львова, Поля, Сенявина, Капниста и еще двухъ-трехъ членовъ, засѣдавшихъ притомъ не одновременно, онъ обладалъ обычными свойствами административно-благотворительной коллегіи. Изъ переписокъ Гааза съ комитетомъ видно, что въ средѣ послѣдняго были и «охладѣлые», и «отклонявшіе себя отъ долга», были и прямо враждебно или насмѣшливо относившіеся къ нему. Встрѣчались, конечно, какъ неизбѣжная внутренняя язва общественной благотворительности, и «акробаты благотворительности». Вице-президенты—генералъ-губернаторы кн. Голицынъ и кн. Щербатовъ—были люди большихъ достоинствъ, но у каждаго изъ нихъ была обширная область прямой дѣятельности, отвлекавшая ихъ отъ тюремнаго дѣла. Первые годы существованія комитета, наилучшіе въ его жизни, руль держалъ въ рукахъ самъ кн. Д. В. Голицынъ, поощряя и поучая всѣхъ своимъ примѣромъ, своимъ искреннимъ желаніемъ улучшеній, личнымъ трудомъ и свѣтлымъ, свободнымъ отъ шоръ безплоднаго формализма, взглядомъ. Онъ понималъ Гааза, прислушивался къ нему и за обличьемъ шумливаго и безпокойнаго члена коллегіи умѣлъ разсмотрѣть «ролтанье вѣчное души», чистой и самоотверженной. Иногда, впрочемъ, настойчивость и страстность Гааза нарушали спокойное и уравновѣшенное отношеніе къ нему князя Голицына. Однажды, въ 1840 году, послѣ шумныхъ протестовъ Гааза

противъ какого-то изъ постановленій комитета, князь сказалъ ему съ раздраженіемъ: «M-r Haas! si vous continuez, je vous ferais sortir d'ici par les gendarmes!» — на что послѣдній отвѣтилъ, улыбаясь: «et vous n'y gagnerez rien, mon prince, car je rentrerai par la fenêtre...» Вѣроятно, подражая князю, уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, одинъ изъ членовъ комитета позволилъ себѣ, какъ вспоминаютъ священники Орловъ и Бѣляниновъ, сказать «безпокойному» старику, что «онъ дождется того, что его не станутъ приглашать въ комитетъ».— «Я самъ пріѣду»,—спокойно замѣтилъ Гаазъ. — «Предъ вами запрутъ двери!»—«Ну, что жъ—я влѣзу въ окно...» Мимолетныя столкновенія съ кн. Голицынымъ проходили, однако, безслѣдно. Просвѣщенный государственный дѣятель, сказавшій въ 1834 году совѣтнику губернскаго правленія, извѣстному А. И. Кошелеву, который, въ качествѣ московскаго дворянина, горячо настаивалъ на истребованіи отъ генералъ-губернатора, для провѣрки, отчета по дорожной комиссіи: «сегодня утромъ, въ дворянскомъ собраніи, я вами любовался: вы хорошо поступили, и я на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое»,—не могъ сердиться на своего чистаго душою, хотя и строптиваго сотрудника...

Князь Д. В. Голицынъ въ 1844 году.

Но не такъ относились къ Гаазу многіе изъ его сотоварищей. Его «выходки» нарушали спокойную безцвѣтность ихъ занятій, его «самовольныя распоряженія» оскорбляли цѣломудріе канцелярскихъ предначертаній. И по мѣрѣ того, какъ князь Голицынъ, давъ первые толчки и общее направленіе новому дѣлу, отдалялся отъ него, погружен-

ный въ сложную работу «хозяина Москвы», противъ Гааза образовывалась оппозиція, то тѣсно сплоченная, то неуловимая, но все-таки чувствуемая.

«Утрированному филантропу», который говорилъ о *видѣнныхъ имъ* и сердечно раздѣленныхъ нуждахъ людей, коихъ онъ прежде всего считалъ несчастными,—который писалъ въ 1845 г., что члены тюремнаго общества «обязаны осуществлять намѣреніе жить *по-божески*, т.-е., чтобы правосудіе сочетавалось съ милосердіемъ и Богъ былъ бы виденъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ»,—отвѣчали ссылками на «буквальный смыслъ», статей закона и параграфы уставовъ. Его своеобразно-краснорѣчивыя предложенія «пріобщались къ дѣлу», какъ незаслуживающія вниманія, его просьбы и требованія встрѣчались оскорбительнымъ молчаніемъ. Особенно недовольно было имъ хозяйственное отдѣленіе комитета, стоявшее въ отношеніяхъ своихъ къ конторѣ тюремныхъ больницъ, гдѣ распоряжался Гаазъ, на чисто формальной почвѣ. Оно не желало, напримѣръ, сообщать конторѣ копій съ контрактовъ на поставку съѣстныхъ припасовъ, для провѣрки поставщиковъ, что было—какъ писалъ Гаазъ комитету въ 1840 году,—«причиною неимовѣрнаго безпорядка, отъ котораго сіи больницы страждутъ». Между тѣмъ, одно изъ засѣданій хозяйственнаго отдѣленія было открыто словами предсѣдателя: «такъ какъ г. Гаазъ многими поступками отступилъ отъ правилъ при управленіи тюремныхъ больницъ»... «Я взялъ смѣлость остановить его превосходительство,—пишетъ Гаазъ, — и спросить, какіе поступки долженъ я здѣсь разумѣть, но онъ, вмѣсто отвѣта, опять повторилъ тѣ же слова, а на мой вторичный вопросъ въ третій разъ изволилъ произнести тѣ же самыя нарѣчія. Я тогда принужденъ былъ встать съ мѣста и сказать: «если вы полагаете себя въ правѣ такимъ образомъ насчетъ меня выразиться безъ всякаго объясненія, то я не могу оставаться въ семъ собраніи», — на что его превосходительство адресовался къ секретарю комитета со словами: «не правда ли, вѣдь, были нѣкоторые случаи, въ которыхъ г. Гаазъ дѣйствовалъ неправильно по управленію больницами?»—на что сей отвѣчалъ: «*по другимъ предметамъ* были нѣкоторыя такія дѣйствія г. Гааза, *то и вѣроятно*, что такія же были и по

управленію больницами»... И сей отвѣтъ былъ принятъ безъ всякаго примѣчанія!»

Когда неусыпными трудами Гааза былъ устроенъ сѣверный коридоръ тюремнаго замка, оказалось, что онъ сдѣлалъ на 40 рублей сверхсмѣтныхъ расходовъ противъ ассигнованныхъ ему 400 руб., вмѣсто просимыхъ имъ 500 руб. Объ этой передержкѣ была возбуждена обширная переписка, на 143 листахъ, продолжавшаяся два года. Отъ Гааза было потребовано объясненіе, и комитетъ посвятилъ не одно засѣданіе обсужденію его неправильнаго и незаконнаго поступка. Указывая, что комитетъ гораздо милостивѣе относился къ сверхсмѣтныхъ расходамъ, допущеннымъ другими членами, признавая, что деньги были израсходованы «на предметъ, достойный комитета», Гаазъ пишетъ въ объясненіи: «Мнѣ поручено затруднительное дѣло, мнѣ отказываютъ въ нужныхъ средствахъ и въ то же время неумолимы въ обсужденіи моихъ дѣйствій и упущеній. Меня спрашиваютъ, могу ли *оправдать свой поступокъ?* Отвѣтствую: я признаю, что располагать такимъ образомъ суммами, кои не выданы,—есть *родъ похищенія*. Съ сею же самою откровенностью признаюсь, что я одушевленъ былъ мыслью о сѣверномъ коридорѣ и мнѣ казалось, что дѣйствія мои заслуживаютъ признательности комитета. Оказывается, что я ошибся и въ томъ, что дѣлалъ, и въ томъ, что мыслилъ»... Кончилось тѣмъ, что онъ заплатилъ эти 40 р. изъ своихъ скудныхъ средствъ. То же самое повторилось и въ 1840 году, когда Гаазъ произвелъ нѣсколько необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательства работъ по расширенію помѣщеній Старо-Екатерининской больницы для пріема погибавшихъ отъ тифозной эпидеміи арестантовъ и просилъ комитетъ уплатить рабочимъ 290 руб. ассигнаціями. При обсужденіи переписки, продолжавшейся два года, комитетъ, въ 1842 г., послѣ разныхъ упрековъ по адресу Гааза, постановилъ: «отнынѣ на будущее время всякое распоряженіе въ постройкахъ и починкахъ по больничнымъ зданіямъ г. Гааза воспретить», при чемъ оскорбленный старикъ, видя, что его объясненій не слушаютъ и смѣются надъ его словами, «всталъ, поднялъ руку къ небу, — какъ онъ самъ пишетъ, — и голосомъ, которымъ кричатъ *караулъ*, кричалъ: объявляю, предъ небомъ и

землею, что мною въ семъ дѣлѣ ничего противузаконнаго не сдѣлано!».

Но не одни расходы, производимые имъ, раздражали комитетъ. Архитекторъ, помогавшій Гаазу въ перестройкѣ сѣвернаго коридора, указалъ ему на возможность изъ двухъ небольшихъ и полутемныхъ комнатъ около церкви образовать одну большую и свѣтлую, сдѣлавъ въ толстыхъ стѣнахъ между ними большія арки. Мысль дать больше простора заключеннымъ и собирать ихъ для общей молитвы возлѣ церкви плѣнила Гааза, и онъ немедленно, на свой счетъ, спѣша устроить окончательно *свой* коридоръ, привелъ ее въ исполненіе. Директоръ комиссіи строеній въ Москвѣ, посѣтивъ замокъ, указалъ Гаазу на это «самоволіе», объяснивъ, что онъ долженъ былъ испросить его разрѣшеніе на непредусмотрѣнную перестройку. Чуждый мелочного самолюбія, имѣвшій въ виду только пользу дѣла, Гаазъ «вмѣняя себѣ въ обязанность исправить дурной примѣръ нарушенія законнаго порядка, имъ поданный, при всѣхъ чиновникахъ и служителяхъ просилъ у г-на директора прощенія». Но директору было мало униженія старика. Онъ сообщилъ о новомъ его поступкѣ комитету. Представляя комитету свою повинную, Гаазъ заявлялъ, что вынужденъ былъ вообще отступать отъ предначертаній комиссіи строеній относительно перестроекъ въ тюрьмѣ, ибо если бы вполнѣ оныя соблюдать, то получилась бы квасная, въ которой нельзя дѣлать квасу, ибо въ ней вовсе не было положено русской печи,—комнаты остались бы безъ вентиляторовъ, наружныя двери безъ ступенекъ для входа, чердаки безъ лѣстницъ и комната противъ «малолѣтнихъ» вовсе безъ двери, ибо печникъ, склавши уже болѣе половины печи, положенной на томъ мѣстѣ, гдѣ была дотолѣ дверь, перелѣзъ чрезъ оную и спрашивалъ, гдѣ же ему выйти, когда онъ доведетъ печь до верху?... Комитетъ не призналъ возможнымъ стать на почву совершившагося факта, и князь Голицынъ предложилъ ему, согласно его же заключенію, сдѣлать Гаазу выговоръ въ «присутствіи онаго, подтвердивъ, чтобы на будущее время онъ ни мало не отступалъ отъ установленнаго порядка». Тяжело отозвался на старикѣ выговоръ, объявленный по распоряженію человѣка, котораго

онъ глубоко чтилъ и которому однажды писалъ: «вы великій вельможа—князь, но и вы не въ состояніи сдѣлать двѣ вещи: чтобы въ журналѣ комитета было записано: «вице-президентъ князь Дмитрій Владиміровичъ недоволенъ дѣйствіями доктора Гааза», и чтобы я не любилъ васъ всѣмъ своимъ сердцемъ!» Онъ не перенесъ огорченія и захворалъ. И вотъ причина, почему онъ, не пропускавшій за всю свою многотрудную жизнь ни одного засѣданія комитета, все-таки не былъ въ одномъ изъ нихъ...

Столкновенія съ комитетомъ бывали у него по самымъ различнымъ поводамъ. То, убоясь переписки и возможности отказа, представляетъ онъ въ комитетъ счетъ цехового Завьялова на 45 руб. за 21 бандажъ, отданный освобожденнымъ изъ смирительнаго и рабочаго домовъ арестантамъ, страдающимъ грыжею,—и комитетъ разъясняетъ ему, что не считаетъ себя обязаннымъ покрывать такой расходъ, предоставляя ему самому изыскать средства къ удовлетворенію онаго изъ другихъ источниковъ, т.-е. обрекаетъ его, за неимѣніемъ имъ собственныхъ средствъ, на необходимость просить кого-нибудь быть «благодѣтелемъ». То, удрученный своимъ устраненіемъ отъ освидѣтельствованія пересыльныхъ арестантовъ и боясь, что они останутся вовсе безъ призора, онъ проситъ обязать членовъ комитета бывать, по очереди, на Воробьевыхъ горахъ четыре раза въ недѣлю, и комитетъ «не усматриваетъ для его домогательства законныхъ основаній»; то проситъ онъ комитетъ ходатайствовать у высшаго начальства, чтобы, кромѣ пересылаемыхъ слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ бродягъ, въ губернскихъ городахъ оставлять, не отсылая въ Сибирь, и тѣхъ, «кои окажутся съ поврежденіемъ ума», и комитетъ, къ огорченію его, «не полагаетъ на сіе никакого рѣшенія»;—то, въ 1845 г., подкрѣпляя свою просьбу словами Екклезіаста, онъ проситъ комитетъ внушить членамъ своимъ объ обязанности частаго посѣщенія мѣстъ заключенія вообще, чрезъ что «злоупотребленія, населяющія ихъ какъ насѣкомыя и паутина, будутъ исчезать сами собою, а добрыя дѣла мало-по-малу рождаться одно изъ другого»,—и получаетъ въ отвѣтъ, что комитетъ съ признательностью принимаетъ указаніе своего вице-президента, митрополита Филарета, между прочимъ и о томъ, что «можно

не входить въ большое разбирательство разсужденія Ѳедора Петровича о постоянномъ посѣщеніи тюремъ,—довольно сказать, что это посѣщеніе, безъ сомнѣнія, весьма желательное, можетъ, по справедливости, быть требуемо, конечно, не отъ тѣхъ людей, у которыхъ съ утра до вечера полны руки должностныхъ дѣлъ и которымъ долгъ присяги не позволяетъ отъ сихъ необходимыхъ дѣлъ постоянно уклоняться къ дѣламъ произволенія, хотя и весьма добраго»... То, наконецъ, въ просьбѣ Гааза, въ 1840 г., о разрѣшеніи оставить въ пересыльной тюрьмѣ крестьянина Лазарева, ссылаемаго помѣщикомъ въ Сибирь, несмотря на 63-хъ-лѣтній возрастъ (что было дозволено закономъ и сенатскимъ разъясненіемъ лишь до 1827 года), и о начатіи переписки о незаконности такой ссылки,—комитетъ постановляетъ отказать, ибо Лазаревъ *самъ* можетъ подать объ этомъ просьбу *по приходѣ въ Тобольскъ*. Такіе отказы раздражаютъ старика. Своеобразнымъ краснорѣчіемъ звучатъ вызываемыя ими записки его и заявленія. По поводу Лазарева онъ объясняетъ, что «будетъ изыскивать способъ самъ довести о семъ несчастномъ до свѣдѣнія Высочайшей власти». Видя холодное отношеніе комитета къ нѣсколькимъ просьбамъ его за арестантовъ, онъ восклицаетъ въ 1838 г.: «если мы и впредь будемъ такъ дѣйствовать, то должны ожидать, что намъ будутъ сказаны слова Евангелія взывавшимъ къ Спасителю: «не во имя ли Твое мы проповѣдывали?» и коимъ было изречено: «поистинѣ не знаю васъ! отъидите отъ Меня вси, творящіе неправду!»

Тонъ обличенія и довольно злой ироніи часто слышится въ посланіяхъ его комитету. «Говорятъ,—пишетъ онъ въ 1832 году,—что арестанты уже въ теченіе долгаго времени слѣдуютъ сему непорядку и такъ-сказать къ оному пріучены. Но сіе напоминаетъ мнѣ анекдотъ о нѣкоторой кухаркѣ, которая содрала кожу съ живого угря. Одинъ, вошедшій въ то время въ кухню, сказалъ:—какъ, сударыня, вы безъ сожалѣнія это дѣлаете?—Ничего, сударь,—отвѣчала кухарка,—*они* къ этому привыкли!—на мѣсто того, чтобы сказать: *я* къ этому привыкла!»—«Не скрою предъ комитетомъ,—говоритъ онъ, представляя свои оправданія по поводу арки въ сѣверномъ коридорѣ,—величайшаго отвращенія, какое имѣю я, входя въ столь подробное изъясне-

ніе по обстоятельству столь ничтожному», и по поводу постоянныхъ неудовольствій и нареканій комитета напоминаетъ, что Тацитъ, говоря о Титѣ-Агриколѣ, сказалъ: «въ натурѣ человѣка ненавидѣть того, кому однажды нанесено оскорбленіе»... Говоря о раздачѣ книгъ священнаго писанія пересыльнымъ, онъ ядовито замѣчаетъ: «встрѣча свя-

щеннаго писанія въ тюрьмѣ ссыльныхъ могла бы содѣлаться опасною для членовъ комитета тѣмъ осужденіемъ, которое сія святая книга произноситъ на слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ».

Такъ дѣйствовалъ, до конца своей многотрудной жизни, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Одинокій и въ общественной, и въ личной жизни, забывавшій все болѣе и болѣе о себѣ, съ чистою совѣстью взиравшій на приближающуюся смерть, онъ тѣмъ болѣе отдавался своему при-

званію, чѣмъ меньше оставалось ему жить, стараясь осуществить то «kurzen Wachen—rasches Thun», о которомъ говорится во второй части «Фауста»... Но жилось ему не легко. Лично видѣвшая его старая москвичка, графиня Сальясъ (Евгенія Туръ) пишетъ о немъ: «Борьба, кажется, приходилась ему не по силамъ; посреди возмущающихъ душу злоупотребленій всякаго рода, посреди равнодушія общества и враждебныхъ распоряженій, въ борьбѣ съ неправдой и ложью, силы его истощались. Что онъ долженъ былъ вынести, что испытать, пережить, перестрадать!»

Про него можно сказать словами Некрасова, что онъ провелъ свою богатую трудомъ и добровольными лишеніями жизнь «упорствуя, волнуясь и спѣша». И у него была — и осталась такою до конца — «наивная и страстная душа». Немногіе друзья и многочисленные, по необходимости, знакомые часто видѣли его грустнымъ, особенно когда онъ говорилъ о тѣхъ, кому такъ горячо умѣлъ сострадать — или гнѣвнымъ, когда онъ добивался осуществленія своихъ правъ на любовь къ людямъ. Но никто не видѣлъ его скучающимъ или предающимся унынію и тоскѣ. Сознаніе необходимости и нравственной обязанности того, что онъ постоянно дѣлалъ, и непоколебимая вѣра въ духовную сторону человѣческой природы, въ связи съ чистотою собственныхъ помысловъ и побужденій—спасали его отъ отравы унынія и отъ отвращенія къ самому себѣ, столь часто скрытаго на днѣ тоски... Безтрепетно и безоглядно добиваясь всего, что только было возможно при существующихъ условіяхъ и очень часто размѣнивая свои общія усилія на случаи помощи въ отдѣльныхъ, повидимому ничѣмъ между собою не связанныхъ, случаяхъ—онъ систематически и упорно, собственнымъ примѣромъ служилъ будущему, въ которомъ задачу тюремнаго дѣла, какъ одного изъ видовъ наказанія, должно будетъ свести къ возможно бо̀льшей *общественной самозащитѣ* при возможно меньшемъ причиненіи *безплоднаго личнаго страданія.* И въ этомъ его заслуга—и уже въ одномъ этомъ его право на благодарное воспоминаніе потомства...

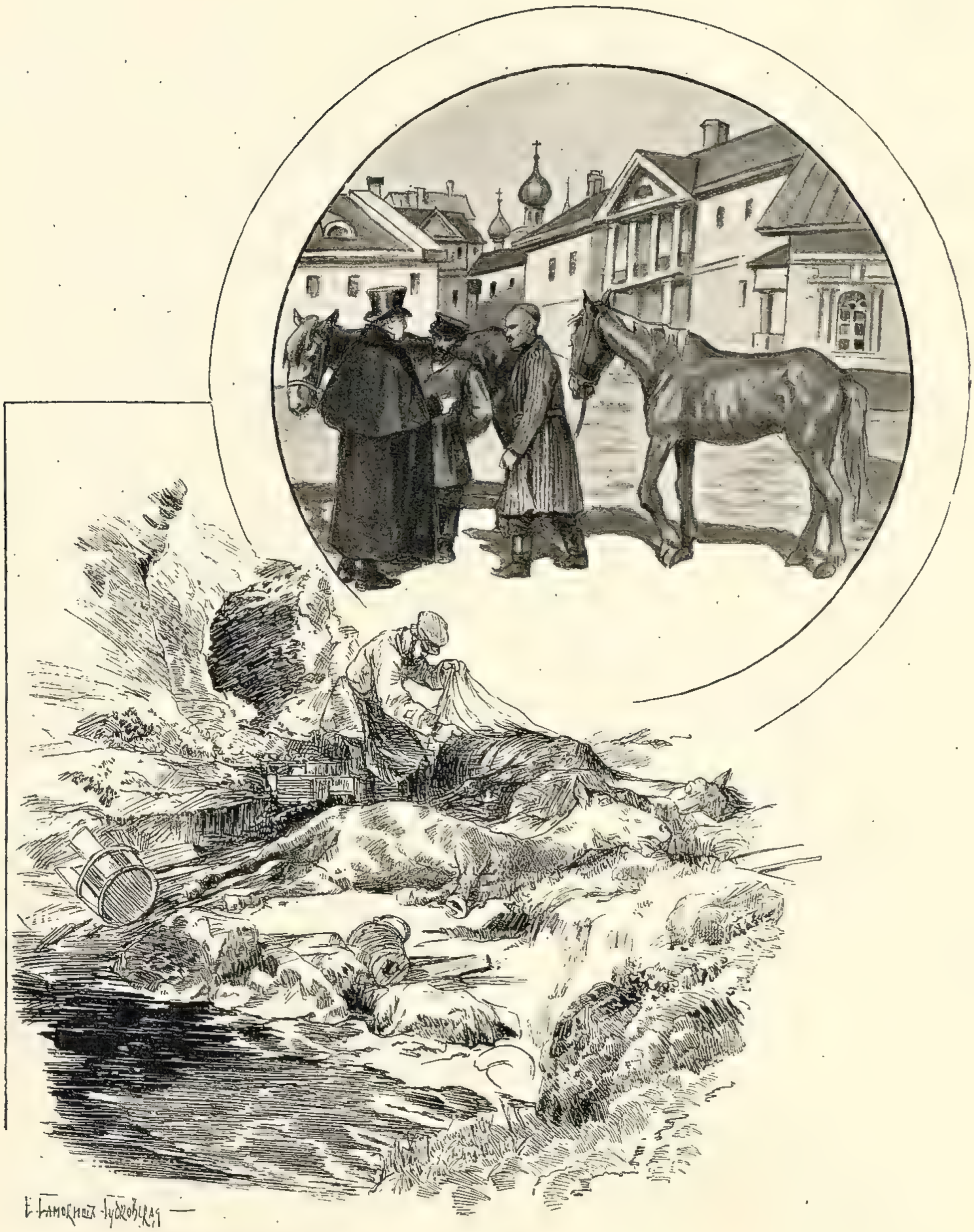
XII.

Остается бросить бѣглый взглядъ на послѣдніе годы Гааза. Чистая, одинокая и цѣломудренная жизнь его, постоянная подвижная дѣятельность, большая умѣренность въ пищѣ и питьѣ долго сохраняли ему цвѣтущее здоровье. Несмотря на седьмой десятокъ, онъ оставался бодръ и выносливъ, и хотя совсѣмъ не заботился о здоровьѣ—никогда не бывалъ серьезно боленъ. Разнообразныя личныя воспоминанія о немъ даютъ возможность представить себѣ его день и составить болѣе или менѣе полную картину его привычекъ, обычаевъ и образа жизни въ послѣдній ея періодъ,—періодъ, когда почти всѣ примирились со «странностями» и «чудачествами» Ѳедора Петровича, а многіе поняли, наконецъ, какой свѣтъ и теплоту заключаютъ въ себѣ эти его свойства.

Онъ вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и, немедленно одѣвшись въ свой традиціонный костюмъ, садился пить, вмѣсто чаю, который онъ считалъ для себя слишкомъ роскошнымъ напиткомъ, настой смородиннаго листа. Если не нужно было ѣхать на Воробьевы горы, онъ до восьми часовъ читалъ и часто самъ изготовлялъ лѣкарства для бѣдныхъ. Въ восемь начинался пріемъ больныхъ. Ихъ сходилось масса. Нечего и говорить, что совѣты были безвозмездны. О научномъ достоинствѣ этихъ совѣтовъ—судить трудно. Надо думать, что увлеченный своею филантропическою дѣятельностью, Ѳедоръ Петровичъ остался при знаніяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, между тѣмъ какъ наука ушла впередъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ очень склонялся къ гомеопатіи. Едва ли и три излюбленныхъ средства съ окончаніемъ на «ель» играли въ его совѣтахъ преж-

нюю первенствующую роль. Онъ продолжалъ не возлагать особыхъ надеждъ на лѣкарства, а болѣе вѣрилъ цѣлительному значенію условій жизни больного. Такъ, когда къ нему въ 1850 г. обратился за совѣтомъ А. К. Жизневскій, онъ, вмѣсто рецепта, написалъ на лоскуткѣ бумаги: «Si tibi deficiant medici, medici tibi fiant haec tria: mens hilaris, requies, moderata dieta (schola saleritana)», т.-е., если тебѣ нужны врачи—да будутъ тебѣ таковыми три средства: веселое расположеніе духа, отдыхъ и умѣренная діэта».—Но несомнѣнна любовь бѣдныхъ больныхъ къ «ихъ» доктору, связанная съ безусловнымъ къ нему довѣріемъ. Простые, недостаточные люди видѣли въ немъ не только врача тѣлеснаго, но и духовнаго,—къ нему несли они и разсказъ о недугахъ, и горькую повѣсть о скорбныхъ и тяжкихъ сторонахъ жизни, отъ него получали они иногда лѣкарство или наставленіе, всегда — добрый совѣтъ или нравоученіе, и очень часто — помощь... Нерѣдко несчастливецъ, не столько больной, сколько загнанный жизнью, выходилъ послѣ бесѣды съ нимъ, ободренный, съ влажными глазами, зажимая въ рукѣ данное лѣкарство... отпускаемое изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. «Мнѣ радостно было узнать,—пишетъ Гаазъ 5-го іюля 1847 года Норшину,—что вамъ пришлось оказать гостепріимство нѣсколькимъ бѣднякамъ. Конечно, это всего угоднѣе Богу,—но еслибы у васъ не было у самого ни крова, ни пищи, ни денегъ, чтобы раздѣлить съ несчастнымъ, не забывайте, что добрый совѣтъ, сочувствіе и состраданіе—есть тоже помощь и иногда очень дѣйствительная...»

Въ двѣнадцатомъ часу Гаазъ уходилъ въ полицейскую больницу, а оттуда уѣзжалъ въ тюремный замокъ и въ пересыльную тюрьму. Его старинныя дрожки, облѣзлыя и дребезжащія, престарѣлый и немилосердно обиравшій хозяина кучеръ Егоръ, въ неладно скроенномъ выцвѣтшемъ кафтанѣ, и двѣ, обыкновенно разбитыя на ноги, разношерстныя лошади, были извѣстны всѣмъ москвичамъ. Сѣдокъ и экипажъ, упряжь и кучеръ были для нихъ чѣмъ-то роднымъ, тѣсно связаннымъ съ тогдашнею внутреннею жизнью Москвы. Отъ всего, что̀ служило къ передвиженію неутомимаго старика, и отъ него самого вѣяло такимъ далекимъ прошлымъ, что москвичи утверждали шутя,



А. Ѳ. Конп. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

будто доктору, кучеру и лошадямъ вмѣстѣ четыреста лѣтъ. Сколько ни старались, съ разныхъ сторонъ, «открыть глаза» Ѳедору Петровичу на продѣлки Егора, онъ ничего не хотѣлъ видѣть и слышать, и держалъ Егора у себя 20 лѣтъ, до самой своей смерти. Не хотѣлъ онъ ни за что разстаться и со старою, безобразною пролеткою. Онъ къ ней привыкъ—и притомъ подъ ея широкимъ кожанымъ фартукомъ было такъ помѣстительно для установки корзинъ съ съѣдобнымъ для идущихъ по этапу! Н. Ѳ. Крузе, знавшій Гааза лично, разсказывалъ намъ, со словъ московскихъ старожиловъ, что когда какая-нибудь изъ дряхлыхъ клячъ, на которыхъ ѣздилъ Ѳедоръ Петровичъ, оказывалась вполнѣ негодною для своей службы и оставлялась спокойно доживать свой вѣкъ, онъ отправлялся на конную площадь, гдѣ непремѣнно покупалъ одну изъ лошадей, выведенную на убой татарамъ,—и спасенное отъ ножа животное продолжало жить, неторопливо перебирая разбитыми ногами у истертаго дышла популярной пролетки... Концы по Москвѣ приходилось дѣлать большіе, и проголодавшійся Гаазъ, по словамъ Жизневскаго, иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупалъ четыре калача—одинъ для себя, одинъ для кучера и два для лошадей. Въ 1850 году почитатели Ѳедора Петровича, желая облегчить ему разъѣзды по Москвѣ, послали ему въ подарокъ, при письмѣ безъ подписи, карету и пару лошадей, но Гаазъ немедленно отправилъ присланное къ извѣстному въ то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оцѣнивъ «по совѣсти», и полученныя затѣмъ деньги немедленно роздалъ бѣднымъ. Обѣдалъ Гаазъ въ пять часовъ, очень рѣдко внѣ дома, при чемъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ничего не пилъ, но если въ гостяхъ подавали фрукты, то бралъ двойную порцію и клалъ въ карманъ, говоря съ доброю улыбкою: «для больныхъ!» Тотчасъ послѣ обѣда онъ отправлялся по знакомымъ и вліятельнымъ людямъ хлопотать и просить за бѣдныхъ и беззащитныхъ. Въ памяти нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ его образъ запечатлѣлся ярко.

Высокій, широкоплечій, немного сутуловатый, съ крупными чертами широкаго сангвиническаго лица, Гаазъ съ перваго взгляда производилъ болѣе своеобразное, чѣмъ привлекательное впечатлѣніе. Но

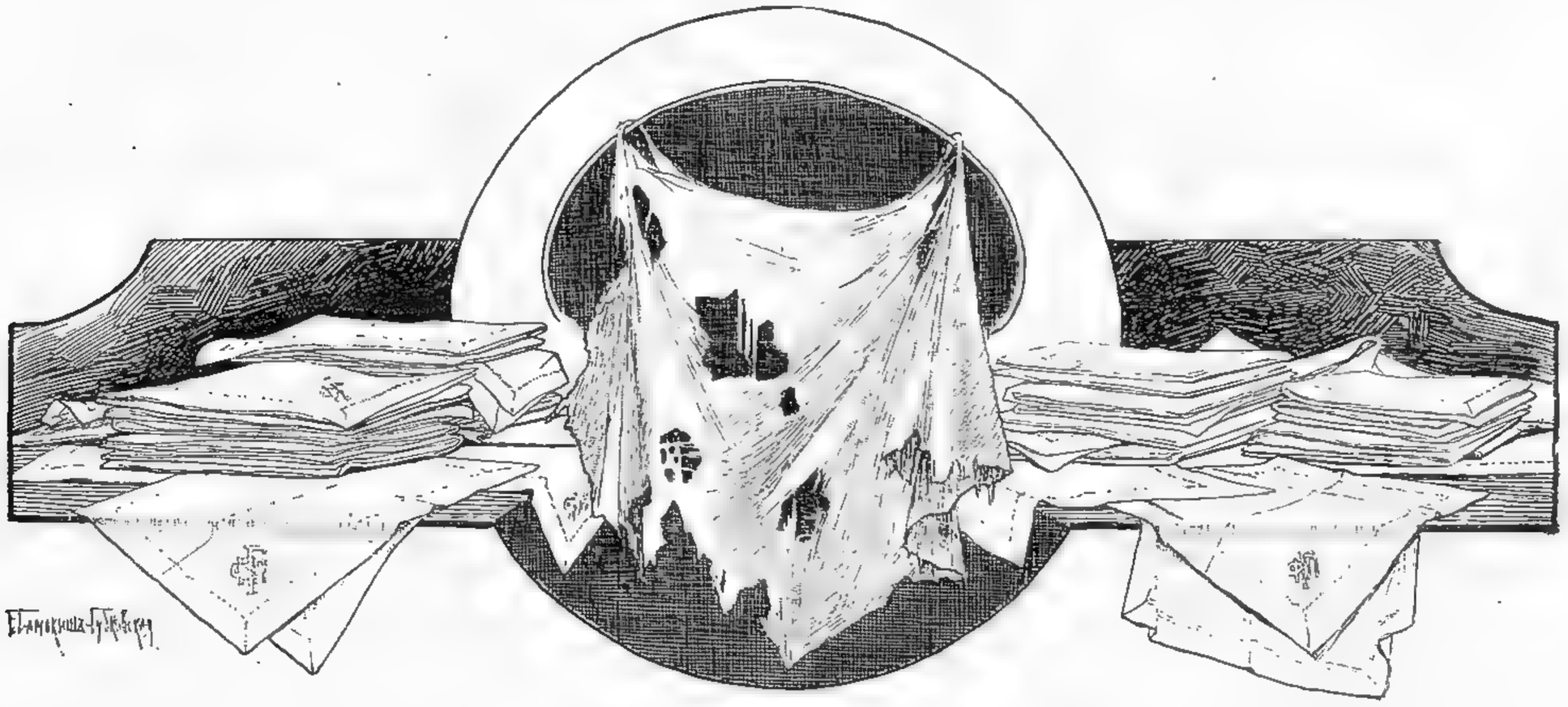
оно вскорѣ измѣнялось, потому что лицо его оживлялось мягкою, ласковою улыбкою и изъ нѣжно-пытливыхъ голубыхъ глазъ свѣтилась сознательная и дѣятельная доброта. Всегда ровный въ обращеніи, рѣдко смѣющійся, часто углубленный въ себя, Ѳедоръ Петровичъ избѣгалъ большого общества и бывалъ, случайно въ него попавши, молчаливъ. Но въ обыкновенной бесѣдѣ, вдвоемъ или въ небольшомъ кружкѣ, онъ любилъ говорить... Усѣвшись глубоко въ кресло, положивъ, привычнымъ образомъ, руки на колѣни, немного склонивъ голову и устремивъ прямо предъ собою задумчивый и печальный взоръ, онъ подолгу разсказывалъ... но никогда *о себѣ*, а всегда *о нихъ*, о тѣхъ, по комъ болѣло его сердце. Онъ очень не любилъ разспросовъ лично о себѣ, сердился, когда при немъ упоминали о его дѣятельности, а въ сужденіяхъ о людяхъ былъ, по единогласному отзыву всѣхъ знавшихъ его, «чистъ какъ дитя». Раздавая все, что имѣлъ, никогда не просилъ онъ матеріальной помощи своимъ «несчастнымъ», но радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московскіе друзья и знакомые, по словамъ Надежды Михайловны Еропкиной, не давали ему своихъ пожертвованій прямо въ руки, а клали ихъ въ задній карманъ его неизмѣннаго фрака. Старикъ добродушно

улыбался и дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ. Въ послѣдніе годы, однако, онъ сталъ разсѣянъ и забывчивъ, такъ что подчасъ деньги, положенныя въ его фракъ, не доходили до цѣли, попадая въ ловкія

и своекорыстныя руки. Тогда, по молчаливому общему соглашенію, ему стала класть свертки звонкой монеты (въ то время золото было въ обычномъ обращеніи, такъ же какъ и серебряные рубли), которые, оттягивая его карманъ и ударяя по ногамъ, напоминали ему о себѣ.

Одѣвался онъ чисто, но бѣдно; фракъ былъ истертый, съ неизбѣжнымъ Владиміромъ въ петлицѣ; старые черные чулки, много разъ заштопанные, пестрѣли дырочками. Гаазу было тягостно всякое вниманіе лично къ нему. Поэтому онъ, несмотря на настойчивыя просьбы друзей и знакомыхъ, несмотря на письменную просьбу лондонскаго библейскаго общества, ни за что не дозволялъ снять съ себя портрета. Сохранившійся чрезвычайно рѣдкій портретъ его въ профиль нарисованъ тайно отъ него художникомъ, котораго спряталъ за ширмы князь Щербатовъ, усадившій предъ собою на долгую бесѣду ничего не подозрѣвавшаго Ѳедора Петровича. Одинокій, весь погруженный въ мысли о другихъ, онъ лично, по выраженію поэта, «не былъ любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ». Однажды, придя къ Н. М. Еропкиной, принявъ въ креслѣ свою любимую позу и начавъ говорить о видѣнномъ имъ при отправленіи послѣдней этапной партіи, онъ вынулъ изъ кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платкомъ. Увидѣвъ это, слушательница, обойдя за спиною повѣство-

вавшаго старика, достала изъ комода хорошій батистовый платокъ и, молча взявъ изъ руки Гааза тряпицу, вложила взамѣнъ ея этотъ платокъ. Ѳедоръ Петровичъ улыбнулся, ласково взглянулъ на нее и сталъ продолжать свой разсказъ. «Однако, одного платка ему мало, онъ его потеряетъ, забудетъ...»—подумала Еропкина, и, доставъ изъ комода еще одиннадцать платковъ, тихонько положила ихъ въ карманъ свѣсившейся съ кресла фалды его фрака. Но Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки—и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ Еропкину за руки и голосомъ, ко-



тораго она не могла позабыть, сказалъ: «Oh! merci, merci! *ils* sont si malheureux!» Онъ не могъ допустить, чтобы это могла быть забота о немъ, а не о *нихъ*, ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь!

Онъ очень любилъ дѣтей. И дѣти ему платили тѣмъ же, шли къ нему съ довѣріемъ, лѣзли на него, ласкали его и теребили. Между ними завязывались разговоры, прерываемые шутками старика и звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ сажалъ ихъ на колѣни, смотрѣлъ въ ихъ чистые, правдивые глаза и часто, съ умиленнымъ выраженіемъ лица, возлагалъ имъ на голову руки, какъ бы благословляя ихъ! По словамъ супруги нашего великаго писателя, графини С. А. Толстой, онъ любилъ продѣлывать съ дѣтьми шутливое перечисленіе «необхо-

димыхъ добродѣтелей». Взявъ маленькую дѣтскую ручонку, растопыривъ ея пальчики, онъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, загибая большой палецъ, говорилъ—«благочестіе», загибая указательный—«благонравіе», «вѣжливость» и т. д., пока не доходилъ до мизинца. «Не лгать!»—восклицалъ онъ многозначительно:—«не лгать, не лгать, не лгать!»—повторялъ онъ, потрясая за мизинецъ руку смѣющагося дитяти...

Е. Гамокишъ-Гулковская

Строгій блюститель нравовъ въ себѣ и въ другихъ, Гаазъ не всегда дѣйствовалъ одними совѣтами, назиданіями и убѣжденіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пробовалъ оказывать своеобразное «противленіе злу» активными—и даже *разрушительными* дѣйствіями. Знавшимъ его ближе москвичамъ было извѣстно, что онъ очень любитъ хорошія картины и умѣетъ ихъ цѣнить. Когда, въ домѣ одного богатаго купца, онъ восхитился прекрасной копіей съ мадонны Ванъ-Дейка и выразилъ желаніе, чтобы она была помѣщена въ католической церкви въ Москвѣ, картина была препровождена на другой день къ нему, но съ условіемъ, чтобы до его смерти она у него и оставалась. Единственное украшеніе бѣдной обители Гааза,—по его кончинѣ она была передана въ церковь, какъ того всегда желалъ ея временный обладатель. У него же хранилось, подаренное кѣмъ-то, художественно исполненное изображеніе «снятія со креста», тисненное на кожѣ. Имъ благословилъ онъ, умирая, ординатора «Гаазовской боль-

ницы» Собакинскаго, который впослѣдствіи пожертвовалъ этотъ образъ въ церковь подмосковнаго села Куркина, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ съ соотвѣтствующею надписью.

По разсказу московскаго старожила,—служившаго еще у Ровинскаго, когда тотъ былъ губернскимъ прокуроромъ, г. Н—ва,—въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, у одного изъ московскихъ купцовъ, стараго холостяка, явилось непреоборимое желаніе похвастаться предъ «святымъ докторомъ» висѣвшею въ спальнѣ, задернутою зеленой тафтой, картиною, на которой откровенность изображенія доходила до крайнихъ предѣловъ грязной реальности. Послѣ долгихъ колебаній—онъ, наконецъ, рѣшился, заранѣе готовясь услышать негодующіе упреки Гааза. Но тотъ молчалъ, а затѣмъ сталъ просить продать ему картину. Владѣлецъ ни за что не соглашался, указывая на всю трудность полученія такой «рѣдкостной вещи», но, видя, что старикъ, котораго онъ глубоко чтилъ, страстно желаетъ, къ немалому его удивленію, имѣть неприличную картину, — предложилъ ему, скрѣпя сердце, принять ее въ подарокъ. Ѳедоръ Петровичъ наотрѣзъ отказался, продолжая просить *продать* картину. Тогда купецъ заломилъ очень большую цѣну. Гаазъ задумался, потомъ сказалъ: «картина за мной»—и уѣхалъ. Чрезъ два или три мѣсяца онъ привезъ требуемую сумму, доставшуюся ему, конечно, путемъ труда и большихъ лишеній, — и, довольный, увезъ въ своей пролеткѣ тщательно закрытую тафтою картину. Этотъ увозъ оставилъ пустое и больное мѣсто въ обыденномъ существованіи нечистоплотнаго холостяка,—онъ затосковалъ—и чрезъ нѣсколько дней рѣшился, подъ какимъ-то предлогомъ, заѣхать къ Гаазу, чтобы хоть взглянуть на *нее*. Старикъ принялъ его привѣтливо и началась бесѣда. Гость пытливо обводилъ глазами стѣны единственной пріемной комнаты (другая, маленькая, была спальнею). Картины не было. Наконецъ онъ рѣшился спросить хозяина о судьбѣ утраченнаго сокровища. «Картина здѣсь, въ этой комнатѣ», сказалъ хозяинъ. «Да гдѣ же, Ѳедоръ Петровичъ,—не видать что-то?!»—«Въ *печкѣ*...», спокойно отвѣтилъ Гаазъ.

Такъ дожилъ онъ до 1853 года—весь проникнутый дѣятельною любовью къ людямъ, осуществлять которую въ тогдашнее время, при

разгнѣвался до крайности формалистикѣ и суровой подозрительности, было не легко. Общество, наконецъ, поняло этого «чудака» и стало сознавать всю цѣну его личности и дѣятельности. «Когда я, въ началѣ

50-хъ годовъ,—писалъ намъ авторъ «Года на Сѣверѣ» и «Крылатыхъ словъ»,—студентствовалъ въ университетѣ, намъ, медикамъ, имя Гааза было не только извѣстно, но мы искали случая взглянуть на эту знаменитую личность—и я хорошо помню его наружность, а также главнымъ образомъ и то, что онъ уже и тогда былъ причисленъ къ лику святыхъ и таковымъ разумѣлся во всѣхъ слояхъ московскаго населенія».

Не такъ, однако, смотрѣлъ, стоявшій надъ этими слоями, графъ Закревскій, которому весьма не нравилась тревожная и хлопотливая дѣятельность «утрированнаго филантропа», постоянно нарушавшая пріятное сознаніе, что въ Москвѣ «все обстоитъ благополучно». Богъ знаетъ, въ какой формѣ осуществился бы практическій взглядъ гр. Закревскаго на Гааза, но судьбѣ угодно было избавить графа отъ докучныхъ хлопотъ о немъ. Общая освободительница—смерть—освободила его отъ «утрированнаго филантропа». Она подошла неожиданно. Въ началѣ августа 1853 г. Ѳедоръ Петровичъ заболѣлъ. У него сдѣлался громадный карбункулъ, и вскорѣ надежда на излѣченіе была потеряна. «Я засталъ его,—пишетъ А. К. Жизневскій,—не среди больныхъ, труждающихся и обремененныхъ; онъ самъ былъ боленъ и сидѣлъ въ своей комнатѣ, за ширмами, въ вольтеровскихъ креслахъ; на немъ былъ халатъ и его прекрасную голову не покрывалъ уже историческій парикъ. Его лицо, какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и добротою; благоговѣніе къ этому человѣку охватило меня, и я хотѣлъ поцѣловать его руку, но удержался, боясь его разстроить»... Онъ не могъ лежать, сидѣлъ постоянно въ креслѣ и очень страдалъ. «Несмотря на болѣзнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновенію доброту и привѣтливость,—говоритъ его современница Е. А. Драшусова,—онъ не только не жаловался на страданія, но вообще ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни, а безпрестанно занимался своими бѣдными, больными, заключенными,—дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ далекій путь, чтобы остающимся послѣ него было какъ можно лучше. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ, забывая себя для другихъ. Онъ зналъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ; ни одна жалоба, ни одно стенаніе, не вырвались изъ груди его;

только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: «я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько страданій»... Но страданія эти были непродолжительны—и конецъ былъ тихъ...»—Когда Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату своей скромной квартиры, открыть входныя двери и допускать къ себѣ всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, кто желалъ его видѣть, проститься съ нимъ и *отъ него* услышать слово утѣшенія...

Вѣсть о безнадежномъ состояніи Ѳедора Петровича подѣйствовала удручающимъ образомъ на служащихъ при пересыльной тюрьмѣ. Они обратились къ своему священнику, о. Орлову, съ просьбою отслужить, въ ихъ присутствіи, литургію о выздоровленіи больного. Не рѣшаясь это исполнить въ виду того, что Гаазъ не былъ православнымъ, о. Орловъ отправился заявить о своемъ затрудненіи митрополиту Филарету—и вспоминаетъ нынѣ, что Филаретъ молчалъ съ минуту, потомъ поднялъ руку для благословенія и восторженно сказалъ: «Богъ благословилъ молиться о всѣхъ живыхъ—и я тебя благословляю! Когда надѣешься ты быть у Ѳедора Петровича съ просфорой?»—и получивъ отвѣтъ, что въ два часа, прибавилъ:—«отправляйся съ Богомъ,—мы съ тобой увидимся у Ѳедора Петровича»...

И когда о. Орловъ, отслуживъ обѣдню и помолясь о Гаазѣ, «о которомъ не можетъ вспомнить безъ благодарныхъ слезъ», подъѣзжалъ къ его квартирѣ, карета московскаго владыки стояла уже у крыльца его стараго сотрудника и горячаго съ нимъ спорщика...

16-го августа Гааза не стало. Его не тотчасъ вынесли въ католическую церковь, а оставили въ квартирѣ, чтобы дать массѣ желающихъ возможность поклониться его праху въ той обстановкѣ, въ которой большинство приходившихъ получало его совѣты. Тлѣніе пощадило его до самыхъ похоронъ,—привычная добрая улыбка застыла на губахъ. На похороны стеклось до двадцати тысячъ человѣкъ и гробъ несли на рукахъ до кладбища на Введенскихъ горахъ. Разсказываютъ, что, почему-то опасаясь «безпорядковъ», Закревскій прислалъ спеціально на похороны полиціймейстера Цинскаго съ казаками, но когда Цинскій увидѣлъ искреннія и горячія слезы собравшагося народа, то онъ понялъ, что трогательная простота этой церемоніи и возвышающее душу горе толпы служатъ лучшею гарантіею спокойствія. Онъ отпустилъ казаковъ и, вмѣшавшись въ толпу, пошелъ пѣшкомъ на Введенскія горы.

На этихъ Введенскихъ горахъ, въ V разрядѣ католическаго кладбища, было предано землѣ тѣло Ѳедора Петровича. На могилѣ его, оставшійся неизвѣстнымъ другъ поставилъ памятникъ въ видѣ гранитной глыбы съ отшлифованнымъ гранитнымъ же крестомъ, съ надписью на ней: Fredericus Josephus Haas, natus Augusti MDCCLXXX, denatus XVI Aug. MDCCCLIII—и съ написаннымъ по-латыни 37-мъ стихомъ XII главы отъ Луки (beati servi illi, quos etc...): «Блаженни рабы

тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ: аминь глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ». Памятникъ этотъ былъ въ концѣ 80-хъ годовъ очень запущенъ, но въ послѣднее время возобновленъ по распоряженію московскаго тюремнаго комитета. Скромная квартира Гааза опустѣла. Все оставшееся послѣ него имущество оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ рублей и мелкихъ мѣдныхъ денегъ, изъ плохой мебели, поношенной одежды, книгъ и астрономическихъ инструментовъ. Отказывая себѣ во всемъ, старикъ имѣлъ одну слабость: онъ покупалъ, по случаю, телескопы и разные къ нимъ приборы—и, усталый отъ дневныхъ работъ, любилъ, по ночамъ, смотрѣть на небо, столь близкое, столь понятное его младенчески-чистой душѣ.

Трогательнаго человѣколюбца пришлось хоронить на счетъ казны, мѣрами полиціи. И тѣмъ не менѣе онъ оставилъ обширное *духовное завѣщаніе!* Его непоколебимая вѣра въ людей и въ ихъ лучшія свойства не изсякла въ немъ до конца. Онъ былъ *увѣренъ,* что тѣ, кто изъ уваженія къ нему и изъ неудобства отказывать его молчаливымъ, но неотступнымъ просьбамъ, помогали его бѣднымъ—и послѣ его смерти будутъ продолжать «торопиться дѣлать добро». Совершенно упуская изъ виду значеніе своей личности и ея, подчасъ неотразимаго, вліянія, онъ—въ полномъ непониманіи юридическихъ формъ—наивно и трогательно распоряжался *будущими* благодѣяніями добрыхъ людей, какъ своимъ *настоящимъ* богатствомъ. Назвавъ рядъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, отъ которыхъ можно было *несомнѣнно* ожидать пожертвованій, Гаазъ рисовалъ въ завѣщаніи широкіе планы различныхъ благотворительныхъ учрежденій, подлежавшихъ основанію на капиталы «благодѣтельныхъ лицъ», которыми долженъ былъ распоряжаться, въ качествѣ душеприказчика, докторъ Поль. Но огонь состраданія къ людскому несчастью, согрѣвавшій этихъ лицъ, горѣлъ, въ сущности, не въ нихъ, а въ безпокойномъ идеалистѣ, успокоившемся на Введенскихъ горахъ. Чувства, которыя умѣлъ зажигать Гаазъ, угасли еще скорѣе, чѣмъ его память—и докторъ Поль долженъ былъ ограничиться лишь изданіемъ, на свой счетъ, брошюры «Appel aux femmes», составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость.

Въ этомъ, своего рода духовномъ завѣщаніи, Гаазъ, въ формѣ обращенія къ русскимъ женщинамъ, излагаетъ тѣ нравственныя и религіозныя начала, которыми была проникнута его жизнь, и старается систематизировать проявленія любви къ людямъ и сострадания ихъ несчастію, составлявшія движущую силу, principium movens, его вседневной дѣятельности. «Вы призваны содѣйствовать перерожденію общества,—пишетъ Гаазъ, обращаясь къ женщинамъ:—и этого вы достигнете, дѣйствуя и мысля въ духѣ кротости, терпимости, справедливости, терпѣнія и любви. Поэтому, избѣгайте злословія, заступайтесь за отсутствующихъ и беззащитныхъ, оберегайте окружающихъ отъ вредныхъ увлеченій, вооружаясь твердо и мужественно противъ всего низкаго и порочнаго, не допускайте близкихъ до злоупотребленія виномъ, до увлеченія картами... Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы имѣть силы помогать ближнимъ, оно—даръ Божій, въ растратѣ котораго безъ пользы для людей придется дать отвѣтъ предъ своею совѣстью. Содѣйствуйте, по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію больницъ и пріютовъ для неимущихъ, для сиротъ и для людей въ преклонной старости, покинутыхъ, безпомощныхъ и безсильныхъ. Не останавливайтесь въ этомъ отношеніи предъ матеріальными жертвами, не задумывайтесь отказываться отъ роскошнаго и ненужнаго. Если нѣтъ собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но настойчиво у тѣхъ, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условіями и суетными правилами свѣтской жизни. Пусть требованіе блага ближняго одно направляетъ ваши шаги! Не бойтесь возможности уничиженія, не пугайтесь отказа... *Торопитесь дѣлать добро!* Умѣйте прощать, желайте примиренія, побѣждайте зло добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи, которую вы можете оказать въ томъ или другомъ случаѣ. Пусть она выразится подачею стакана свѣжей воды, дружескимъ привѣтомъ, словомъ утѣшенія, сочувствія, состраданія,—и то хорошо... Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно-разрушенное». Подкрѣпляя эти, разсыпанныя по всей книгѣ, наставленія житейскими примѣрами и ссылками на слова Христа, Гаазъ не можетъ отрѣшиться отъ глубокой вѣры въ хорошіе задатки нрав-

ственной природы человѣка. «Любовь и состраданіе живутъ въ сердцѣ каждаго!—восклицаетъ онъ—зло есть результатъ лишь ослѣпленія. Я не хочу, я не могу вѣрить, чтобы можно сознательно и хладнокровно причинять людямъ терзанія, заставляющія иногда пережить тысячу смертей до наступленія настоящей... «Не вѣдаютъ, что́ творятъ»—святыя и трогательныя слова, смягчающія вину однихъ, несущія утѣшеніе другимъ. Вотъ почему надо быть прежде всего снисходительнымъ... Способность къ такому снисхожденію не есть какая-либо добродѣтель, это—простая справедливость!» Во имя этой же справедливости онъ многократно возвращается къ вопросу объ отношеніяхъ хозяевъ и господъ къ тѣмъ, «кто у нихъ служитъ или отъ нихъ зависитъ», ссылаясь на посланіе ап. Павла къ Тимоѳею (I. V. 8). «Доказывайте словомъ и дѣломъ ваше расположеніе къ нимъ,—говоритъ онъ:—не отдавайте ихъ во власть или подъ надзоръ людей недостойныхъ, воспретите себѣ и всѣмъ въ домѣ вашемъ брань на служащихъ и презрительное отношеніе къ нимъ, читайте и разъясняйте имъ нравоучительныя книги, охраняйте нравственность ихъ, покровительствуйте ихъ браку, и пусть день воскресный будетъ посвящаемъ уже не вамъ—а Богу»...

Проповѣдь любви, уваженія къ человѣческому достоинству и серьезнаго отношенія къ жизни розлита по всей книгѣ, написанной сильнымъ, энергическимъ языкомъ, съ горячими и глубокопрочувствованными обращеніями къ читателю. Авторъ отразился въ ней, какъ въ зеркалѣ, и то, что сказано имъ по *смерти*, только освѣщаетъ и подкрѣпляетъ то, что дѣлалъ онъ при *жизни*. Этимъ полнымъ, гармоническимъ согласіемъ слова и дѣла,—при чемъ слово пришло послѣ дѣла и лишь завершило его,—этимъ сочетаніемъ, столь рѣдкимъ въ дѣйствительности, такъ ярко характеризуется Гаазъ! Онъ умеръ съ твердой вѣрою «въ міръ иной и въ жизнь другую» и могъ, съ полнымъ правомъ, повторить слова Руссо: «пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда, я предстану съ этой книгою предъ Верховнаго Судію и скажу: вотъ что́ я дѣлалъ, что́ я думалъ и чѣмъ я былъ!»

Кончина Ѳедора Петровича и его внушительные похороны произвели большое впечатлѣніе въ Москвѣ. Явились теплые некрологи,

болѣе, впрочемъ, богатые фразами, чѣмъ фактами; было собрано чрезвычайное засѣданіе тюремнаго комитета, въ которомъ вице-президентъ гражданскій губернаторъ Капнистъ, произнесъ рѣчь по поводу постигшей комитетъ утраты. «Убѣжденія и усилія Ѳедора Петровича,— сказалъ онъ, между прочимъ: — доходили часто до фанатизма, если такъ можно назвать благородныя его увлеченія; но это былъ фанатизмъ добра, фанатизмъ состраданія къ страждущимъ, фанатизмъ благотворенія—этого благороднаго чувства, облагораживающаго природу человѣка»... Между сослуживцами Гааза была открыта подписка на образованіе капитала для выдачи, въ день кончины Ѳедора Петровича, процентовъ съ него бѣднымъ семействамъ арестантовъ; рѣшено было для этой же цѣли отчислить изъ суммъ комитета 1.000 р. Это рѣшеніе было утверждено президентомъ попечительнаго общества, графомъ Орловымъ, изъявившимъ комитету свою благодарность за чувства, выраженныя имъ о христіанской дѣятельности покойнаго Гааза.

Наконецъ, въ «Москвитянинѣ» 1853 г. было напечатано стихотвореніе С. П. Шевырева «На могилу Ѳ. П. Гааза», помѣченное 19-го августа:

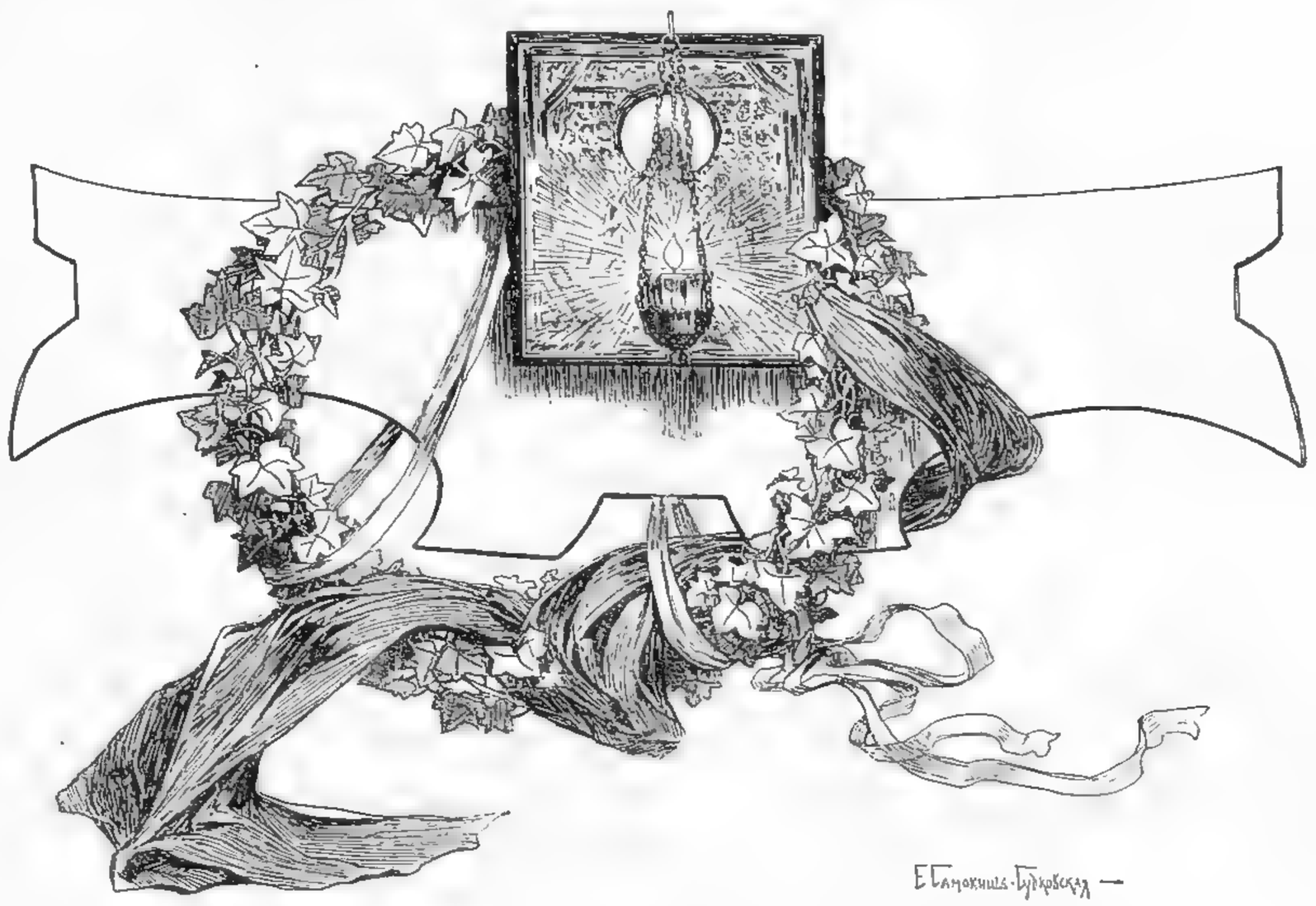
«Въ темницѣ былъ — и посѣтили» —
Слова любви, слова Христа,
Отъ лѣтъ невинныхъ намъ вложили
Души наставники въ уста.
Блаженъ, кто, твердый, снесъ въ могилу
Святого разума ихъ силу,
И, сердце теплое свое
Открывъ Спасителя ученью,
Все — состраданьемъ къ преступленью
Наполнилъ жизни бытіе!»

Вскорѣ, однако, за этимъ подъемомъ чувства наступило обычное у насъ равнодушіе и забвеніе, и память «фанатика добра» стала блекнуть и исчезать. Никто своевременно не собралъ любящею рукою живыхъ воспоминаній о немъ, и объемъ ихъ сталъ съ каждымъ годомъ, съ каждою смертью людей, знавшихъ его, суживаться. Не нашлось никого, кто бы тотчасъ, подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ, съ умиленіемъ предъ личностью «утрированнаго филантропа», набросалъ дрожащею отъ душевнаго порыва рукою его «житіе». *Знав-*

ціе его замкнулись въ область личныхъ воспоминаній и не почувствовали потребности повѣдать *не знавшимъ* о томъ, что̀ такое былъ Гаазъ. Только Евгенія Туръ, чрезъ девять лѣтъ послѣ его смерти, въ нѣсколькихъ прочувствованныхъ словахъ помянула «Божія человѣка, который ждетъ своего біографа»,—да, по прошествіи еще шести лѣтъ, П. А. Лебедевъ, въ довольно большомъ очеркѣ, обрисовалъ главныя черты тюремно-благотворительной дѣятельности Ѳедора Петровича. Но и эти напоминанія прошли, повидимому, безслѣдно, ибо въ настоящее время въ нашемъ обществѣ имя Гааза звучитъ, какъ нѣчто совершенно незнакомое, чуждое и не вызывающее никакихъ представленій. Даже среди образованныхъ людей, соприкасающихся съ тюремнымъ и судебнымъ дѣломъ, даже среди врачей, которымъ слѣдовало бы съ чувствомъ справедливой гордости помнить о главномъ врачѣ московскихъ тюремъ, имя его вызываетъ недоумѣвающій вопросъ: «Гаазъ?—кто такой Гаазъ?—что такое Гаазъ?»

Таково, впрочемъ, свойство нашего образованнаго общества, нашей такъ-называемой «интеллигенціи». Мы мало умѣемъ поддерживать сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ немногихъ дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, на которыхъ такъ скупа наша судьба. Мы смотримъ обыкновенно на ихъ усилія, трудъ и самоотверженіе съ безучастнымъ и лѣнивымъ любопытствомъ, «съ зловѣщимъ тактомъ—какъ выразился Некрасовъ,—сторожа̀ ихъ неудачу». Но когда такой человѣкъ внезапно сойдетъ со сцены, въ насъ вдругъ пробуждается чувствительность, очнувшаяся память ясно рисуетъ и пользу, принесенную усопшимъ, и его душевную красоту,—мы плачемъ поспѣшными, хотя и запоздалыми слезами, въ безплодномъ усердіи несемъ ненужные вѣнки... Каждое слово наше проникнуто чувствомъ нравственной осиротѣлости. Однако, все это скоро, очень скоро проходитъ. Скорбь наша менѣе долговѣчна, чѣмъ башмаки матери Гамлета. На смѣну ей являются равнодушіе и, потомъ, забвеніе. Черезъ годъ—другой, горячо оплаканный дѣятель забытъ, забытъ совершенно и прочно, и лишь въ немногія молчаливыя сердца память о немъ, «какъ нищій въ дверь—стучится боязливо». Затѣмъ и обладатели этихъ сердецъ уходятъ, и имя, которое должно бы служить ободряющимъ и поучительнымъ

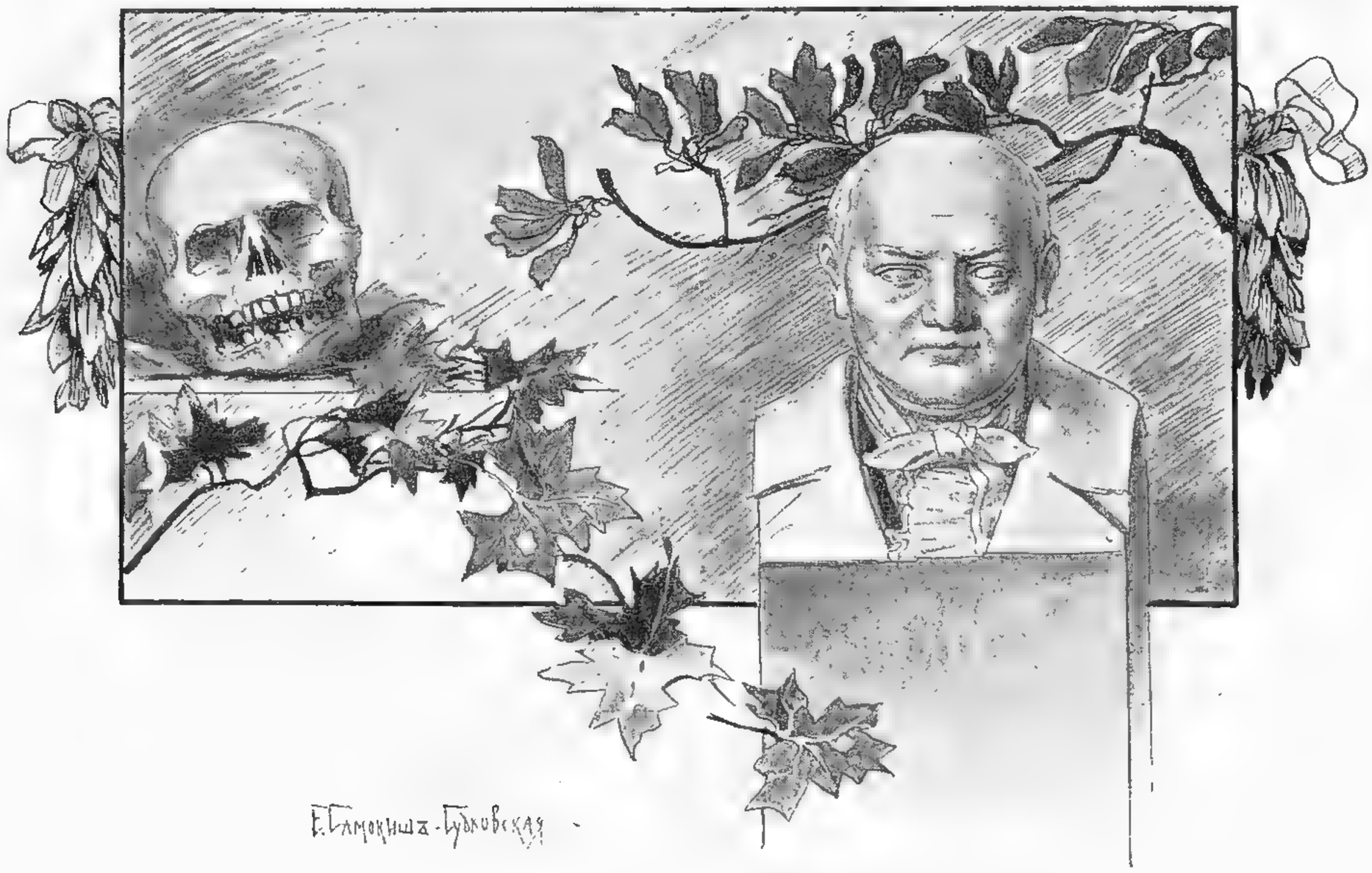
примѣромъ для каждаго новаго поколѣнія, уже произносится съ вопросительнымъ недоумѣніемъ: «какъ? кто это такой?» У насъ нѣтъ вчерашняго дня. Оттого и нашъ завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги... а затѣмъ все сомкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто...



Но если, вѣрное себѣ, наше общество не сохранило памяти о Гаазѣ, «темные люди», бѣднякп и даже отверженцы общества поступили иначе. Они не забыли. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ называетъ бывшую полицейскую больницу—«газовскою». Арестантъ, отправляемый по этапу, знаетъ, что надѣтые на него облегченные кандалы зовутъ «газовскими», да въ отдаленномъ нерчинскомъ острогѣ, по свидѣтельству П. А. Арсеньева, теплится лампада предъ иконою св. Ѳедора Тирона, сооруженною заключенными на свои скудные заработки по полученіи вѣсти о смерти «святого доктора»...

Не забытъ Гаазъ и въ тѣсной средѣ врачей «гаазовской», нынѣ Александровской больницы. На средства, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей, собранные однимъ изъ преемниковъ его, докторомъ Шайкевичемъ, содержится въ ней кровать «имени Ѳ. П. Гааза», а бюстъ «утрированнаго филантропа» напоминаетъ о томъ, кому больница

обязана своимъ существованіемъ. Будемъ, однако, надѣяться, что память о Ѳедорѣ Петровичѣ Гаазѣ не окончательно умретъ и въ широкомъ кругѣ образованнаго общества. Память о людяхъ, подобныхъ ему, должна быть поддерживаема, какъ свѣтильникъ, льющій кроткій, примирительный свѣтъ. Въ этой памяти — единственная награда безкорыстнаго, святого труда такихъ людей; въ ея живучести—утѣшеніе для тѣхъ, на кого могутъ нападать минуты малодушнаго невѣрія въ возможность и осуществимость добра и справедливости на землѣ. Люди, подобные Гаазу, должны быть близки и дороги обществу, если оно не хочетъ совершенно погрязнуть въ низменной суетѣ эгоистическихъ расчетовъ. На одной изъ могилъ, окружающихъ крестъ надъ прахомъ Ѳ. П. Гааза, есть надпись: «Wer im Gedächtniss seinen Lieben lebt — ist ja nicht todt, er ist nur fern! — Todt ist nur der — der vergessen wird»... Хочется думать, что великодушному и чистому старику не будетъ дано умереть совсѣмъ, что его нравственный образъ не потускнѣетъ, что физическая смерть лишь удалила его, но не умертвила памяти о немъ.



Oserai-je rappeler l'attention de Votre
Excellence sur Mr le Professeur Rensf,
dont les lumières dans la physique, et les études
particulières de ce qui regarde l'instruction du
peuple en Russie, jointes à un vrai dévouement
pour le bien-être du prochain me paroissent le
rendre un des hommes recherchés pour cet objet.

Въ заключеніе нельзя не остановиться еще на одной поучительной сторонѣ жизни Ѳедора Петровича. У насъ встрѣчается, хотя и рѣдко высказываемое прямо, но раздѣляемое очень многими, убѣжденіе, что между созданіями художественнаго творчества и дѣйствительностью существуетъ рѣзкое и непримиримое различіе. Книга,—говорятъ приверженцы этого взгляда,—содержитъ обыкновенно вымыселъ, не находящій себѣ подтвержденія въ *настоящей* жизни и очень часто сурово опровергаемый ею. Поэтому, книга и жизнь — двѣ совершенно разныя вещи, — и горе тому идеалисту, который вздумаетъ жить по внушеніямъ книги! Надъ книжнымъ вымысломъ можно, пожалуй, поплакать праздными слезами, можно восторгаться имъ, задумываться надъ нимъ, уносясь отъ грѣшной земли въ сочиненныя поэтами сферы отвлеченныхъ чувствъ, но жизнь гораздо проще, грубѣе и зауряднѣе. Въ ней нѣтъ матеріала для подъема духа, все въ ней приноровлено къ потребностямъ средняго человѣка, и вся задача ея состоитъ въ отысканіи и примѣненіи способовъ для практическаго удовлетворенія этихъ потребностей. Поэтому, отчего не восхититься поэтическимъ образомъ, не воспылать мимолетнымъ негодованіемъ, не умилиться надъ хорошею книгою. Все это очень даже умѣстно, но... только покуда читается книга. А разъ она отложена въ сторону, начинается пѣсня «изъ другой оперы», и снова наступаетъ *настоящая* жизнь, низменная, практическая, эгоистическая, въ которой господствуетъ знаменитая апокрифическая *одиннадцатая* заповѣдь: «не зѣвай!» Однимъ словомъ—книга сама по себѣ, жизнь—сама по себѣ.

Все это, однако, невѣрно. Между творческимъ созданіемъ и явленіями дѣйствительной жизни очень много общаго. Каждый пастырь церкви, достойный своего сана,—каждый внимательный и развитый врачъ,—каждый вдумчивый судья—безъ сомнѣнія знаютъ, что жизнь въ своихъ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ являетъ такія драмы, завязываетъ такіе гордіевые узлы, предъ которыми блѣднѣетъ иной смѣлый вымыселъ. Они знаютъ также, что въ ней встрѣчаются страницы, исполненныя истинной поэзіи и явнаго присутствія высшихъ проявленій человѣческаго духа, — страницы, подъ которыми подписался бы съ готовностью любой художникъ. Знающіе дѣйствитель-

ность не съ одной чувственно-своекорыстной стороны, должны указывать молодому поколѣнію, что книга жизни заключаетъ въ себѣ, только въ другихъ сочетаніяхъ, то же самое, что и книга, составляющая плодъ художественнаго творчества,—что обѣ одинаково даютъ матеріалъ и для сладкихъ слезъ, и для горькихъ сомнѣній, и для возвышающихъ душу порывовъ, и для будящихъ совѣсть тревогъ и откровеній.

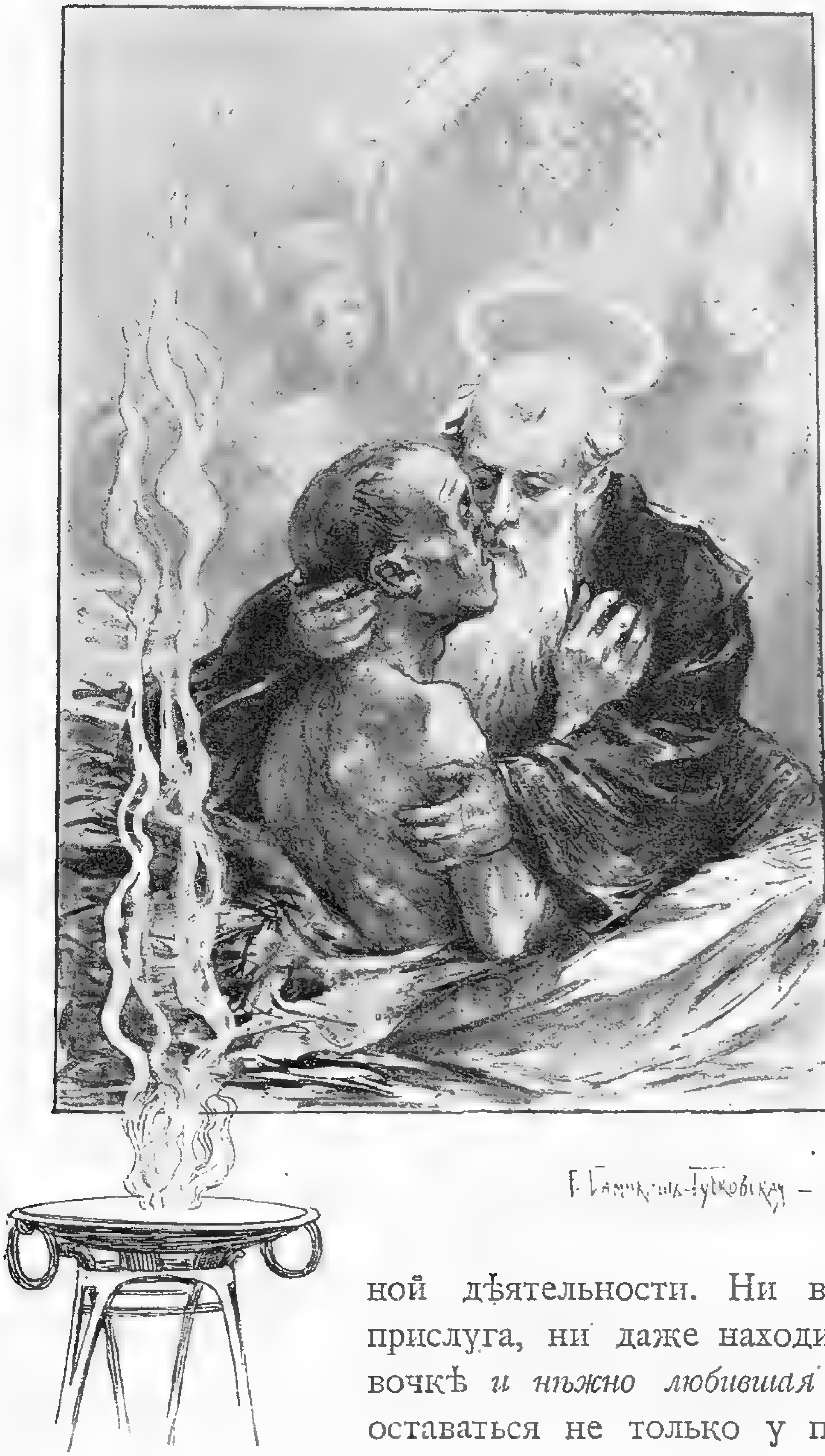
Кто изъ читавшихъ знаменитый романъ Виктора Гюго: «Les misérables», не помнитъ трогательнаго разсказа объ епископѣ Миріелѣ, пріютившемъ и обогрѣвшемъ у себя отбывшаго каторгу Жана Вальжана, котораго отовсюду гонятъ съ его «волчьимъ паспортомъ?» Переночевавъ, послѣдній потихоньку уходитъ и, искушенный видомъ серебряныхъ ложекъ, поданныхъ наканунѣ къ ужину, похищаетъ ихъ. Его встрѣчаютъ жандармы, заподазриваютъ и приводятъ съ полиѣнымъ къ епископу,—но, движимый глубокимъ милосердіемъ, Миріель привѣтливо идетъ къ нему навстрѣчу и съ ласковой улыбкою спрашиваетъ: «отчего же, другъ мой, вы не взяли и серебряныхъ подсвѣчниковъ, которые я вамъ тоже подарилъ?» Толчокъ для нравственнаго перерожденія данъ, и Вальжанъ, духовно поднятый и просвѣтленный, вступаетъ въ новую жизнь... Таковъ поэтическій вымыселъ, созданный талантомъ и глубокимъ чувствомъ французскаго поэта... Но вотъ что, по словамъ двухъ современниковъ Гааза, случилось въ сороковыхъ годахъ, лѣтъ за двадцать до появленія въ свѣтъ «Les misérables», въ Москвѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ. Одинъ изъ пришедшихъ къ Гаазу, въ числѣ бѣдныхъ больныхъ, укралъ у него со стола часы, но былъ захваченъ съ поличнымъ, не успѣвъ выйти за ворота. Ѳедоръ Петровичъ, запретивъ посылать за полиціею, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о его поступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ за помощью и въ заключеніе, взявъ съ него честное слово не воровать болѣе, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры, свои наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями отпустилъ его.

Многіе, конечно, знаютъ трогательную католическую легенду о

св. Юліанѣ Милостивомъ, мастерски разсказанную Флоберомъ и переведенную на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. Она оканчивается разсказомъ о томъ, какъ Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго отвратительною проказою. Худыя плечи, грудь и руки путника исчезаютъ подъ чешуйками гноевыхъ прыщей, и изъ зіяющаго, какъ у скелета, носа и синеватыхъ губъ его отдѣляется зловонное и густое какъ туманъ дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, послѣ чего столъ, ковшъ и ручка ножа покрываются подозрительными пятнами,—старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: «на твою постель!» и требуетъ, затѣмъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ него, а потомъ—чтобы онъ раздѣлся и грѣлъ его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается; «я умираю!—восклицаетъ онъ,—обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ твоимъ!» Юліанъ обнимаетъ его, цѣлуетъ въ смердящія уста... «Тогда,—повѣствуетъ Флоберъ,—прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ—и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладана, и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣснь. Неизъяснимый восторгъ, нечеловѣческая радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо»...

Это—легенда, это—трогательный поэтическій вымыселъ на религіозной подкладкѣ. А вотъ дѣйствительность... Директоръ госпитальной клиники московскаго университета, профессоръ Новацкій, пишетъ намъ 19 іюня 1891 года, о Ѳ. П. Гаазѣ: «Я принадлежу Москвѣ съ 1848 года. Во время моего студенчества я не имѣлъ чести не только знать, но и видѣть Ѳедора Петровича, а годъ моего поступленія на службу въ одну изъ клиникъ московскаго университета—1853 г.—былъ, кажется, годомъ его смерти. Правда, въ это короткое время мнѣ, какъ дежурному по клиникѣ ассистенту, при-

шлось принять одинъ разъ въ Екатерининской больницѣ, гдѣ клиники находились, — Ѳедора Петровича и представить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную—крестьянскую дѣвочку. Одиннадцатилѣтняя мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака* (Noma), который въ теченіе 4 — 5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица, вмѣстѣ со скелетомъ носа и однимъ глазомъ. Кромѣ быстроты теченія и жестокости испытываемыхъ дѣвочкою болей, случай этотъ отличался еще тѣмъ, что разрушенныя омертвѣніемъ ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоніе, подобнаго которому я не обонялъ затѣмъ въ теченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ *и нѣжно любившая ее мать* не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ ком-



натѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а на третій—дѣвочка скончалась...»

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА